

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЦЕНТР ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ ИМЕНИ АБУ РАЙХАНА БЕРУНИ

КУБАТИН А.В.

**СИСТЕМА ТИТУЛОВ
В ТЮРКСКОМ КАГАНАТЕ:
ГЕНЕЗИС И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ**

ТАШКЕНТ – 2016

УДК: 94(575)
ББК 63.3(5Ўз)4
Б 79

Кубатин А.В.

Система титулов в Тюркском каганате: генезис и преемственность / А.В. Кубатин; отв. редактор Г.Б. Бабаяров; Ташкентский государственный институт востоковедения, Центр восточных рукописей им. Абу Райхана Беруни при Ташкентском государственном институте востоковедения. – Ташкент: Yangi nashr, 2016. – 192 с.

Исследование подготовлено на основании заказа № 65-04/172 Ташкентского государственного института востоковедения.

В монографии исследуется система титулов Тюркского каганата, а также вопрос о происхождении древнетюркских титулов и их преемственности в системе управления ряда государственных объединений Центральной Азии эпохи древности и раннего средневековья. В работе использован широкий круг письменных источников, относящихся к этой эпохе, позволяющих пролить свет на ряд аспектов государственного управления Тюркского каганата, в частности, на его систему титулов.

Книга рассчитана на историков, востоковедов и тюркологов, студентов бакалавриата и магистратуры ВУЗов, а также на широкий круг читателей, интересующихся раннесредневековой историей Центральной Азии.

Ответственный редактор:

д.и.н. Г.Б. Бабаяров.

Рецензенты:

д.и.н. А. Ходжаев,
проф., д.и.н. Н.Э. Каримова.

Книга рекомендована к печати Ученым советом Ташкентского государственного института востоковедения (Протокол заседания № 6 от 28 января 2016 года) и Ученым советом Центра восточных рукописей имени Абу Райхана Беруни при Ташкентском государственном институте востоковедения (Протокол заседания № 12 от 30 ноября 2015 года).

ББК 63.3(5Ўз)4

ISBN 978-9943-22-220-5

© Кубатин А.В., 2016

© Yangi nashr, 2016

“ ... q(a)ŋ(i)m: türk: bilge: q(a)γ(a)n: ol(u)rtuq̄inta: türk:
(a)mti: b(e)gl(e)r: kisre: t(a)rduš: b(e)gl(e)r: kü:l: čor:
b(a)šl(a)yu: ul(a)yu: š(a)d(a)p̄it: b(e)gl(e)r: öŋre: töl(i)s:
b(e)gl(e)r: (a)pa: t(a)rqa[(a)n]

b(a)šl(a)yu: ul(a)yu: š(a)d(a)p̄it: b(e)gl(e)r: bu [.....]
(a)t(a)m(a)n: t(a)rqa(a)n: tunyuquq: boyla: b(a)γ(a):
t(a)rqa(a)n: ul(a)yu: buyruq [.....]ič buyruq: s(e)b(i)g kü:l
(e)rk(i)n: b(a)šl(a)yu: ul(a)yu: buyruq: ... ”

“При восшествии на престол моего отца, тюркского Бильге-кагана, теперешние тюркские беки [расположились] в следующем порядке. Позади [на западе] – тардуш-беки с Кюль-чором во главе, а за ним – шадапыт-беки, впереди [на востоке] – толес-беки с Ана-тарканом... во главе, а за ним шадапыт-беки. [Направо, на юг] ... [беки] ... (А)таман-Таркан, Туньюкук Бойла Бага таркан во главе, а за ним Буйрук-[беки], во главе вождь внутренних (ич) буйруков Себиг Кюль-эркин, а за ними буйруки”.

стела Бильге-кагана, южная сторона 13-14 строки

*Посвящается светлой памяти дорогого отца
Кубатина Виктора Николаевича (1951-2014)*

ВВЕДЕНИЕ

Издревле в традициях государственности народов Евразии особое значение имела система титулов, генезис которой был непосредственно связан с процессом формирования государств. В этом отношении особое место занимают тюркоязычные народы – один из значительных этнических компонентов Евразии, создавшие на ее территории большинство государственных объединений и имеющих многовековые традиции государственности. Среди государственных объединений, созданных тюркоязычными этносами, особое место занимает Тюркский каганат, в котором ярко проявились традиции древнетюркской государственности, и приняла завершённый вид система титулов.

Процесс формирования системы титулов в Тюркском каганате был непосредственно связан с развитием государственности тюркских народов и многовековой преемственности традиций государственности в государственных объединениях Центральной Азии. Уже на ранних этапах государственной истории в древнетюркском обществе имелась строгая иерархия, согласно которой место в системе социальных связей и политический вес члена общества определялись его титулом. Такое положение было присущей особенностью древнетюркского общества и это подтверждается сведениями китайских, древнетюркских и других источников, в которых большинство действующих лиц из древних тюрков, упоминаемых в связи с различными событиями, упоминаются не под своими личными именами, а под своими титулами и эпитетами. При этом следует отметить, что состав и количество титулов на различных этапах истории тюркских народов, в том числе и в Тюркском каганате, менялся. Это было связано с развитием государственно-управленческой структуры и усложнением социальных взаимоотношений, происходивших в древнетюркском обществе. Насколько сложным был и каким образом протекал данный процесс судить трудно, поскольку

сведения письменных источников по этому поводу скудны и не раскрывают в полной мере весь процесс изменений, происходивших в ранговой структуре Тюркского каганата. Основным источником сведений, которые позволяют говорить о сложении системы титулов в государственных объединениях тюркских народов и изменениях, происходивших в ее составе, являются китайские хроники.

Сведения письменных источников позволяют говорить о том, что в Тюркском каганате имелась строгая иерархическая система, для каждой из ступеней которой имелся свой титул, которому соответствовала определенная должность. При этом каждый титул ранжировался внутри самого себя. Особая роль в определении рангов принадлежала эпитетам, которые составляли большинство в системе титулов Тюркского каганата. Изучение системы титулов каганата в историческом и лингвистическом аспектах, имеет большое значение не только для истории языка, но, и в первую очередь, для истории государственности и традиций управления древних тюрков, а также позволит раскрыть их социальное устройство и правовую организацию. Вместе с тем, сегодня все еще остается актуальным вопрос о том, с какими именно политическими и культурными процессами было связано широкое распространение древнетюркской системы титулов на обширной территории, включающей в себя Монголию, Южную Сибирь, степи Евразии, Центральную Азию (Восточный Туркестан, Среднюю Азию, Хорасан, Афганистан), Северную Индию, Восточную Европу, Северный Кавказ и Крым, в том числе в ряде случаев в нетюркоязычной среде.

Следует отметить, что древнетюркская система титулов формировалась в течение столетий и источником ее формирования являлись как чисто тюркские, так и заимствованные от соседних народов титулы. Начало этого процесса приходится на создание государственного объединения Хунов (*сюнну*), и он продолжался вплоть до образования Тюркского каганата, когда древнетюркская система титулов полностью оформилась и приобрела четкую иерархию. Государственное устройство, традиции государственности и система титулов Тюркского каганата послужили образцом не

только для тюркских, но и других государств той и последующих эпох. Яркие примеры этому Киевская Русь (Киевский каганат), Уйгурский, Хазарский и Караханидский каганаты, империя Чингисхана.

В настоящее время имеется значительное количество работ, в которых в разной степени дан исторический и лингвистический анализ ряда титулов, присущих каганату, однако до сих пор полностью не выяснен их генезис и эволюция. Вместе с тем, практически во всех исследованиях, посвященных государственному управлению Тюркского каганата, не определено точное количество титулов, которые использовались в нем, а также не выделяется такая категория терминов, существовавших в системе титулов, как эпитеты. Эпитеты, занимавшее особое место в системе титулов каганата, в отличие от титулов не обозначали какую-либо должность, а служили для определения рангов внутри какого-либо определенного титула, или являлись почетными прозвищами.

Следует отметить, что в научных кругах широкое распространение получила точка зрения, согласно которой появление ряда титулов у древних тюрков связано с внешним влиянием. Руководствуясь внешним сходством и гипотезами, многие из исследователей – синологи, иранисты, монголисты и др., под влиянием отраслей своих исследований, ищут происхождение древнетюркских титулов из других источников. Хотя это верно по отношению к некоторым титулам, которые являются непосредственными заимствованиями, однако, их большинство можно этимологизировать на тюркской почве.

В данном исследовании с привлечением широкого круга письменных источников на различных (китайском, древнетюркском, согдийском, бактрийском, хотано-сакском, тибетском, греческом, армянском и др.) языках, нумизматических и лингвистических данных, а также исследований, которые в той или иной мере касаются титулов, употреблявшихся у древних тюрков, дана попытка раскрыть некоторые актуальные вопросы, связанные с системой титулов Тюркского каганата. Я надеюсь, что представляемый на суд читателя данный труд, станет еще одним шагом, сделанным вперед в данной проблематике.

Материалы монографии могут быть использованы в научных исследованиях, при подготовке учебников, учебно-методических пособий для высших учебных заведений, академических лицеев и профессиональных колледжей, а также при проведении лекционных и семинарских занятий в рамках спецкурсов (предметы по выбору) по истории государственности эпохи раннего средневековья.

Выражаю особую благодарность своим учителям и наставникам д.и.н. Г. Б. Бабаярову, д.и.н. А. Ходжаеву, проф. Н. Э. Каримовой и к.и.н. А. Айтбаеву, а также своей семье и близким, благодаря советам, помощи и пониманию которых было осуществлено данное исследование.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СИСТЕМЕ ТИТУЛОВ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

1.1. Письменные источники

Изучение различных аспектов истории, государственного устройства и традиций государственности Тюркского каганата, в том числе такой важной составляющей его системы управления, как иерархическая номенклатура и с ее титулами, требует привлечения в исследование не только письменных источников VI-VIII вв., написанных на различных языках, но и плодотворного использования эпиграфического и нумизматического материала, найденного в результате археологических работ. Многочисленный нумизматический материал и новые эпиграфические памятники, найденные в последние годы в различных регионах Центральной Азии, позволили пересмотреть и внести ясность в ряд вопросов, связанных не только с социально-политической историей Тюркского каганата, но и с его системой титулов.

Сегодня имеется значительное количество сведений письменных источников, касающихся внутренней жизни и внешней политики Тюркского каганата и других степных империй, появившихся на исторической арене после него. Среди них для нас особый интерес представляют сведения, связанные с титулами, которые употреблялись в системе управления Тюркского каганата. Вместе с тем, чтобы понять каким образом складывалась система титулов, каково происхождение того или иного титула, в чем заключалась функция той или иной должности, которую он обозначал и т.п., необходимо провести в рамках каганата анализ традиций государственности кочевых этносов Центральной Азии того времени, в том числе древних тюрков. При этом, уделяя особое внимание традициям, связанным с титулами и системой управления, что является одной из особенностей анализируемой нами темы.

В процессе анализа источников, учитывая степень их достоверности, основное внимание, главным образом, было уделено сведениям, касающимся происхождения, сущности и иерархии титулов и т.п. Прежде всего, анализируя источники,

мы постарались выделить из них их составные части, имеющие взаимное сходство. Т.е., в независимости от того, письменный ли этот источник, или же это одна из археологических находок, мы посчитали нужным воспользоваться ими, собрав воедино их аспекты, касающиеся системы титулов. Поэтому при постановке вопроса, мы наряду с широко распространенным в науке методом анализа источников, в качестве критерия выбрали следующие показатели: *а) классификации по видам; б) этнополитическая принадлежность авторов; в) время создания.*

а) Классификация источников по видам. В качестве основной базы исследования были взяты сведения письменных источников, которые, как известно, служат первичной основой при реконструкции общественного строя, государственности различных этносов или государственных объединений, а также связанной с ними системы титулов. В изучении данной проблемы нумизматический и эпиграфический материал, найденный в результате археологических раскопок или другими путями (случайные находки, научные экспедиции и т.п.), может быть только лишь вспомогательным источником. Так как, изучаемый нами вопрос находит в них лишь частичное отражение и выводы, полученные только на их основе, не могут быть объективными. Монеты, в легендах которых заняли место древнетюркские титулы и эпитеты, хотя и играют определенную роль в освещении вопросов, связанных с системой титулов, но они не позволяют получить полного представления о системе титулов без привлечения сведений письменных источников.

Хроники.

Среди письменных источников, в которых нашли отражение сведения о Тюркском каганате и более обстоятельно освещаются вопросы, связанные с нашим объектом исследования, являются хроники. Среди них первостепенное значение имеют китайские династийные хроники и древнетюркские стелы, в которых нашло отражение самое большее число сведений по изучаемой проблеме. При освещении некоторых аспектов истории Тюркского каганата также важны и письменные источники летописного характера на греческом, армянском и сирийском языках.

Важным преимуществом этого вида источников, является широкий охват в хронологическом отношении, что позволяет последовательно наблюдать изменения, происходившие в политической и социальной жизни каганата, в том числе в его системе титулов. При этом, они имеют очень специфический характер, заключающийся в том, что подобные произведения в географическом отношении охватывают относительно небольшой регион и основное внимание их авторов уделено битвам и освещению их подробностей. Китайские хроники в этом отношении имеют более обширный охват. Однако, в них в основном получили освещение политические процессы, происходившие в центральных территориях Тюркского каганата и его взаимоотношения с Китаем, чего не скажешь по отношению к окраинным территориям каганата, как Причерноморье, Северный Кавказ и Хорасан. В связи с этим, появляется объективная необходимость обращения к источникам на других языках. Подобно этому, древнетюркские стелы хотя и освещают события по годам, но их сведения относятся к более поздним этапам существования каганата.

Путевые записки.

Сведения путевых записок также позволяют осветить некоторые аспекты системы управления каганата, в том числе его системы титулов. Среди них большое значение для изучаемого нами периода имеют путевые записки Сюань Цзана (627-644) и Хой Чао (720-е гг.)¹, посетивших во время своего путешествия в основном юго-западные регионы Центральной Азии и соседние с ними страны. По своим особенностям в определенной степени имеют характер путевых записок и некоторые из источников на греческом языке, написанные на основе сведений, собранных послами Византии во время своего посещения территории каганата. К одному из видов жанра путевых записок также можно отнести дошедший до нас в тибетском переводе документ, написанный на основе сведений послов Уйгурского каганата, отправленных для ревизии сбора

¹ Бернштам А.Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // Вестник древней истории. – М., 1952. – №1. – С. 187-195; Ekrem E. Hsüan-Tsang Seyahetnamesi'ne göre Türkistan. Basılmamış doktora tezi. Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Ankara, 2003. – 318 s.

налогов от вассальных ему племен и родов, а также данных о соседних народах².

Документы.

Сегодня хотя нам не известны какие-либо документы, созданные непосредственно по приказу правителей каганата³, но в нашем распоряжении имеются десятки документов из вассальных владений Тюркского каганата. Так, в согдийских документах из архива с горы Муг, относящихся к владению Панч, бактрийских документах из Тохаристана и долины Кабула, а также в документах на согдийском и китайском языке из Гаочана (Турфан), нашли отражение ряд сведений, связанных с системой управления каганата. Хотя при составлении данных документов центральная власть Тюркского каганата не принимала непосредственного участия, но наличие в них имен и титулов его чиновников, а также некоторых сведений, связанных с его системой управления, требует их привлечения в исследование.

Эпос и эпические произведения.

В настоящее время мы не имеем сведений о письменной фиксации эпосов или подобных им произведений в эпоху Тюркского каганата. Письменная фиксация большинства произведений такого характера относится к эпохе средневековья. Несмотря на это, в них имеется ряд ценных сведений относительно социально-политической истории каганата, в том числе его традиций государственности. К таковым можно отнести такой эпос как “Огузнаме”. Сведения китайских хроник, связанные с легендами о происхождении тюрков, также имеют большое значение при освещении вопросов, связанных со становлением каганата как государства. К этому виду источников следует относить также некоторые сведения,

² Некоторые исследователи считают, что этот документ написан на основании сведений, предоставленных пятью послами Уйгурского каганата, посетивших Тибет в 787-843 гг. (Çandarlıoğlu G. Sarı Uygurlar ve Kansu bölgesi (9.-11. Asırlar). – İstanbul, 2004. – S. 13).

³ Некоторые древнетюркские стелы, древнетюркский документ с горы Муг и упомянутый выше тибетский документ, позволяют предполагать, что в Тюркском каганате имелась традиция составления документов, подтверждаемых наличием писарской службы и должностью *битикчи/биткучи*.

связанные с происхождением тюрков и их государств, нашедшие отражение в арабо-персидских источниках.

Лингвистические источники.

Данный вид источников также важен при освещении традиций государственности древних тюрков. Лингвистические источники неоценимы при работе с титулами, в особенности, при определении их происхождения и функций их носителей. В этом отношении значительна роль древнетюркских рунических стел, относящихся к Тюркскому каганату. Данные стелы являются первичным источником в выявлении и изучении терминов, титулов и эпитетов, непосредственно и косвенно связанных с каганатом. К лингвистическим источникам следует также отнести произведение “Диван лугат ат-Турк” Махмуда Кашгари (XI в.). Это произведение хотя и написано несколько веков спустя после того, как исчез Тюркский каганат, но оно неоценимо в определении этимологии титулов и терминов, нашедших отражение в стелах, а также в решении других вопросов, связанных с ними. В этом отношении особое значение имеют также Древнетюркский словарь⁴, труды Дж. Клосона, М. Рясняна, Э.В. Севортяна, исследования по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков⁵, в которых сопоставляются тюркские языки и дается этимологический анализ их лексики, в том числе и древнетюркских титулов.

б) Классификация источников по этнополитической принадлежности авторов источников. При выявлении источников, непосредственно относящихся к истории Тюркского

⁴ Кашгари, Махмуд. Диван лугат ат-Турк / Пер. А.М. Ауэзовой, индексы Р.Эрмерса. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1281 с; Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – 676 с. (далее ДТС).

⁵ Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – xlviii + 989 p. (далее EDT); Raesaenen M. Versuch eines etymologischen Woerterbuchs der Tuerksprachen. – Helsinki, 1969. – 548 s; Севортян Э. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 2-е изд., доп. / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2001. – 822 с. (далее СИГТЯ: Лексика); Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с (далее СИГТЯ: Пратюркский язык-основа).

каганата и определения степени их достоверности, следует учитывать этнополитическую среду, в которой они были созданы. Этот критерий позволяет выявить первичные и вспомогательные источники по истории Тюркского каганата.

Этнополитическая принадлежность служит также основным критерием при определении степени объективности освещения автором событий, а также того, насколько сведения источников связаны с историческими реалиями. Так произведения, созданные в среде Тюркского каганата, характеризуются тем, что в них события освещаются непосредственно. Произведения, созданные представителями этносов, не входивших в состав каганата, отличаются тем, что среди них имеются как написанные по “политическому заказу”, так и без него.

Источники на древнетюркском и согдийском языках.

Среди источников, написанных на данных языках, несомненно, на первом месте стоят следующие памятники официальной истории Тюркского каганата: согдоязычные Бугутская (588) и Илийская (599) стелы, древнетюркские рунические Орхоно-Енисейские стелы, как стелы Туңьюкука, Кюль Тегина, Бильге кагана, Моюн-чура, Онгинская и Терхинская стелы, созданные в промежутке между 690 и 730 годами⁶. Каждый из этих памятников создан в среде древних тюрков, являвшихся этносом-основателем каганата, и поэтому, они имеют приоритетное значение при решении ряда вопросов, связанных с темой исследования. Бугутская и Илийская стелы, хотя и написаны на согдийском языке, но это не преуменьшает их значения, учитывая принадлежность их авторов к среде каганата. В этом отношении стелы, созданные на согдийском и древнетюркском языках, в качестве источника являются уникальными произведениями. Так как, они были созданы в Тюркском каганате, их можно считать первичными источниками. Стелы позволяют получить определенное представление о ряде вопросов, связанных с государственностью Тюркского каганата, ее традициях, концепции власти, системе титулов и т.п. Несмотря на это, данные стелы нельзя включить в ряд

⁶ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 129-142; Кормушин И.В. Тюркские енисейские ... – С. 297-307.

источников, относительно полно отражающих события и реалии, относящиеся к каганату. Это объясняется тем, что они по своему характеру являются эпитафиями, и соответственно, в них события не отражены по годам. Кроме того, сегодня нам не известны стелы, последовательно отражающие деятельность каждого правителя Тюркского каганата.

Китайские источники.

Данные источники, которые в своем большинстве являются хрониками, хотя и написаны вне среды Каганата, но их характерная особенность, заключающаяся в последовательном освещении событий, повышает их значимость по сравнению с источниками на других языках. Источники на китайском языке выделяются своей оригинальностью в качестве источников, созданных авторами, являвшихся как бы “внешними наблюдателями”. Все эти источники можно разделить в основном на хроники и произведения типа путевых записок. Среди них внимания заслуживают хроники «Бэй ши» (“История Северных династий”, 630-е гг.), «Суй шу» (“История династии Суй”, 630-е гг.) и «Тан шу» (“История династии Тан”, X в.)⁷, охватывающие в хронологическом отношении практически весь период существования Тюркского каганата. Так, в них нашли отражение сведения о деятельности всех верховных правителей каганата, титулах и эпитетах, которыми обладали его правители и чиновники. В ряд китайских источников можно включить и вышеупомянутые документы на китайском языке из Гаочана (Турфан), относящиеся к VI-VII векам⁸. Данные документы, хотя и привлекались в исследования последних лет, но не получили

⁷ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. – М.- Л.: Изд. АН СССР. – том I. – 1950. – 383 с.; том II. – 1950. – 335 с.; Кюннер Н.В. Китайские сведения о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 1961. – 392 с.; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. – М.: Наука, 1984. – 488 с. (далее МИКНД); Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... – 378 p ; Liu Mau-Tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost Türken (T'u-küe), Buch 1-2 (“Göttinger Asiatische Forschungen”, Bd, 10). – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH., 1958. – 484 s; Eski T'ang tarihi. – xxix + 519[8] s.

⁸ Osawa T. Batı Göktürk Kağanlığı'ndaki Aşinaslı Bir Kağan'ın Şeceresine ait Bir Kaynak // Türkler, 2. cilt. – Ankara: Yeni Türkiye yayınları, 2002. – S. 86.

широкой известности среди мировой научной общественности⁹. Между тем, в них нашли отражение содержание писем, отправленных правителями Тюркского каганата во владение Гаочан и сведения о назначении каганатом чиновников, ответственных за контроль и надзор над ним. Все это позволяет получить определенное представление о системе управления данного государственного объединения.

Китайские источники выделяются тем, что в них нашло отражение самое большое количество сведений, имеющих особое значение для изучения традиций государственности, концепции власти у древних тюрков, системы титулов каганата и др. В этом отношении они не только имеют такое же значение для изучаемой проблемы как древнетюркские и согдийские источники, созданные в каганате, но в некоторых отношениях имеют преимущество над ними. Китайские источники особо неопределимы при определении места титулов в иерархии каганата, а также они позволяют проследить изменения в титулатуре его правителей и чиновников, развитие и трансформацию системы титулов и др.

Согдоязычные источники.

Согдоязычные источники, как Бугутская и Илийская стелы, рассмотренные выше, были созданы в центральных регионах Тюркского каганата – Монголии и Восточном Туркестане, преимущественно в тюркоязычной среде, а также по приказу его правителей. По этой причине они были отнесены нами к источникам, непосредственно относящимся к каганату, и рассмотрены совместно с древнетюркскими руническими памятниками. Согдоязычные памятники, рассматриваемые в этом разделе, по своей сущности являются документами, созданными на территории собственно самого Согда и прилегающих к нему областей, т.е. в вассальных владениях каганата, большинство населения которых составляли согдийцы. Поэтому их можно отнести к источникам, косвенно относящимся к истории Тюркского каганата.

⁹ Данные документы не получили широкой известности в мировой научной общественности, потому что основные публикации по ним изданы на китайском и японском языках.

Большинство данных источников составляют согдийские документы из архива горы Муг (Таджикистан), созданные в Панче (Пенджикент) – одном из владений Согда. Среди них, особый интерес представляют около 10 документов, в которых нашли отражение титулы и термины, связанные с Тюркским каганатом, а также другие сведения, касающиеся вопросы его государственности¹⁰. В некоторых из этих документов, наряду с выражениями “*правитель хунов (=тюрок)*”, “*от кагана чин*”, упоминаются титулы каганата, как *qayan*, *tudun*, *eltäbär*, *čor*, *tarqan (tarxan)*, *čabiš* и эпитетный титул *čäkin čor bilgä*.

Значение согдоязычных источников в освещении истории Тюркского каганата заключается в том, что их авторы были хорошо осведомлены о его внутренней жизни. Поэтому их сведения относительно системы управления и традиций государственности каганата, можно оценивать в качестве оригинальных аргументов. Согдийцы, составлявшие значительную часть населения Тюркского каганата, как этнос, проживавший совместно с древними тюрками, были хорошо осведомлены об их традициях государственности. Следует учитывать и то, что согдийцы также активно участвовали в управлении каганата и даже занимали высокие посты в его администрации.

Сегодня нам не известны произведения на согдийском языке сугубо исторического характера, а сохранившиеся согдоязычные источники являются документами. По этой причине, они лишь могут служить дополнительным источником при освещении различных аспектов истории Тюркского каганата.

Источники на бактрийском языке.

Бактрийский язык являлся официальным письменным языком этносов, проживавших в Тохаристане и долине Кабула,

¹⁰Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. 2. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. – М.: Вост. лит., 1962. – С. 78-84, 116–118, 139-140 (далее СДГМ, 2); Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. 3. Хозяйственные документы / Чтение, перевод и комментарии М.Н.Боголюбова и О.И.Смирновой. – М.: Вост. лит., 1963. – С. 70; 78-79 (далее СДГМ, 3); Grenet F., de la Vaissiere E. The last days of Panjikent // *Silk Road Art and Archaeology*. – Kamakura, 2002. – № 8. – P. 155-196; Кубатин А. Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг // *Урал-алтайские исследования*, № 3 (14). – Москва, 2014. – С. 12-23.

являвшихся самыми южными окраинами Тюркского каганата. Несмотря на это, значительная часть документов, написанных на этом языке, выделяется тем, что в них нашли отражение титулы и эпитеты, относящиеся именно к системе управления каганата. Основная часть бактрийских документов была исследована и переведена на английский язык Н. Симс-Вильямсом¹¹. Несмотря на это, они в должной мере не были привлечены в качестве источника в исследования по истории Тюркского каганата. По этой причине, их роль в качестве источника по историю каганата, до сих пор не была оценена в должной мере.

В бактрийских документах нашли отражение предоставляемый каганами местным правителям титул *eltäbär*, титул наместников каганата *tudun* и схожие с ним десятки древнетюркских титулов. В ряде документов имеется вступительное выражение “*составлен в присутствии... правителя эльтебера... служащего Кагана*”, а также имеет место использование древнетюркских эпитетов по отношению к представителям знати, например, *qutluq tapuyluq bilgä sebük* (“обладающий благодатью служащий, мудрый, любимый”). Этот факт ставит перед исследователями необходимость их изучения в качестве источника по истории древнетюркской государственности.

Вышеупомянутые особенности бактрийских источников сближают их с согдийскими. Данные документы, подобно согдийским, были созданы в регионе, где в управлении преобладали смешанные традиции, в данном случае бактрийско-тюркские. Кроме того, следует учитывать, что население данной территории почти в течение 200 лет находилась в составе Тюркского каганата. На данной территории правила, связанные с каганатом, династии Тохаристанских ябгу (620-750) и Кабульских Тегин-шахов (630-840), во владениях которых делопроизводство велось на бактрийском языке. Бактрийские документы, связанные с Тюркским каганатом, датируются периодом с 640-х годов до последних лет его существования.

¹¹ Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // Вестник древней истории. – М., 1997. – № 3. – С. 3-10; Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan, I: Legal and Economic Documents. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 74, 82, 88, 98.

Следует отметить, что сведения бактрийских документов позволяют лишь внести ясность в некоторые вопросы, связанные с системой управления каганата. Следовательно, их можно использовать в исследовании лишь в качестве вспомогательных источников.

Византийские (греческие) источники.

Исторические произведения на греческом языке, созданные в Византийской империи, также занимают присущее себе место среди источников по истории Тюркского каганата¹². Византия уже на первых этапах после образования каганата стало его союзником по анти-Сасанидской коалиции, а также в течение долгого времени поддерживала с ним дипломатические отношения. Византия в течение почти пятидесяти лет постоянно отправляла послов на территорию Тюркского каганата. Это создало возможность для непосредственного ознакомления грекоязычных авторов с событиями, происходившими в каганате, его социально-политической и культурной жизнью, а также с традициями государственности древних тюрок. Византийские авторы, как Менандр (кон. VI в.), Феофан (нач. VII в.), Феофилакт Симокатта (1-пол. VII в.), освещая в своих произведениях события, связанные с каганатом, непосредственно использовали сведения, собранные посольствами Византии в Тюркский каганат, начиная с 568 года, также отправлял несколько ответных посольств в Константинополь – столицу Византии. Содержание византийских источников дает возможность предполагать, что их авторы также имели возможность использовать сведения, полученные от послов каганата. Временное занятие Тюркским каганатом в 570-х гг. причерноморских владений Византии, создание в 630-х гг. одной из ветвей рода Ашина Хазарского каганата и установление им тесных связей с Византией, также в определенной степени позволило византийским авторам еще ближе ознакомиться с традициями древнетюркской государственности.

Для источников на греческом языке характерно наличие значительного количества сведений относительно

¹² Moravcsik Gy. Byzantinoturcica II. Sprachreste der Türkvölker in den Bizantischen Quellen. – Berlin: Akademie-Verlag, 1958. – 376 s.

административного устройства, системы управления и титулатуры Тюркского каганата. Кроме того, в них заняли место сведения о его деятельности на Кавказе, в Причерноморье и бассейне Волги, а также об управлении каганатом кочевыми племенами, проживающими на данной территории. Подобные сведения практически не встречаются в источниках на других языках. Сведения византийских источников, касающиеся Тюркского каганата, в хронологическом отношении охватывают промежуток с 60-х гг. VI в. по 30-е гг. VII в. Однако, недостаток византийских источников заключается в том, что их сведения охватывают только период с первых годов образования каганата до его упадка в 630-х гг. При этом, в них не нашли отражения сведения о превращении Западного крыла в каганат, его попадании в зависимость от Китая, а также Втором Восточно-Тюркском каганате (682-744).

Источники на армянском языке.

Определенную ясность в некоторые вопросы истории Тюркского каганата позволяют внести и источники на армянском языке¹³. Это объясняется тем, что авторы произведений на этом языке также были хорошо осведомлены о деятельности Тюркского каганата, в частности, с его военными кампаниями в Закавказье, осуществленными в 620-х гг. и направленными против Сасанидского Ирана, под властью которого в то время находились Армения и Грузия. Описание исторических событий, связанных каганатом и занявших место в произведениях армянских историков и географов, как Себеос (VII в.), Мовсес Хоренаци (VIII в.), Мовсес Каганкатваци (VII в.), основываются либо на личных сведениях авторов, являвшихся непосредственными участниками событий, либо на воспоминаниях очевидцев. Именно в армянских источниках

¹³ Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV-VII вв. (К истории народов Средней Азии) // Советская археология. – М., 1954. – Т. XXI. – С. 131-147; Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии V-VII вв. – М. Наука, 1979. – С. 97; Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М.-Л.: Наука, 1960. – С. 112-118.

нашли отражение сведения о походах войск каганата против Сасанидов, двигавшихся от Амударьи в сторону Каспийского моря. Данные сведения очень важны при дополнении кратких и отрывочных сведений об этих походах, содержащихся в китайских и арабо-персидских источниках. Сведения армянских источников, касающиеся истории Тюркского каганата, ограничены в хронологическом отношении последней четвертью VI – 30-ми гг. VII в.

В армянских источниках, в особенности в «Истории Алван» (кон. VII в.), нашли отражение сведения о деятельности Тюркского каганата в Закавказье. При этом, в них события описываются более подробно и полно по сравнению с византийскими источниками. Так, в данных источниках, наряду со сведениями о занятии войсками каганата Кавказской Албании (Агвания, совр. Азербайджан), Тифлиса (Тбилиси), содержатся также сведения о внутреннем политико-административном устройстве и системе титулов Тюркского каганата. Именно благодаря им, мы можем получить сведения о верховном правителе Тюркского каганата – “кагане севера”, о втором лице каганата – “Джебу-хаган” (*jabyu-qayan*) и его сыне *Бури-Шад* (*böri-šad*), возглавлявшем войска Каганата в походе в Закавказье, чиновнике по имени *Чорпан-тархан* (*čoran(?) - tarqan*), который был представителем Каганата, ответственным за контроль на Кавказе, а также специальных чиновниках – *tudunax* и др.¹⁴. Вместе с тем, в армянских источниках также имеются некоторые недостатки, заключающиеся в том, что в них имеется путаница относительно событий, связанных с Тюркским и Хазарским каганатами. В особенности, это касается походов Тюркского каганата в Закавказье, совершенных в 620-х гг., которые приписаны хазарам.

Источники на сирийском языке.

В источниках на сирийском языке также имеется определенное количество сведений, касающихся Тюркского каганата. Хотя, сирийские историографы не были напрямую

¹⁴ Артамонов М.И. История Хазар. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – С. 145-146; Гумилев Л.Н. Древние тюрки... – С. 158-159; Гукасян В.Л. Тюркизмы в албанских источниках // Тюркология. – Баку, 1977. – №2. – С. 30-41.

осведомлены с событиями, происходившими в каганате, но в их произведениях сохранились сведения о посольствах Византии и Сасанидского Ирана, посетивших каганат, об отношении к ним каганов и политических событиях, происходивших в то время в Закавказье. Большой интерес для нас представляют сведения по истории Тюркского каганата, которые были записаны византийцами, но потом были утеряны, но сохранившиеся в источниках на сирийском языке. Как известно, в этот период сирийцы находились под властью Византии и поэтому сирийские авторы были хорошо знакомы с греческой (византийской) историографией и переводили многие ее исторические произведения на свой язык. В сирийских источниках заняли место сведения о взаимосвязях Тюркского каганата и Византии, его военных действиях в Закавказье и других вопросах, связанных с его историей, которыми мы можем воспользоваться благодаря исследованиям и их переводам на русский язык Н.В. Пигулевской¹⁵.

Источники на тибетском языке.

Сегодня тибетские источники в качестве источников по истории Тюркского каганата являются сравнительно малоизученными. Причина этого заключается в малочисленности исследований по тибетским источникам и недостатке специалистов, работающих в этой сфере. Только в некоторых исследованиях К. Беквита, наряду с политической историей Тибетской империи эпохи раннего средневековья и вопросами, связанными с ее деятельностью в Центральной Азии, речь идет также о тибетских источниках, освещающих последние этапы истории Тюркского каганата¹⁶. Следует отметить, что исследователь на их основании смог внести ясность в ряд темных страниц истории Тюркского каганата. Хотя некоторые исследователи, изучавшие историю каганата,

¹⁵ Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 170 с; Ее же. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 289 с; Ее же. Византия на путях в Индию (Из истории торговли Византия с Востоком в IV-VI вв.) – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 410 с.

¹⁶ Beckwith I.C. The Tibetan Empire in Central Asia: A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – P. 203-210.

как Л.Н. Гумилев, А.Г. Малявкин и др., также обращались в своих исследованиях к тибетским источникам, но это было ограничено лишь приведением кратких сведений из них¹⁷.

Тибетские источники, в отличие от письменных памятников на других языках, характеризуются наличием сведений о взаимоотношениях Тибетской империи и Тюркского каганата в период с 1-пол. VII в. до 2-й четв. VIII в., политических событиях, происходивших в его обоих крыльях, а также о борьбе каганата, Тибета и Китая за установление гегемонии над Восточным Туркестаном.

Сведения тибетских авторов очень оригинальны по своей сущности, если учесть, что Тибет был непосредственным южным соседом Западно-Тюркского каганата, являвшегося западным крылом каганата. Близкое соседство, а также походы Тибетской империи на территорию Западно-Тюркского каганата, совершенные в период 670-720 гг. с целью сломить превосходство Китая в Восточном Туркестане, позволили тибетцам непосредственно ознакомиться с внутренней жизнью каганата и традициями древнетюркской государственности. Как пример, это нашло свое отражение в использовании в тибетских источниках терминов *Вугчур* (от имени восточно-тюркского кагана Бёгю-чора Капгана (691-716 гг.)) для Восточного и *Другу-йул*¹⁸ (досл. “Страна тюрков”) для Западного каганатов, а также в наличии сведений о деятельности одного из последних западно-тюркских каганов *Тун ябгу-кагана II*, стоявшего в 690-700 гг. во главе антикитайской коалиции¹⁹. Кроме того, в них в связи с правителями каганата нашли отражение сведения об их взаимоотношениях с чиновниками, которые не встречаются в других источниках.

¹⁷ Малявкин А.Г. История Восточного Туркестана в VII-X вв. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под. ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. – М.: Наука, 1988. – С. 320-321.

¹⁸ Данный термин употреблялся в тибетских источниках по отношению к Семиречью, Фергане, Тохаристану и Кабулистану, в которых в ту эпоху значительную часть населения составляли тюркоязычные этносы (см. Uray G. The old Tibetan sources of the History of Central Asia up to 751 A.D.: Survey // Prolegomena. The sources of history of Pre-Islamic Central Asia / Edited by J. Harmatta. – Budapest, 1979. – P. 281).

¹⁹ Uray G. The old Tibetan sources... – P. 281; Малявкин А.Г. История Восточного Туркестана... – С. 321.

Среди источников на тибетском языке следует отметить некоторые документы, в которых также нашли отражение сведения по истории Тюркского каганата. Так, в упомянутом выше тибетском документе IX-го века заняли место сведения о десятке этносов, проживающих в Каганате, их образе жизни, каким образом они управлялись и платили ему налоги и др.²⁰.

Несмотря на это, тибетские источники, непосредственно относящиеся к истории каганата, очень малочисленны и в их сведениях не наблюдается хронологической последовательности. Поэтому их можно использовать только в качестве вспомогательных источников при освещении некоторых вопросов истории Тюркского каганата.

Источники на других языках.

Некоторые сведения, нашедшие отражение в источниках на среднеиранском (пехлеви), хотано-сакском, индийских, грузинском, арабском и персидском языках, хотя по своей значимости и уступают сведениям вышеупомянутых источников, но они позволяют внести дополнения и ясность в некоторые вопросы истории каганата. В частности, они позволяют получить определенное представление о традициях древнетюркской государственности, в том числе и о системе титулов. Определенная часть данных источников хотя и была создана в более позднее время, но они ценны тем, что в них заняли место некоторые первичные для истории Тюркского каганата сведения.

Обращаясь к источникам на среднеиранском языке, следует отметить, что среди них особое место занимают произведения историко-географического характера. В них можно встретить краткие сведения, очень важные для освещения системы управления каганата. В одном из таких произведений, как “Шахрастаниха-и Эран-шахр” (“Города Ирана”), написанном в зороастрийской общине уже после завоевания Ирана арабами, упоминаются имена или титулы тюркских каганов, с которыми Сасанидский Иран имел посольские сношения, как **Yabgū-*

²⁰ Vacot J. Reconnaissance en haute asie septentrionale par cinq envoyes ouigours au VIIIe siècle // Journal Asiatique. – Paris, 1956. – Tome CCXLIV. – P. 137-153; Абдухолик Абдурасул ўғли. Туркий халқлар тарихига оид тибетча хужжат // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. – Ташкент, 1997. – №6. – Б. 72-77.

hāgān [ywbh'k'n], *Sinjēbīg-hāgān* [snčy pykh'k'n], *Šōl-h'g'n* [čwlh'k'n], *wuzurgān* [*wuzurg-hāgān]... (*Ябгу-каган*, *Сыр джабгу-каган*, *Чори-каган*, великие (или **Великий каган*))²¹. В географическом произведении на пехлеви “Бундахишн” (“Мироздание”, IX в.), написанном также в общине зороастрийцев, занял место ряд сведений о древних тюрках, “правителях северных стран – каганах”. В данном произведении упоминается также переход царства в руки тюрков, являвшихся врагами религии Мазды, что можно расценивать как отражение вражды между Сасанидами и Тюркским каганатом²². Кроме того, пехлеви использовался наряду бактрийским языком в легендах монет, чеканенных династиями, связанными с Тюркским каганатом, которые правили в Тохаристане и Кабулистане, где имелось значительное культурное влияние Сасанидского Ирана. Так, династия Тохаристанских Ябгу, чеканила свои монеты в основном с легендой на пехлеви и титулом *ябгу*, а Тегин-шахи Кабула с легендой бактрийским письмом и титулом *тегин*.

К источникам на среднеперсидском языке следует относить и созданное в Восточном Туркестане манихейское произведение “Махрнамаг” («Книга гимнов», IX в.), в котором нашли отражение десятки титулов и эпитетов представителей высшей знати Уйгурского каганата²³. Хотя данное произведение было создано через несколько веков, после исчезновения Тюркского каганата с исторической арены, оно имеет большое значение для восстановления фонетического облика титулов и эпитетов, имевшихся в его системе управления и зафиксированных в источниках на других языках. Учитывая, что Уйгурский каганат непосредственно заимствовал традиции государственности Тюркского каганата, в том числе его систему титулов, сведения

²¹ Амбарцумянц А.А. Этноним «хйаона» в Авесте // Записки Восточного отделения Российского Археологического общества. Новая серия. Т. I (XXVI). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – С. 58.

²² Pahlavi Texts. The Bundahisn-Bahman Yast, and Shayast La-Shayast / Translated by E. W. West // Sacred Books of The East, Vol. 5, Part I. – Delhi, 1987. – P. 37, 41, 120.

²³ Bailey H.W. Śri Viśa Śūra and the Ta-urang // Asia Major. – London, 1964-1965. – Vol. XI. – P. 2–3, 7; Müller F.W.K. Ein Doppelblatt aus einem Manichäischen Hymnenbuch. (Mahnāmag) // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. – Berlin, 1912. – №.5. – S. 3-40 (далее Mahrnāmag).

«Махрнамаг» особо важны и в определении места титулов в иерархии.

В восстановлении фонетической формы многих древнетюркских титулов и эпитетов большую помощь оказывают документы на хотано-сакском языке из Восточного Туркестана, также относящиеся к более позднему времени. Сегодня в нашем распоряжении имеются десятки письменных памятников (документы, письма и др.) на этом восточноиранском языке, относящиеся к X в. и написанные в отличие от китайских хроник алфавитным письмом. Эта их особенность оказывает неоценимую помощь в восстановлении истинного фонетического облика многих древнетюркских терминов²⁴. По этой причине, данные письменные памятники, созданные в Ганьсуйском Уйгурском государстве (IX-XI вв.)²⁵, были привлечены нами в исследование.

Сведения по истории Тюркского каганата, в особенности, касающиеся его деятельности на Кавказе, частично нашли отражение и в грузинских источниках. Источники на этом языке, хотя и написаны в последующую после каганата эпоху, однако, они содержат некоторые отрывки, которые с точки зрения оригинальности приведенных в них сведений, важны для решения некоторых проблемных вопросов истории Тюркского каганата. Так, грузинский хронист Джуаншер в хронике «Картлис Цховреба», приводит имя тюркского правителя, осадившего в 620 году город Тифлис (Тбилиси) в форме *Джибга*²⁶. По мнению исследователей, *Джибга* грузинских хроник, *Джебу-каган* армянских и *Зиевил* византийских источников, это одна и та же личность, которая возглавляла войска каганата в закавказском походе²⁷. Данное имя, связанное с титулом *yabγu/jabγu*, передано грузинскими авторами, в отличие от других, в фонетическом облике близком к древнетюркскому. Сведения грузинских источников, относящиеся к каганату, очень близки к сведениям

²⁴ Bailey H.W. A Khotanese text concerning the Turks in Kantşou // Asia Major. – London, 1949-1950. – Vol. I. – P. 28-52.

²⁵ Çandarlıoğlu G. Sarı Uygurlar ve Kansu... – S. 14, 32-51.

²⁶ Golden P.B. Khazar studies... – P. 188; Его же. Hazar çalışmaları. Çev. Çağrı Mızrak. – İstanbul: Selenge, 2006. – S. 216-217.

²⁷ Golden P.B. Khazar studies... – P. 188; Его же. Hazar çalışmaları. – S. 216.

произведений армянского историка Мовсеса Дасхуранци и византийского историка Феофана. Этот факт позволяет предполагать, что они были заимствованы грузинскими авторами из трудов армянских и византийских авторов, написанных ранее. Однако, если учесть, что грузинские земли определенное время находились под властью войск каганата, не исключено, что грузинские авторы зафиксировали эти события, основываясь на воспоминаниях.

Особое место среди источников по истории Тюркского каганата занимают также труды мусульманских авторов на арабском и персидском языках. Несмотря на то, что они также созданы в более позднее время – IX-XI вв., в них встречаются некоторые ценные сведения, позволяющие внести ясность в ряд вопросов, связанных с иерархией титулов Тюркского каганата. Самым ценным среди них является произведение Абу Джа‘фара ат-Табари “Тарих ар-русул ва-л-мулук” («История пророков и царей», IX в.), более известное как «История ат-Табари», охватывающее события от легендарных первых пророков до 303/915 года. Автор при написании своего труда использовал сведения произведений, многие из которых не дошли до нас, а также повествования очевидцев событий. Кроме того, имеется мнение, что сведения «Истории ат-Табари» о социально-политическом положении Ирана и соседних с ним областей в доисламскую эпоху, противостоянии Ирана и Турана, походах арабских войск в Центральную Азию, борьбе тюркских каганов в союзе с правителями Согда, Бухары, Шаша, Ферганы и Тохаристана против арабов, были заимствованы автором из недошедших до нас источников на среднеиранском языке. У Табари также нашло отражение большое количество сведений, касающихся быта, обычаев и титулов древних тюрков²⁸.

В арабографичных источниках на персидском языке, относящихся к более позднему времени, также нашли свое отражение сведения, связанные с Тюркским каганатом. Среди них следует особо выделить произведение Абу Бакра Наршахи «Тарих-и Бухара» («История Бухары»). В этом произведении

²⁸ История ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с арабского В.И. Беляева. Доп. к пер. О.Г. Большакова и А.Б. Халидова). – Ташкент: Фан, 1987. – 444 с. (далее История ат-Табари).

заняли место сведения о деятельности Тюркского каганата в Бухарском оазисе, кагане *Караджурина Тюрке* и его сыне *Шери Кишвар* (тюрк. **Эль-Арслан*)^е, об арабском нашествии и обращении правителей Самарканда и Бухары за помощью к тюркскому кагану в борьбе против них, тюркском царевиче *Курмагануне*, отправленном для борьбы против арабов и др²⁹. Заслуживает внимания и сведение Наршахи о том, что народ прозвал кагана Караджурина Тюрка за его величие словом Биягу, которое можно связать с тюркским титулом *ябгу*. Соответствие сведений «Истории Бухары» реальным событиям эпохи каганата дает возможность предполагать, что они могли быть заимствованы из исторических произведений доисламского времени.

Самыми малоизученными среди источников по истории Тюркского каганата, являются индийские письменные памятники. В большинстве исследований, посвященных различным вопросам истории каганата, в том числе и его системе титулов, индийские источники практически не привлекались. Это объясняется тем, что сведения на индийских языках разбросаны по различным письменным памятникам, а исследования по ним были представлены только узкому кругу научной общественности. Привлечение источников на индийских языках в исследования только с лингвистической и индологической точки зрения, также не позволяло дать им оценку в качестве исторического источника по эпохе Тюркского каганата.

К индийским источникам по истории каганата следует относить краткие, состоящие из нескольких строк и написанные письмом брахми и кхарошти, эпиграфические памятники, найденные на территории Северной Индии, Пакистана и Афганистана³⁰. Некоторые из них связаны с правившей в VII-IX веках в Кабульской долине и Гандхаре тюркской династией

²⁹ Наршахий, Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи / Форс тилидан А. Расулев таржимаси. – Тошкент: Фан, 1966. – Б. 91; Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. – М.: Издание МГУ, 1948. – С. 152.

³⁰ Harmatta J., Litvinsky B.A. Toharistan and Gandhara under Western Turk rule // History of Civilizations of Central Asia. Vol. 3. – Paris, 1996. – P. 367-402.

Тегин-шахов³¹. Кроме того, в индийских религиозных текстах встречаются отрывки о таких центральноазиатских этносах, в свое время завоевавших Северную Индию, как *Хуна* (*хуны*), *Турушка* (*тюрки*) и др.³². К индийским источникам можно отнести и легенды на монетах династии Кабульских Тегин-шахов. Легенды на монетах этой династии выполнены наряду с пехлеви и бактрийским алфавитом, также индийским письмом и имеют в своем составе такие тюркские титулы как *tegin*, *hiḍivira* (тюрк. *eltäbär*).

Следует отметить, что в произведениях мусульманских авторов, также нашли отражение сведения по истории Тюркского каганата, косвенно связанные с индийскими источниками. К таковым относится произведение великого ученого-энциклопедиста Абу Райхана Беруни «Индия», написанного им с привлечением индийских источников. В произведении встречаются сведения о древних тюрках, которые были известны индийцам. В частности, Беруни приводит в своем произведении распространенную среди местного населения легенду о происхождении династии Тегин-шахов Кабула, согласно которой, ее основатель *Барха-текин* (**Böri-tegin?*) выходит из пещеры³³. По мнению исследователей, она очень схожа с легендой о происхождении рода Ашина, нашедшей свое отражение в китайских хрониках и тюркских эпосах³⁴.

в) Классификация источников по времени их создания.

Остановившись на классификации источников по их хронологии, следует отметить, что в этом отношении заслуживает внимания метод В.В. Трепавлова, примененный им в своем исследовании,

³¹ Kuwayama Sh. Historical Notes on Kapisi and Kabul in the Sixth-Eighth Centuries // Zinbun. Annals of the Institute for Research in Humanities, Kyoto University. – Kyoto, 1999. – No. 34(1). – P. 68-71; Inaba M. The Identity of the Turkish Rulers to the South of Hindukush from the 7th to the 9th Centuries A.D. // Zinbun. Annals of the Institute for Research in Humanities, Kyoto University. – Kyoto, 2005. – No. 38. – P. 1-19; Бобоёров Ф. Тохаристон ябғулари тарихига доир // Ўзбекистон тарихи. – Тошкент, 2003. – №. 3. – Б. 3-10.

³² Marquart J. Eranshahr nach der Geographic des Ps. Moses Xorenaci. – Berlin, 1901. – S. 239-240.

³³ Беруний, Абу Райхон. Ҳиндистон // Танланган асарлар. II жилд. – Тошкент: Фан, 1965. – Б. 311-312.

³⁴ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история... – С. 449-453.

посвященном изучению государственного строя Монгольской империи. Согласно данному методу, исследователь подразделял авторов источников на современников, описываемых событий, и писателей, живших в более поздние времена. При этом В.В. Трепавлов, авторов – современников описываемых событий, подразделяет в свою очередь на очевидцев этих событий (послы, пленные, участники сражений, беглецы, путешественники и др.) и неочевидцев, т.е. тех, кто писал с чужих слов³⁵. Хотя такой же метод частично можно применить и при изучении системы титулов Тюркского каганата, являющейся отражением его государственного строя. Следует также отметить, что авторов, освещавших историю каганата в более поздние эпохи, очень мало. Как известно, в отличие от Тюркского каганата, история Монгольской империи писалась заново, или дополнялась многими авторами, служившими во дворцах ряда династий, чингизидского происхождения или живших в их государствах. Такое положение, если в качестве исключения не учитывать китайские хроники, практически не характерно для истории Тюркского каганата. Поэтому при изучении истории каганата, в том числе и его системы титулов, приходится в основном обращаться к источникам того времени. Так, произведение «Махрнамаг», хотя и написано в эпоху Уйгурского каганата, имеет большое значение для получения представления о системе титулов каганата, а также для восстановления древнетюркского фонетического облика ряда титулов и эпитетов, зафиксированных в китайских хрониках. Это объясняется тем, что Уйгурский каганат в качестве преемника Тюркского каганата продолжал использовать его традиции государственности, в том числе, и систему титулов.

Вместе с тем, большое значение в освещении традиций древнетюркской государственности имеет и произведение Махмуда Кашгари “Диван лугат ат-Турк”. Благодаря ему мы можем узнать, в чем заключались функции обладателей ряда древнетюркских титулов. Но, так как “Диван лугат ат-Турк” написано в более позднее время, его сведения лишь косвенно связаны с Тюркским каганатом. К этому ряду можно отнести и

³⁵ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. – М.: Вост. лит., 1993. – С. 12-13.

такое эпическое произведение, как “Огузнаме” (XIV в.), записанное в еще более позднее время. Хотя между временем письменной фиксации этого эпоса и периодом Тюркского каганата имеется большой хронологический промежуток, многие его сюжеты эпоса оказывают определенную помощь в освещении таких вопросов, как формирование каганата, разделение его на крылья, легитимность верховной власти и система титулов.

Среди источников по истории Тюркского каганата хронологическая непрерывность и последовательность характерны только для китайских хроник. В остальных же нашли отражения сведения только по какому-либо определенному этапу истории каганата. К таковым относятся непосредственно связанные с Тюркским каганатом согдоязычные и древнетюркские рунические стелы. Если первые из них – Бугутская и Илийская стелы освещают примерно первые пятьдесят лет истории каганата, то вторые – Орхонские памятники, непосредственно освещают историю Второго Тюркского каганата и охватывают короткий период, включающий в себя его образование, периоды возвышения и попадания в зависимость от Китая. Данные памятники были созданы на основании сведений, непосредственно связанных с Тюркским каганатом и отражающих события того времени. При этом их авторы являлись также непосредственными очевидцами многих, повествуемых ими событий.

Сведения источников на других языках, в том числе, византийских, армянских, сирийских, среднеиранских и тибетских, также подобно стелам каганата, освещают определенный период его истории, и их авторы ограничиваются повествованием какого-либо определенного события. Кроме того, хронологическая последовательность также не характерна для источников на согдийском и бактрийском языке, являющихся документами.

1.2. Археологические источники

Сегодня трудно представить исследование по истории Тюркского каганата, в котором не были бы привлечены археологические источники. Тюркский каганат оставил после

себя не только письменные памятники, но и богатое материальное наследие, которое отражает мировоззрение, быт и культурную жизнь того периода. В частности, в центральных территориях Тюркского каганата, а также прилегающих к нему регионах, как Монголия, Алтай, Южная Сибирь, Северный Китай, Восточный Туркестан, Семиречье, бассейн среднего течения Сырдарьи и др., в результате археологических раскопок и случайных находок, было найдено большое число артефактов, которые связаны с материальной и духовной культурой древних тюрков, а также с системой управления каганата. Исходя из специфики темы нашего исследования среди многочисленных археологических находок для нас особое значение имеют только следующие их виды:

Эпиграфические памятники.

Среди памятников материальной культуры, относящихся к Тюркскому каганату, наверное, значительное большинство составляют эпиграфические памятники. Сегодня количество надписей, написанных на поверхности стел, балбалов, скал, металлических и керамических изделий, а также других предметов, превышает несколько сотен и ареал их распространения охватывает обширную территорию от Южной Сибири до берегов Дуная (Восточная Европа). Эпиграфические памятники представлены памятниками, состоящими как из нескольких сотен строк (Орхонские стелы), так и ограниченными лишь одной строкой или несколькими знаками. Среди них, особо выделяются сведениями, связанными с системой управления Тюркского каганата, памятники, найденные в Монголии (Орхон), Южной Сибири (Енисей) и Семиречье. В данных памятниках, в основном представляющих собой эпитафии, нашли отражение около 100 имен, титулов и эпитетов представителей высшей знати древних тюрков³⁶.

Собственно к эпохе Тюркского каганата, точнее т.н. Второго Восточно-Тюркского каганата, относятся Орхонские стелы Бильге-кагана, Кюль-тегина, Туңьюкука, которые являются самыми крупными по своему объему и количеству, зафиксированных в них титулов. Тесинская, Терхинская, П-

³⁶ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 129-142; Кормушин И.В. Тюркские енисейские... – С. 297-307.

Карабалгасунская и Шинеусинская (Моюн-чор) стелы относятся к Уйгурскому каганату, но учитывая, что он унаследовал вместе с традициями государственности Тюркского каганата и его систему титулов, они также играют определенную роль при освещении некоторых вопросов, связанных с титулами. Это мнение правомерно и по отношению к Енисейским памятникам, которые в своем большинстве относятся к Кыргызскому каганату. Данные памятники, количество которых превышает полторы сотни, в своей основной массе не такие большие по объему и в них нашло отражение всего лишь около двух десятков древнетюркских титулов.

Как видно из приведенного выше, основная часть древнетюркских стел была создана на территории Восточной части Тюркского каганата, т.е. его Восточного крыла, и поэтому они во многом отражают особенности его системы титулов. Но в то же время из сведений письменных источников на других языках и нумизматического материала видно, что различия в системе титулов обоих крыльев каганата не были так велики.

Ценность древнетюркских эпиграфических памятников заключается в том, что они являются единственными источниками, где древнетюркские титулы и эпитеты зафиксированы в родной языковой среде. Это не только позволяет иметь представление об их фонетическом облике, но также оказывает неоценимую помощь в отождествлении титулов, зафиксированных в иноязычных источниках, в частности в восстановлении древнетюркских титулов, переданных иероглифической транскрипцией в китайских хрониках.

К эпиграфическим источникам относятся также согдоязычные Бугутская и Илийская стелы. Однако тот факт, что они были созданы в среде Тюркского каганата, позволяет считать их важными источниками. Данные стелы наряду с системой титулов, позволяют внести ясность и в вопросы, связанные с иерархией каганата. Так, перечисление сановников в Бугутской стеле в следующем порядке – *шадапыты, тарханы, куркапыны, сангуны, тудуны*³⁷, указывает на их место в иерархии Тюркского каганата.

³⁷ Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – М., 1971. – Вып. 10. – С. 139-140; Tezcan S. Tonyukuk

Таким образом, стелы-эпитафии в качестве источника являются уникальными произведениями, созданными на территории самого Тюркского каганата, что позволяет считать их первичными источниками. Они позволяют внести ясность в ряд вопросов, связанных с государственностью Тюркского каганата, как его система титулов, функции их обладателей и др.

Нумизматический материал.

Большинство исследователей, изучавших историю политических объединений, созданных кочевыми этносами в течение первых тысячелетий до нашей и нашей эры в северо-восточных регионах Центральной Азии, если не учитывать некоторые исключения, практически не обращались к нумизматическому материалу в качестве источника. Причина этого заключается в том, что кроме Тюркешского каганата (699-756), в государственных объединениях, существовавших до Тюркского каганата и после него, как политические объединения *юечжей*, *хунов* (*сюнну*), *усуней*, *сяньби*, каганат Жуань-жуаней, Уйгурский (745-840) и Киргизский (840-900) каганаты, монетный чекан отсутствовал. Подобное положение считалось правомерным и по отношению к Тюркскому каганату, до тех пор, пока не были выявлены десятки типов монет, чекан которых был связан с ним. Анализ многочисленных находок монет последних лет, а также прежнего нумизматического материала из Чача (Ташкентский оазис) и Ферганской долины, относящихся к раннему средневековью, позволил выявить согдоязычные монеты, в легендах которых заняли место древнетюркские титулы *žabyu* (*yabyu*), *jabyu-qayan* (*yabyu-qayan*) и *qayan*. Принадлежность данных монет к Западно-Тюркскому каганату нашло свое подтверждение на основании множества аргументов³⁸. Наличие в легендах некоторых типов монет имен

yazıtında bir kaç düzeltme // Türk dili arařtırmaları yıllığı. – Ankara, 1975-1976. – S. 249, 251.

³⁸ Бабаяров Г. Чач в эпоху Тюркского каганата (по нумизматическим данным) // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. – Тошкент: Фан, 2005. – С. 203-205; Бабаяров Г., Кубатин А. К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология. – Туркестан, 2005. – № 6. – С. 97-105; Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача (вторая половина III-середина VIII в. н.э.). – Ташкент: Media Land, 2006. – С.90-94.

таких западно-тюркских каганов как *Тарду-каган*, *Тун джабгу-каган*, также послужило доказательством принадлежности их чекана к Западно-Тюркскому каганату. Следует отметить, что и прежде нумизматы, как О.И. Смирнова, Э.В. Ртвеладзе, Л.С. Баратова в своих исследованиях по отношению к некоторым типам монет Чача, Ферганы и Согда, относящихся к VI-VIII вв., употребляли выражение “древнетюркские монеты”³⁹. Однако, при этом оставался открытым вопрос об их принадлежности к какой-либо определенной тюркской династии или государству. Некоторые из этих исследователей высказывали мнение о том, что среди группы т.н. «древнетюркских монет», монеты с титулом *tudun* были чеканены тюркской династией Чача, а с титулом *tutuq* тюркскими чиновниками в Фергане. Монеты с квадратным отверстием в центре, выпускавшиеся по китайскому образцу и с титулом *qayap* в легенде, исследователи пытались связать с Западными тюрками или тюркскими династиями, правившими в Чаче, Фергане и Согде, но какая именно династия подразумевалась под абстрактным термином «Западные тюрки» оставалось неизвестным. Также оставался открытым вопрос о том, какие именно династии следовало понимать под тюркскими династиями, правившими в вышеупомянутых оазисных владениях.

Значение нумизматического материала в качестве источника по истории Тюркского каганата, заключается в том, что нашедшие на них свое отражение изображения, титулы и эпитеты, непосредственно связаны с его государственным управлением. Так, в иконографии монет Западно-Тюркского каганата, чеканенных в Чаче, нашло свое отражение идеология, присущая древнетюркской государственности (символы власти, тамга в качестве символа государства и др.), а в их легендах заняли место такие титулы, стоящие на высших ступенях иерархии каганата, как *yabyu*, *yabyu-qayap* и *qayap*. В легендах

³⁹ Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды САГУ. – Ташкент, 1951. – вып. 23. – С. 91-104; Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М.: Наука, 1981. – С. 5; Баратова Л.С. К исторической интерпретации титула «каган» на древнетюркских монетах Средней Азии конца VII-первой половины VIII вв. // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 1998. – вып. III. – С. 41-43.

монет, косвенно связанных с Западно-Тюркским каганатом, заняли место такие древнетюркские титулы, как *tegin*, *eltäbär*, *tudun* (Чач), *tutuq* (Отрар), *yabuu* (Тохаристан), *tudun-tarqan* (Хутталь), *tegin* (Кабул), *eltäbär* (Забулистан)⁴⁰. Данные титулы не только указывают на то, каково было участие каганата в управлении этими территориями, но также являются подтверждением того, в какой степени его титулы были внедрены в систему управления оазисов.

1.3. Исследования по системе титулов Тюркского каганата

Хотя до настоящего времени система титулов Тюркского каганата не являлась темой отдельного специального исследования ни в Узбекистане, ни за рубежом, однако большинство исследователей, изучавших историю каганата, в той или иной мере останавливались на некоторых вопросах, связанных с его системой титулов или древнетюркскими титулами. В частности, такие исследователи, как Э. Шаванн, Г. Дёрфер, Г.Й. Рамстедт, О. Прицак, Н. Бернштам, Л.Н. Гумилев, Н.А. Баскаков, С.Г. Кляшторный, И.Н. Шервашидзе, Ю.А. Зуев, Б. Огель, А. Бомбачи⁴¹ и др., еще в прошлом веке в своих трудах

⁴⁰ Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu - The Catalogue of the Coins of Turkic Qaghanate. – Ankara:ТІКА, 2007. – S. 15-49; Бабаяров Г., Кубатин А. К новой интерпретации доисламских монет Отрара // Ўзбекистон ва шарқ мамлакатларининг ҳамкорлиги: тарих ва ҳозирги замон. Республика илмий конференцияси тезислари. – Тошкент, 2014. – С. 98-100.

⁴¹ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. – СПб., 1903. – 378 p; Ramstedt G.J. Alttürkische und mongolische Titel // Journal de la société finno-ougrienne. – Helsinki, 1951. – № 55. – S. 59-82; Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker // Ural-Altäische Jahrbuch. – Wiesbaden, 1952. – Band XXIV, Heft 1-2. – S. 49-104; Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Aus IV Bd. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH. – Bd. II. – 1965. – 671 s., Bd. III. – 1967. – 670 s., Bd. IV. – 1975. – 640 s; Бернштам А.Н Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков в VI-VIII вв. – Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 207 с; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с; Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1985. – 208 с; Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // Вопросы языкознания. – М., 1989. – № 2. – С. 54-93; Его же. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура

касались вопросов, связанных с системой титулов Тюркского каганата или же рассматривали некоторые древнетюркские титулы в отдельности. Сегодня также можно наблюдать, что в исследованиях современных историков и тюркологов, специально занимающихся изучением истории каганата, уделяется определенное внимание тюркским титулам. Среди них следует отметить труды С.Г. Кляшторного, И.В. Кормушина, А. Донука, Ф. Сюмера, С. Гёмеча, И. Тоган, Э. Эрчоча, Х.Ш. Усер, П.Б. Голдена, Ф. Рыбацки, Х. Дадабаева, М.Исхакова, Ш. Камолиддина, Г. Бабаярова, автора⁴² и др. Однако, ни одно из

// Вопросы языкознания. – М., 1990. – № 3. – С. 81- 91; Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с; Ögel B. Über die alttürkische Schad (Sü-Baschi)-Wurde // Central Asiatic Journal. – Wiesbaden, 1963. – Vol. VIII, No.1. – S. 27-42; Bombaci A. On the ancient Turkic title *Eltäbär* // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Ravello 26-30 September 1966. – Napoli, 1970. – P. 1-67; Его же. The Husband of Princess Hsien Li Bilgä // Studia Turcica. – Budapest, 1971. – P. 103-123; Его же. On the Ancient Turkish title *šad* // Gururajamenjarika Studi Onare di G. Tucci. – Napoli, 1974. – P. 168-193.

⁴² Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. – 591 с; Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 342 с; Donuk A. Eski türk devletlerinde idari-askeri unvan ve terimler. – İstanbul, 1988. – 134 s; Sümer F. Türk Devletleri Tarihinde Şahis Adları. – İstanbul, 1999. – 287 s; Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde yer alan unvanlar // Türk kültürü. – Ankara, 2000. – № 443. – S. 129-142; Eski T'ang tarihi (*Chiu T'ang-shu*) 194 a: “Türkler” bölümü: Çin kaynaklarında Türkler: açıklama metni neşri / İsenbike Toğan, Gülnar Kara, Cahide Baysal. – Ankara: TTK Yayınevi, 2006. – xxix + 519[8] s (далее Eski T'ang tarihi); Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı. Basılmamış Yüksek Lisans Tezi. Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Ankara, 2008. – 270 s; User H.Ş. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı yazıtları. Söz varlığı incelemesi. – Konya: Kömen Yayınları, 2009. – 648 s; Golden P.B. Khazar studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins oft he Khazaes. Vol.1 – Budapest: Akademiai kiado, 1980. – 287 p; Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. –Wiesbaden: Otto Harrasovitz, 1992. – 484 p; Rybatzki V. Titles of Turk and Uigur Rulers in Old Turkic Inscriptions // Central Asiatic Journal. – Wiesbaden, 2000. – Vol. 44. – P. 205-292; Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente: Eine Lexikalische Untersuchung. – Helsinki, 2006. – 841 s; Дадабаев Х. Военная лексика в староузбекском языке // Проблемы лексики староузбекского языка. – Ташкент: Фан, 1990. – С.7-94; Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г. Титулатура доисламских правителей Чача. – Ташкент: Таш ГИВ, 2009. – 88 с.; Бабаяров Г., Кубатин А. Древнетюркские титулы в эпоху до Тюркского каганата // Век науки и образования. – Астана, 2012 г. – № 7-9. – С. 52-64; Бобоёров Ф. Фарбий

исследований упомянутых выше авторов не посвящено специально системе титулов Тюркского каганата, которая лишь частично затрагивается в них. При этом следует отметить, что до сих пор в Узбекистане не было осуществлено подобных исследований.

Для большинства вышеупомянутых исследований характерно, что в них не делается различий между титулами и эпитетами, т.е. эпитеты не выделяются в качестве особой категории, хотя некоторые из авторов отмечают наличие некоторых почетных званий и характеризующих их слов. К тому же, эти исследования в большинстве своем являются лингвистическими, т.е. в них титулы в основном рассматриваются с лингвистической точки зрения. Кроме того, до сих пор не было даже приблизительно определено общее количество титулов и эпитетов, использовавшихся в Тюркском каганате. По ряду причин, в них в должной мере не были привлечены нумизматический материал, бактрийские и согдийские документы. Труды, написанные в прошлом столетии и касающиеся происхождения древнетюркских титулов, характеризуются однобоким подходом, заключающимся в том, что большинство титулов связывается с нетюркской этнической средой. Несмотря на отсутствие специальных работ по изучаемой теме, в исследованиях упомянутых выше авторов имеются ценные высказывания по поводу древнетюркской титулатуры, которые заслуживают рассмотрения.

Так, Х. Дадабаев в своем труде «Военная лексика в староузбекском языке», рассматривает и терминологию орхон-енисейских памятников. В разделе «Военная лексика в письменных памятниках VIII-X вв.» автор затрагивает всего лишь с десяток титулов Тюркского каганата, как *qaγan*, *yabyu*, *šad*, *beg*, *buyuruq*, *tutuq*, *eltäbär*, *ayučī*, *sājun*, *sü baši*, *biṇa baši* и др., классифицируя их как термины, обозначающие военные чины, должности и звания. Учитывая, что Тюркский каганат был в определенной степени государством, имеющим

Турк хоқонлигининг давлат тизими. Тарих фанлари доктори ... дис. – Тошкент, 2012. – 380 б.; Кубатин А. К вопросу о генезисе древнетюркских титулов // *O'zbekiston tarixi*, №4, 2010. С. 61-73; Его же. Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг... С. 12-23.

военизированный характер, это не противоречит тому, что обладатели титулов, наряду с административными функциями, выполняли и военные. Тем не менее, характеризовать титулы *qaγan, yabγu, šad, beg, buyuruq, eltäbär, aγuıci* только в качестве терминов, обозначающих военные чины, должности и звания, не совсем верно, и таковыми из приведенных Х. Дадабаевым являются только термины *tutuq, säñun, sü baši, biña baši*. Следует отметить, что в данном исследовании рассматриваются не все титулы Тюркского каганата. При этом по отношению к некоторым из них приводятся устаревшие в науке мнения. Однако в нем заслуживает внимания заключение автора о том, что большинство военных терминов (в том числе и титулов – А.К.) являются исконно тюркскими⁴³.

В коллективном труде М. Исхакова, Ш. Камолиддина и Г. Бабаярова «Титулатура доисламских правителей Чача» с привлечением широкого круга письменных источников и нумизматического материала рассматривается титулатура представителей различных династий, правивших в Ташкентском оазисе в эпоху Тюркского каганата. Авторы данного произведения на фактическом материале показывают, что в оазисе находились в употреблении такие тюркские титулы, как *šad, tegin, tudun* и *tarqan*, а также делают вывод о том, что в доисламское время в Чаче действовала единая администрация тюркских правителей, входившая в систему управления Тюркского каганата⁴⁴.

В докторской диссертации Г. Бабаярова “Ғарбий Турк хоқонлигининг давлат тизими” (“Государственный строй Западно-Тюркского каганата”) системе титулов Западно-Тюркского каганата посвящен один параграф, в котором были кратко рассмотрены титулы, употреблявшиеся в системе управления данного каганата⁴⁵.

В статье автора “К вопросу о генезисе древнетюркских титулов”, а также его совместной статье с Г. Бабаяровым “Древнетюркские титулы в эпоху до Тюркского каганата” было

⁴³ Дадабаев Х. Военная лексика... – С. 16.

⁴⁴ Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г. Титулатура доисламских правителей Чача. – С. 46.

⁴⁵ Бобоёров Ф. Ғарбий Турк хоқонлигининг давлат тизими... – Б.181-217

рассмотрено происхождение древнетюркских титулов, их преемственность в государственных объединениях Центральной Азии вплоть до Тюркского каганата. В публикации автора «Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг», исследователь рассматривает древнетюркские титулы, эпитеты и другие термины, которые упоминаются в согдийских документах с горы Муг⁴⁶. Следует отметить, что для вышеупомянутых работ, в отличие от других исследований, характерно выделение эпитетов в качестве отдельной категории.

Среди исследований, касающихся системы титулов каганата, особо следует отметить четырехтомный труд Г. Дёрфера «*Türkische und mongolische Elementen in Neupersische*» («Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке»). Хотя данное исследование не посвящено специально титулатуре и системе титулов Тюркского каганата, но в нем дается обстоятельный анализ древнетюркской титулатуры⁴⁷, а также освещаются употребление, происхождение и упоминание в различных источниках ряда древнетюркских титулов, нашедших отражение в произведениях на новоперсидском языке, созданных до эпохи Тимуридов включительно. Но поскольку данное исследование было выполнено в 60-70-х годах прошлого века, его некоторые части устарели ввиду новых данных по данному вопросу. В частности, в нем по объективным причинам не были привлечены сведения согдийских и бактрийских документов, а также новые нумизматические данные, связанные с выявлением монет Западно-Тюркского каганата, содержащих в легендах ряд древнетюркских титулов. Как многие другие исследователи, Г. Дёрфер не делает различия между титулами и эпитетами, т.е. он не относит эпитеты к отдельной категории, хотя при этом выделяет некоторые почетные звания.

Заслуживает внимания и исследование Ф. Рыбацки «*Titles the Türk and Uygur Rulers in the Old Turkic Inscriptions*» («Титулы тюркских и уйгурских правителей в древнетюркских надписях»), в котором рассматриваются титулы верховных правителей

⁴⁶ Кубатин А. К вопросу о генезисе древнетюркских титулов... С. 61-73; Бабаяров Г., Кубатин А. Древнетюркские титулы в эпоху до Тюркского каганата... С. 52-64; Кубатин А. Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг ... С. 12-23.

⁴⁷ Doerfer G. *Türkische und mongolische...* Bd. II. – S. 393 – 398.

Тюркского и Уйгурского каганатов. Исследователь, несмотря на ограниченность рамками статьи, на основании сведений древнетюркских памятников и китайских хроник систематизировано приводит значительный фактический материал по теме. Кроме того, в отличие от большинства других исследований автор в своем труде, подобно Г. Дёрферу, привлекает также и сведения источников на других языках. Хотя Ф. Рыбацки и привлекает некоторые данные легенд на бактрийском письме, все же вне поля его зрения остались не только бактрийские документы, но и согдийские документы архива с горы Муг. Однако исследователь в своем труде рассматривает только титулы верховных правителей, следовательно, в нем затрагивается только незначительная часть титулов, употреблявшихся в каганате.

Следует отметить также монографию Ф. Рыбацкого «Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente: Eine Lexikalische Untersuchung» («Личные имена и титулы в среднемонгольских документах: Лексическое исследование»). В этом словаре с лексической точки зрения рассматриваются также древнетюркские титулы, встречающиеся в среднемонгольских документах, и приводятся примеры их употребления в различных письменных памятниках, включая эпоху Тюркского каганата. Следовательно, в нем собран значительный фактический материал, благодаря чему он представляет определенный интерес.

В статье Г.Й. Рамстедта «Altürkische und mongolische Titel» («Древнетюркские и монгольские титулы») хотя и рассматривается значительное число древнетюркских и монгольских титулов, в ней практически не привлекаются источники на других языках, кроме китайских. Следует учесть также то, что работа была написана в середине XX века, и ее основные выводы и положения устарели в свете новых данных и теорий. Более того, автор большинство тюркских титулов выводит из китайского языка, что было связано с распространенной в 50-60-х гг. XX века тенденцией связывать их происхождение с китайской средой, нашедшей свое отражение также в трудах других исследователей, например, в статьях И.Н. Шервашидзе «Фрагмент общетюркской лексики.

Заимствованный фонд», «Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура», и монографии Н.А. Баскакова «Тюркская лексика в “Слове о полку Игореве”». При этом Н.А. Баскаков рассматривает только зафиксированные в древнерусских летописях древнетюркские титулы, которые встречаются в составе имен представителей тюркских этносов, проживавших в степях Южной России. Следует отметить, что изученный исследователем материал летописей не связан непосредственно с Тюркским каганатом.

Подобно этому древнетюркские титулы, но не связи с Тюркским каганатом, рассматривает в своем труде «Тюркские енисейские эпитафии: Грамматика, текстология» также И.В. Кормушин. Данное исследование посвящено текстологии и грамматике енисейских эпитафий, относящихся в большинстве своем к Кыргызскому каганату, и только в той части, где рассматривается их текстовая структура, уделяется место титулам, нашедшим отражение в них. Исследователь лишь ограничивается примерами их употребления в памятниках и приведением их значения и функций⁴⁸.

Из работ П. Голдена стоит отметить «An Introduction to the History of the Turkic Peoples» («Введение в историю тюркских народов») и «Nazar studies» («Исследования Хазар»). В первом труде, наряду с историей различных тюркских этносов и их государственных объединений, автор кратко останавливается также на титулах, которые имелись у них, включая вопрос об их происхождении. Во втором произведении, посвященном истории хазар, уделяется большое внимание личным именам и титулам, зафиксированным в источниках на различных языках в связи с хазарами. Хазарский каганат в качестве преемника Тюркского каганата унаследовал не только правящую династию Ашина, но и его систему титулов. П. Голден дает также анализ употребления титулов в предыдущих эпохах, что позволяет использовать данный труд в исследовании. Однако, анализируемые в книге термины и титулы, не охватывают всю систему титулов Тюркского каганата.

Исследование А. Донука «Eski Türk Devletlerinde idari-askeri unvan ve terimler» («Управленческо-военные титулы и

⁴⁸ Кормушин И.В. Тюркские енисейские... – С. 297-307.

термины в древнетюркских государствах») выделяется тем, что, во-первых, в нем обсуждается значительное число древнетюркских титулов, во-вторых, автор постарался привлечь по возможности весь материал по данной проблематике, имеющийся на момент его написания, и отразить точку зрения по поводу их происхождения. Несмотря на это, оно имеет упомянутые выше недостатки, связанные с тем, что в нем не привлечены данные источников на некоторых языках и нумизматический материал, а также эпитеты не выделяется в особую категорию.

С. Гёмеч в своей статье “Kök türkçe yazılı belgelerde yer alan unvanlar” (“Титулы, занявшие место в памятниках на древнетюркском письме”) даёт хорошую подборку титулов, зафиксированных в памятниках древнетюркского рунического письма. Автор в своем труде приводит употребление 58 терминов, связанных с древнетюркской системой титулов, все которые он считает титулами, несмотря на то, что их часть, несомненно, является эпитетами и другими терминами. Ограниченность исследования рамками только древнетюркских рунических памятников не позволяет в полной мере раскрыть систему титулов Тюркского каганата, но в то же время эти данные играют неоценимую роль в восстановлении тюркской формы ряда титулов, упоминаемых в источниках на других языках, в частности, на китайском. При этом, следует отметить, что чтение некоторых титулов дано автором некорректно.

Особого внимания заслуживает комментированный перевод раздела о тюрках китайской хроники “Цзю Тан шу” («Старая история династии Тан») на турецкий язык, выполненный Исенбике Тоган, Гюльнар Кара и Джахиде Байсал (“Eski T’ang tarihi (*Chiu T’ang-shu*) 194 a: “Türkler” bölümü: Çin kaynaklarında Türkler”). В данном труде даются комментарии различным терминам, именам и титулам, связанным с древними тюрками. Авторы перевода в комментариях делают попытку выделить некоторые эпитеты, что заслуживает внимания. Кроме того, очень полезна для исследователей таблица, приведенная в приложении, в которой дается китайская транскрипция тюркских имен и титулов, нашедших отражение в “Цзю Тан шу”, древние чтения иероглифов, использованных для их

написания, и их древнетюркские соответствия. Следует отметить, что некоторые реконструкции древнетюркских терминов и титулов, приведенных в таблице, неудачны. Поскольку данный труд является лишь комментированным переводом источника и ограничен только сведениями упомянутой хроники, касающихся только восточных тюрков, он важен только для освещения некоторых вопросов, касающихся системы титулов Тюркского каганата.

В диссертации Х.И. Эркоча “Eski Türklerde Devlet Teşkilatı” (“Государственное устройство у древних тюрков”) привлекается широкий круг источников на различных языках, касающихся данного вопроса, но кроме согдийских и бактрийских документов и новых нумизматических данных. В исследовании также использованы значительное число исследований по данной тематике. Но некоторые выводы исследователя, касающиеся употребления тюркских титулов в управлении оазисных государств Среднеазиатского Междуречья, не соответствуют историческим реалиям того времени и системе титулов каганата. Кроме того, данное исследование не посвящено непосредственно системе титулов Тюркского каганата.

Хотя исследование турецкого тюрколога Х.Ш. Усер «Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı yazıtları. Söz varlığı incelemesi» («Эпитафии Тюркского и Отюкенского Уйгурского каганатов. Исследование словарного фонда») имеет чисто лингвистический характер, оно представляет большой интерес, так как в нем представлен фактический материал из древнетюркских стел. Исследовательница в своем труде особо выделяет разделы, посвященные личным именам (с титулами), титулам и должностям⁴⁹, при этом она в отличие от других турецких исследователей выделяет такую категорию, как слова, характеризующие титулы, что примерно соответствует эпитетам.

Краткие выводы. Таким образом, на сегодня имеется значительное количество сведений, касающихся системы титулов Тюркского каганата, занявших место в письменных источниках на различных языках и нумизматическом материале. Формирование системы титулов в Тюркском каганате особенно

⁴⁹ User H.Ş. Köktürk ve Ötüken... – S.131-142; 253-282.

хорошо позволяют проследить китайские хроники, охватывающие весь период его существования и последовательно освещающие события. Однако, основываясь только на сведениях китайских хроник, нельзя получить полное представление о системе титулов каганата и для этого требуется привлечение сведений всех источников, касающихся проблемы, в том числе и нумизматический материал.

Кроме того, несмотря на значительное количество исследований, которые лишь в определенной степени затрагивают систему титулов Тюркского каганата, до сих пор не нет исследования, которое в полной мере раскрыло бы генезис, преемственность и процесс формирования системы титулов в Тюркском каганате, а также ее характерные особенности.

ГЛАВА 2. ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ТИТУЛЫ В ЭПОХУ ДО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

2.1. Генезис титулов и их преемственность в политических объединениях кочевых этносов Центральной Азии

В традициях государственности народов Евразийских степей особое значение имела система титулов, генезис которой был непосредственно связан с процессом формирования государственных объединений в данном регионе, в том числе и Тюркского каганата. Процесс формирования системы титулов в Тюркском каганате был непосредственно связан с развитием государственности тюркоязычных этносов, а также многовековой преемственностью традиций государственности в политических объединениях Центральной Азии. Как справедливо отметил Ю.А. Зуев, «с первых шагов государственной истории тюркское общество было строго ранжировано. Место и политический вес члена общества во многом определялись его титулом, нередко наследственным, закреплявшим положение его носителя в системе социальных связей и соподчинений»⁵⁰. Такое положение было характерной особенностью древнетюркского общества, что подтверждается сведениями китайских, древнетюркских и других источников, в которых при описании различных событий большинство действующих лиц из древних тюрков упоминается не под личными именами, а под титулами и эпитетами. Следует отметить, что состав и количество титулов на различных этапах истории тюркских народов, в том числе и в Тюркском каганате, менялся. Это было связано с развитием государственно-управленческой структуры и усложнением социальных взаимоотношений, которые происходили в древнетюркском обществе. Насколько был сложным и каким образом протекал данный процесс судить трудно, поскольку сведения письменных источников по этому поводу скудны и не раскрывают в полной мере весь процесс изменений, происходивших в ранговой структуре Тюркского каганата. Основным источником сведений,

⁵⁰ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки... – С . 279.

позволяющих раскрыть процесс сложения системы титулов у тюркоязычных этносов и проследить изменения, происходившие в ее составе, являются китайские хроники.

Сведения письменных источников позволяют говорить о функционировании в Тюркском каганате строгой иерархической системы, для каждой из ступеней которой имелся свой титул. При этом, здесь уместны вопросы, было ли формирование системы титулов в Тюркском каганате одновременным процессом, происходившим в рамках только этого государственного объединения, или это был процесс, продолжавшийся в течение столетий и завершившийся только в каганате, когда древнетюркская система титулов приняла законченный вид, что послужило фундаментом для ее сложения и когда начался этот процесс? Постараемся дать на них ответы.

Как известно, первым государственным объединением, создание которого связывают с тюрками, было государство *хунов* (кит. *сюнну*, 匈奴)⁵¹. Данное политическое объединение уже на первых порах имело свою четкую иерархию и систему титулов⁵². Государственное устройство *хунов*, их лексика, в том числе и титулы, зафиксированные в виде транскрипций, нашли свое отражение в китайских хрониках «Ши цзи» («Исторические записки») и «Хань шу» («История династии Хань»), являющихся единственными письменными источниками по данному вопросу⁵³.

Так, в хронике «Ши цзи» Сыма Цян приводит следующее краткое описание политической структуры сюннуского общества:

«При Маодуне (冒頓) *сюнну* (匈奴) небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству, поэтому переходы власти от одного правителя к другому и названия

⁵¹ Golden P.B. *Türk Halkları tarihine Giriş* / Çev. O. Karatay, KaraM. – Ankara, 2002. – S. 46-54.

⁵² Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.1 / Пер. и примеч. В.С. Таскина.– М.: Наука, 1968 – С. 39-40 (далее МИС, 1); Golden P.B. *Türk Halkları tarihine Giriş*. – S. 53.

⁵³ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 81 – 82.

государственных чинов [с этого времени] можно выяснить и изложить.

Ставятся левый и правый *сянь-ваны* (左右賢王, букв. *мудрый ван*); левый и правый *гу-ли-ваны* (左右谷蠡王); левый и правый великий военачальник (左右大將); левый и правый великий *ду-вэй* (左右大都尉); левый и правый великий *дан-ху* (左右大當戶); левый и правый *гу-ду-хоу* (左右骨都侯). Сюнну называют мудрого «*ту-ци*» (屠耆), поэтому старший сын [*шань-юя*] называется левым *ту-ци-ваном* (左屠耆王). От левого и правого *сянь-ванов* (左右賢王) до *дан-ху* (當戶), сильных, имеющих десять тысяч всадников, и слабых, имеющих несколько тысяч [всадников], – всего двадцать четыре начальника, для которых установлено звание – *вань-ци* (萬騎). Все сановники занимают должности по наследству....

Левый и правый *гу-ду-хоу* (左右骨都侯) помогают [*шань-юю* (單于)] в управлении. Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, *ду-вэев* (都尉), *дан-ху* (當戶) и *це-цзюев* (且居)⁵⁴.

При этом, как отмечает В.С. Таскин, в социальной лестнице, приводимой Сыма Цянем, отсутствует верхняя ступень, на которой стоял *шань-юй*, таким образом, нарушая полноту и стройность изложения. Однако, этот пробел дополняют сведения «Хань шу», в котором имеется следующий очень интересный отрывок, отсутствующий в «Ши цзи»:

«*Шань-юй* (單于) происходит из фамилии *Люань-ди* (攬鞮). В их государстве его именуют «*Чэн-ли гу-ду шань-юй*» (撐黎孤塗單于). Сюнну (匈奴) называют небо – *чэн-ли* (撐黎), а сына называют – *гу-ду* (孤塗). [Слово] *шань-юй* (單于) означает «обширный» и показывает, что носитель этого титула обширен подобно небу»⁵⁵.

Описание Сыма Цяня дополняется также следующим сведением Фань Е:

⁵⁴ МИС, 1. – С. 39 – 40; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.2 / Пер. и примеч. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1973. – С. 11 – 12 (далее МИС, 2).

⁵⁵ МИС, 1. – С. 133. прим. 98.

«Среди крупных сановников наиболее знатными считались левый *сянь-ван* (左賢王), а за ним левый *гу-ли-ван* (左谷蠡王), правый *сянь-ван* (右賢王) и правый *гу-ли-ван* (右谷蠡王), которых называли четырьмя рогами. Далее шли левый и правый *жи-чжу-ваны* (左右日逐王), левый и правый *вэнь-юй-ти-ваны* (左右溫禺鞮王), левый и правый *цзянь-цзян-ваны* (左右漸將王), которых называли шестью рогами. Как те, так и другие являлись сыновьями или младшими братьями *шань-юя* (單于) и становились *шань-юями* по старшинству.

Среди крупных сановников, не относившихся к роду *шань-юя*, имелись левый и правый *гу-ду-хоу* (左右骨都侯), за которыми следовали левый и правый *ши-чжу гу-ду-хоу* (左右屍逐骨都侯) и прочие чиновники, называемые *жи-чжу* (日逐), *це-цзюй* (且居) и *дан-ху* (當戶), положение которых определялось степенью влияния и количеством подчиненных им людей»⁵⁶.

Как видно из приведенных выше сведений, тезис Ю.А. Зуева о том, что с первых шагов государственной истории тюркское общество было строго ранжировано, еще раз находит свое подтверждение. Так как анализ всех титулов, употреблявшихся у *хунов*, не является нашей задачей, мы рассмотрим лишь те титулы, которые употреблялись в дальнейшем и были включены в систему титулов Тюркского каганата.

Самую верхнюю ступень иерархии *хунов* занимал титул *шань-юй* (單于), интерпретация которого до сих пор является спорной. Э.К. Пуллиблэнк, основываясь на древнем чтении титула *шань-юй* как **dān-γwāy*, восстанавливает его в форме *darxan/tarxan*⁵⁷. Подобной интерпретации данного титула придерживаются и некоторые исследователи, в том числе и А.В. Дыбо, которая приводит его предположительное чтение для периода Западная Хань в форме **tān-wa*, считая, что финалью *-n* передано конечнослоговое *-r*⁵⁸. В отличие от них Дж. Клосон,

⁵⁶ МИС, 2 – С. 12, 73.

⁵⁷ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 471; Golden P.B. Türk Halkları tarihine Giriş. – S. 53.

⁵⁸ EDT. – P. 539; Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики...-С. 85; Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 105.

основываясь на древнем чтении иероглифов, восстанавливает титул *шань-юй* в форме **davǵu* следующим образом: *shan-yü = d'ian > žian - giwo > ju*. Исследователь считает слово *davǵu* самой древней формой данного титула, который в дальнейшем приобрел форму *yavǵu(yabyu)*⁵⁹. Подобной точки зрения придерживается также Х.В. Бэйли, который восстанавливает данный титул как *žiän-jiu / d'ian-giwo < žiän-jiu = d'abǵu < yabǵu*⁶⁰. Другой точки зрения по поводу интерпретации титула *шань-юй* придерживается узбекистанский синолог А. Ходжаев. Исследователь на базе словаря китайского языка «Ханьюй дацзыдянь» и справочника древних произношений иероглифов «Ханьцзы гуинь шоуцэ», приводит древнее чтение полного титула верховного правителя хунов *чэн-ли гу-ду шань-юй* (撐黎孤塗單于) в форме *cheng-li ku-dia tan-yi* и восстанавливает его как *тангри куту тангри (täñri qutu täñri)*. На основании этого А. Ходжаев считает, что слово *шань-юй* (др.-кит. *tan-yi*), восстанавливаемое им как *тангри*, является сокращенной транскрипцией хунского титула *тангри кут*⁶¹.

Учитывая, что упомянутые выше исследователи для одних и тех же иероглифов, использовавшихся для транскрипции данного титула, приводят различные чтения, вопрос о том, какой титул скрывается под этой транскрипцией до сих пор остается дискуссионным. Хотя, ни одна из вышеупомянутых точек зрения не является общепризнанной, но наш взгляд, более приемлемой является та, согласно которой титул *шань-юй* можно восстановить как *yabyu*. В пользу этого можно привести следующие доводы. Во-первых, во многих древних кочевых объединениях древности и раннего средневековья самым высшим титулом был титул *yabyu*⁶². Во-вторых, в истории не известны факты, когда титул, стоящий на самой вершине иерархической лестницы, в данном случае *tarqan*, опускался на одну ее из самых низших ступеней. В-третьих, в письменных

⁵⁹ Clauson G. Turk, Mongol, Tungus// Asia Major. – London, 1960/1961. – Vol. VIII. – P. 115.

⁶⁰ Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. – P. 65.

⁶¹ Ходжаев А. Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников). – Ташкент: Тафаккур, 2010. – С. 5, 15-16.

⁶² Титул *ябгу* имели верховные правители юечжей, эфталитов, на первых этапах кушаны и древние тюрки.

источниках не имеется сведений относительно того, что обладатель титула *tarqan* когда-либо занимал высшую ступень иерархии, т. е. был главой государства, и как известно, личности с данным титулом не относились к правящему роду. В-четвертых, по мнению некоторых исследователей, титул *tarqan* начал использоваться только с эпохи *То-ба (Tabуаѝ)* (386-557)⁶³. В-пятых, как считает А.Н. Бернштам, термин *дагян* (大將), употреблявшийся у усуней в значении «чиновник», как и позднейшее китайское *дагань* (達干), является ни чем иным, как транскрипцией тюркского термина *tarxan (tarqan)*⁶⁴. Кроме того, следует отметить также мнение О. Менхена-Хельфена о том, что упоминающийся в китайских хрониках город *Та-гань-чен* (*T'a-kan-ch'eng/它 (佗) 乾 城*), располагавшийся недалеко от Кучи (Восточный Туркестан) и являвшийся резиденцией Бань Чао (*Pan Ch'ao*) в 191 н.э., несомненно, является «Тархан-городом»⁶⁵. Таким образом, мы имеем наиболее ранние транскрипции титула *tarqan*, которые упоминаются одновременно с титулом *шань-юй*, и это еще раз может служить аргументом против отождествления титулов *шань-юй* и *tarqan*. В-пятых, восстанавливать этот титул как *täjri*, также очень дискуссионно. Т.к. известно, что китайцы для передачи слова *тенгри* использовали в основном транскрипции *чэн-ли* (撐黎), *тянь-ли* (天理) и *ден-ли* (登利), а также повторение одного и того слова дважды в одном и том же титуле противоречит логике.

Следует отметить, что некоторые ученые отождествляют с титулом *yabγu* титул *си-хоу* (翕侯), упоминаемый в китайских хрониках наряду с титулом *шань-юй* и обладатель которого, по мнению Ю.А. Зуева, не входил в династийную структуру собственно *сюнну* (*хунов*), а возможно, был представителем многочисленной юечжийской диаспоры – автономии в объединении *сюнну*⁶⁶. Однако, некоторые исследователи

⁶³ Donuk A. Eski türk devletlerinde ... – S. 40.

⁶⁴ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. – С. 107.

⁶⁵ Maenchen-Helfen Otto J. The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1973. – P. 383.

⁶⁶ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки... – С . 31; Боровкова Л.А. Царства “Западного края” во II – I веках до н. э. – М.: ИВ РАН-Крафт+, 2001. – С. 288.

считают, что титул *си-хоу* (*hsi hou*; 翁侯) является китайским и не связан с титулом *ябгун*⁶⁷. Это предположение возможно и верно, если учесть, что в ранних китайских хрониках титулы кочевых этносов Центральной Азии в большинстве случаев давались в переводе. Однако, Г. Дёрфер считает, что титул *ябгун* передавался в китайских хрониках при помощи трех транскрипций – *шань-юй* (單于), *си-хоу* (翁侯) и *ше-ху* (業護)⁶⁸.

Титул *ху-ю* (護于), упомянутый в «Хань шу», по мнению Э.К. Пуллиблэнк, по-видимому, являлся вторым высшим титулом у *хунов* после *шаньюя*⁶⁹. Данный титул зафиксирован в «Хань шу» в качестве титула наследника *шаньюя*, где излагается эпизод о том, что титул левого *сянь-вана* (賢王), т.е. левого *ту-ци-вана* (屠耆), при дворе *хунов* сочли несчастливым, и вследствие этого он, вопреки обычаю, достался другому лицу⁷⁰. Э.К. Пуллиблэнк, на основании древнего чтения титула *hu-yü* как *hou-hiou*, восстанавливает его в форме **h̄wax-h̄wāh* или **wax-wa*. По его мнению, оно передает суннуское **γaγā* или **γ^waγ^wā* и связано с древнетюркским титулом *qayan*. Эта точка зрения нашла свое отражение также в трудах других исследователей⁷¹. Однако, мнение Э. Пуллиблэнк относительно титула *ху-ю*, подверглось справедливой критике Г. Дёрфера, отметившего, что суннуское **γaγā* не совсем хорошо соответствует древнетюркскому титулу *χayan* (*qayan*), и где конечное *-n*, имеющееся в древнетюркском⁷². Чтение иероглифов, которыми передан титул *ху-ю* для периода Западной Хань, когда он был зафиксирован, в форме *w(h)āk/whrāk-wa*, указывают на фонетическую близость с хот.-сак. *hāha*

⁶⁷ Han Hanedanlığı tarihi. Hsing-nu (Hun) monografisi. Çev. A. Onat, S. Ersoy, K. Ercilasun. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2004. – S. 113.

⁶⁸ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. IV. – S. 124-135; Gedikli Y. Hun türkçesi üzerine araştırma ve incelemeler -3.Yabgu unvanının manası ve menşeyi // Türk dünyası araştırmaları. – Ankara, Nisan 2007. – Sayı 167. – S. 3.

⁶⁹ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. III. – S. 179.

⁷⁰ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 107.

⁷¹ EDT. – P. 611; Шервашидзе И.Н.. Фрагмент древнетюркской лексики... – С. 84, 86; Golden P.B. Türk Halkları tarihine Giriş. – S. 57; Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 107; Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente... – S. 486.

⁷² Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. III. – S.179.

“официальный титул, возможно кит.”, *hauka* “официальный титул” а также на возможную связь с хот.-сак. *rūkyā* ‘официальный титул’⁷³. Данный факт, а также вышеупомянутое замечание Г. Дёрфера, указывают на необоснованность отождествления титула *ху-ю* с титулом *qayan*. Все это позволяет говорить о том, что транскрипцией *ху-ю* в китайских хрониках передан не титул *qayan*, а какой-то другой.

В китайских хрониках в качестве титула супруги *шаньюя* зафиксирован термин *янь-чжи* (или же *è-dǐ*; 闕氏). Данный титул К. Ширатори отождествлял со словом *asi-aši* «жена», имеющимся в языках тунгусской группы. В.А. Панов же, напротив, видел в нем несомненную передачу тюркского *ач* или *аш* – «женщина; супруга; жена» или *ānчи/āбчи* в значении «жена; супруга; хозяйка»⁷⁴. Э.К. Пуллиблэнк, основываясь на древнем чтении иероглифов, передающих данный титул, как *at-tcje* < **at-tēh*, отождествлял его с древнетюркским титулом *qatun/xatun*⁷⁵. Подобной интерпретации придерживается также А.В. Дыбо, которая приводит транскрипцию данного титула с учетом произношения для эпохи Западная Хань в форме *γāt-tāj*⁷⁶.

В «Хань шу» упоминается также наличие у *хунов* титула *ту-ци* (屠耆), принадлежавшего левому и правому *сянь-ванам*. Этот титул, традиционно интерпретируется как др.-тюрк. *tegin* ‘принц’⁷⁷. А.В. Дыбо, на основании произношения иероглифов для эпохи Западная Хань, восстанавливает как *dā-grjaj* и считает, что фонетически маловероятно интерпретировать титул *ту-ци* как *tegin*, и для его объяснения предлагает привлечь тюрк. **dogro*: др.-тюрк. *doγri*, тур. *doğru*, аз., гаг., турк. *doγru*, хор. *dō(γ)rə*, тув. *doora* «прямой, честный, законный», как это сделал в свое время Г. Шлегель, или же сравнить его с др.-тюрк. титулом *toγrul* «сокол»⁷⁸. Однако, учитывая, что титул *янь-чжи* на основании транскрипции *γāt-tāj*, восстанавливается как *xatun/qatun*, конечный *-n* которого в древнекитайском передан финалью *-j*,

⁷³ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 107.

⁷⁴ МИС, 1. – С. 130, прим. 88.

⁷⁵ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. III. – S. 140.

⁷⁶ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 106.

⁷⁷ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 103-104; Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики... – С. 84.

⁷⁸ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 103-104.

транскрипцию титула *ту-ци* – *dā-grjəj*, более приемлемо восстанавливать как хун.**däg(r)in*, т.е. др.-тюрк. *tegin* «принц», а не как тюрк.**dogro*.

Таким образом, несмотря на то, что в китайских хрониках большинство титулов *хунов* даны либо в виде переводов, либо приведены их соответствия в номенклатуре китайской иерархии, незначительная их часть все же приводится в виде транскрипций. Среди них, по мнению большинства исследователей, с уверенностью можно восстановить такие древнетюркские титулы как *yabu*, *qatun* и *tegin*, которые в дальнейшем широко употреблялись в системе титулов последующих тюркских государств. Кроме них, переводами военных должностей *хунов* можно считать звание 24 крупных военачальников *вань-ци* (букв. «десять тысяч всадников»; 萬騎) – звание, которое как отметил В.С. Таскин, соответствует термину «темник»⁷⁹, а также звания, назначаемых *вань-ци* более мелких военачальников, упомянутых под терминами *тысячники*, *сотники* и *десятники*⁸⁰. Возможно, что под ним упомянуты активно употреблявшиеся в тюркских государствах военные титулы, как *tümenbaşı*, *biçabaşı*, *yüzbaşı*, *onbaşı*.

Относительно иерархии *хунов* (*сюнну*) А.В. Дыбо отмечает, «что номенклатура должностей при сюннуском дворе вообще в очень близкой степени может быть творением китайских хронистов; комментаторы к изданию «Истории сюнну» Сыма Цяна пишут: «...вызывает определенные сомнения возможность реального существования у кочевых *сюнну*, лишь недавно образовавших свое государство, такой сложной иерархической структуры чинов, хотя они и стремились во многом копировать ханьскую систему». Учитывая, что перед этим *сюнну* находились какое-то время в вассальной зависимости от *юэчжей*, можно ожидать в их политической системе и индоевропейских параллелей, но, по-видимому, сквозь фильтр китайского описания могли пройти разве что языковые факты, но не точное значение терминов»⁸¹. Однако, Т. Барфилд, на основании вышеупомянутых сведений китайских хроник, пишет

⁷⁹ МИС, 1. – С. 133, прим. 99.

⁸⁰ МИС, 2. – С. 40.

⁸¹ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 102 -103.

следующее: «Согласно этому описанию, административная иерархия *сюнну* имела три уровня. На вершине находились *шань-юй* и сановники *гудухоу*, которые осуществляли общее руководство империей. На втором уровне размещались 24 чина имперских начальников, каждый из которых носил титул «командующего десятью тысячами всадников» («*темника конницы*»). *Темники конницы* управляли восточной и западной частями обширной империи... Поскольку *шань-юй* назначал своего наследника *левым мудрым князем*, можно предположить, что отдельный человек на протяжении своей жизни мог занимать несколько имперских должностей...

На третьем уровне административной иерархии находилась обширная группа местных племенных лидеров (подчиненные князья, главные помощники, воеводы, управляющие хозяйством, *цзюйцюи* и так далее), которые официально подчинялись 24 высшим чинам империи ... Использование таких титулов, как «*темника конницы*», «*тысячники*», «*десятники*», предполагает гораздо более жесткую административную иерархию *сюнну*, чем та, которая существовала в действительности. В «Ши-цзи» ясно сказано, что только наиболее важные персоны из тех, которые носили титул «*темника конницы*», на самом деле командовали десятитысячным войском. Менее важные персоны с таким же титулом командовали только несколькими тысячами воинов. Такое утверждение, похоже, было верным и для нижестоящих *тысячников*, *сотников* и *десятников*. Параллельно десятичному делению существовало также политическое деление (на подчиненных князей, главных помощников, воевод и т. д.). Поскольку известно, что 24 *темника конницы* имели различные политические титулы, из этого можно сделать вывод, что и их подчиненные обладали политическими титулами. Таким образом, в *сюннуской* империи существовали две системы званий, десятичная и политическая, каждая из которых имела свою отдельную функцию. Политическая система званий использовалась для повседневного руководства племенами и территориями. Десятичная же система использовалась во время войн, когда под единое военное командование собиралось большое количество войск из различных частей степной

империи⁸²». Таким образом, это позволяет говорить о наличии у *хунов* сложной иерархии, с присущими ей титулами, послужившей образцом для устройства политических объединений, существовавших в Центральной Азии в дальнейшем, в том числе и для Тюркского каганата.

Уместно отметить, что китайские хроники приводят подробные сведения об иерархической системе только государства *хунов* и Тюркского каганата, а относительно иерархии государств, существовавших в Центральной Азии в промежутке между ними, подобных сведений не имеется, а лишь упоминаются отдельные титулы в связи с тем или иным событием. Это в основном титулы, нашедшие свое отражение в системе титулов Тюркского каганата. Именно в период, который последовал за распадом государства *хунов*, в китайских хрониках начинают упоминаться ряд древнетюркских титулов, прежде не встречавшихся в них и чья интерпретация не вызывает сомнения.

В этот период в китайских хрониках впервые упоминается титул *qayan*, который вытеснил в дальнейшем титул *шань-юй*⁸³, и качестве титула верховных правителей употреблялся в течение столетий в ряде тюркских и нетюркских государств. По мнению К. Ширатори, титул *qayan* впервые упомянут в китайских хрониках в связи с сяньбийским племенем *цифу*. Это подтверждается зафиксированной в китайских хрониках легендой о мальчике по имени *Хэгань*, найденным чудесным образом представителями кочевьев – *жуфусы*, *чулянь* и *чилу* у гор Да Иньшан и воспитанного стариком из кочевья *цифу*, не имевшим сыновей. Согласно легенде, четыре кочевья, т.е. *цифу*, *жуфусы*, *чулянь* и *чилу*, выдвинули *Хэганя* на пост общего правителя, назвав его *Цифу кэхань тодо мохэ* (乞伏可汗託鐸莫何). Согласно хроникам, в дальнейшем один из его потомков *Юлинь* в начале эры *Тай-ши* (265-274) переселился во главе пяти тысяч дворов к границам Ся [т.е. Китая]⁸⁴. К. Ширатори считает, что поскольку деятельность *Юлиня* связано

⁸² Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова. Науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. — СПб, 2009. — С. 42.

⁸³ Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884-1931). — М.: Наука, 1986. — С. 213-218.

⁸⁴ Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган. — С. 213-214; МИКНД. — С. 89-90.

по времени с эрой правления *Тай-ши*, его прародитель *Хэгань*, получивший титул *qaγan*, должен был жить либо в конце Поздней династии Хань (25-220), либо в период Троецарствия (220-280), а значит, данный титул существовал у сяньбийцев уже в ту эпоху⁸⁵.

Приблизительно в то же время титул *qaγan* зафиксирован в китайских хрониках в связи с *туюйхунями*, которых китайские историки относили к этнической группе *сяньби*⁸⁶. В «Сун шу» приводится рассказ о том, что у сяньбийского вождя Илоханя было два сына – Туюйхунь и Жологуй. Суть его состоит в том, что при жизни Илохань выделил Туюйхуню семьсот семей, и тот после смерти отца во главе отдельного кочевья жил рядом с Жологуем, который наследовал власть. Однажды весной лошади двух поколений подрались и покалечили друг друга. Жологуй послал к Туюйхуню гонца, упрекая его в происшедшей между лошадьми драке, и спрашивал, почему он не пасет лошадей подальше от него. Решив откочевать, Туюйхунь двинулся на запад. Жологуй, раскаявшись, отправил к нему Иналоу с просьбой вернуться обратно. Туюйхунь ответил Иналоу, что он откочевывает из-за лошадей, которые, по-видимому, подрались по воле Неба. «Если вы сможете заставить лошадей повернуть на восток, я последую за ними». На это Иналоу сказал: «*Чу кэ-хань*» (處可汗), что значит в переводе на китайский язык «*Эр гуань-цзя*» («э́р» – слово, выражающее согласие, а «*гуань-цзя*» соответствует понятию «правитель, император»)⁸⁷. Как отмечает В.С. Таскин, Жологуй брат Туюйхуня умер в возрасте 65 лет в 8-м году эры правления Сянь-хэ (333 г.) при восточноцинском императоре Чэн-ди. Отсюда легко вычислить, что он родился в 269 г., и следовательно, титул *кэ-хань* (可汗; *qaγan*) употреблялся у *сяньби* в 269-333 гг.⁸⁸. Однако, как можно судить из сведений китайских хроник, правители *туюйхуней* на практике официально использовали два титула *шань-юй* и *qaγan*, из которых, как считает В.С. Таскин, первый является тюркским,

⁸⁵ Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган. – С. 214.

⁸⁶ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 193; МИКНД. – С. 235-236; Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган. – С. 214.

⁸⁷ МИКНД. – С. 235 -236; Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган. – С. 214.

⁸⁸ Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган. – С. 214-215.

а второй сяньбийским⁸⁹. Согласно хронике «Вэй шу» («История династии Вэй») первым из правителей *туюйхуней* прозвище *кэ-хань* (可汗; *qayan*) присвоил себе Куалюй. В ней же отмечается, что «сидел он (т.е. Куалюй) на золотой, украшенной львами лежанке, свою жену называл *кэ-цзунь* (*катунь*; 恪尊)...»⁹⁰. В названии супруги правителя *туюйхуней*, отмеченном уже в «Чжоу шу» («История династии Чжоу»), ряд исследователей усматривают древнетюркский титул *qatun*⁹¹. Таким образом, можно сделать заключение, что уже у *туюйхуней*, во всяком случае, имелись титулы *qayan* и *qatun*. Известно, что Куалюй вступил на престол после смерти Фулянчоу, последовавшей не ранее 525 года⁹². Таким образом можно говорить о наличии приблизительно с этого времени обоих упомянутых выше титулов в системе управления *туюйхуней*. Если относительно титула *qayan* это не вызывает сомнения, то относительно титула *qatun*, исходя из сведений «Чжоу шу»⁹³, можно сказать, что он вошел у них в употребление в IV веке.

Примерно в то же время, что у *туюйхуней*, в китайских хрониках в связи *то-ба* (*табгач*) в форме *кэ-хань* (可汗) и *кэ-сунь* (可孫) зафиксированы титулы *qayan* и *qatun*⁹⁴. В отличие от первых, у *то-ба* зафиксирован в качестве компонента имен их принцев термин *чжи-цинь* (直勤), отождествляемый рядом исследователей с древнетюркским титулом *tegin*, что наглядно подтверждается древним чтением иероглифов, использованных для транскрипции этого титула: ПДК *ḍ(h)ik ghin*⁹⁵. По мнению Г. Дёрфера этот титул, по-видимому, был заимствован *то-ба* от *жуань-жуаней* (*аваров*)⁹⁶. Кроме упомянутых выше титулов, некоторые исследователи отмечают наличие у *то-ба* также

⁸⁹ Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган. – С. 215.

⁹⁰ МИКНД. – С. 227.

⁹¹ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. III. – S. 140; МИКНД. – С. 15; Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 107.

⁹² Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган. – С. 216.

⁹³ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 107.

⁹⁴ Boodberg P. The Language of the T'o-Pa Wei // Harvard Journal of Asiatic Studies. – Cambridge, 1936. – Vol. 1, No. 2. – P. 169, 171; Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. – P. 73.

⁹⁵ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 194;

⁹⁶ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 538.

титула *tarqan*, вошедшего в обиход, начиная с данной эпохи (386-557)⁹⁷. Все это позволяет говорить о наличии у *то-ба* титулов *qayan*, *qatun*, *tegin* и *tarqan*, широко употреблявшихся в иерархической номенклатуре Тюркского каганата.

Заслуживает внимания такой интересный факт, что в документах государства Крорайна в Восточном Туркестане, относящихся главным образом к III-IV вв. н.э., встречается термин *ogu*, означавший высший пост в крорайнской администрации. Функции этого чиновника во многом совпадали с функциями обладателя древнетюркского титула *ögä*, что позволило некоторым исследователям отождествить *ogu* с *ögä*⁹⁸. Этот факт позволяет говорить о наличии титула *ögä* в системе управления уже в ту эпоху. Хотя государство Крорайна по этническому признаку было индийским, оно долгое время находилось под контролем государства Хунов. Исходя из этого, можно предполагать, что термин *ogu* тождественен титулу *ögä*, который, скорее всего, был заимствован из языка хунов, и возможно, имелся в их системе титулов, но это не нашло своего отражения в письменных источниках той эпохи.

Непосредственным политическим предшественником Тюркского каганата был каганат Жуань-жуаней, в подчинении которого определенное время находились тюрки. Следует отметить, что у жуань-жуаней наблюдается большее разнообразие и количество титулов по отношению к вышеупомянутым политическим объединениям, которые существовали в промежутке от государства Хунов до Тюркского каганата. Обратив внимание на следующие сведения из хроники «Вэй шу»: «По обычаям жуань-жуаней правитель и сановники принимают прозвища в зависимости от поступков и способностей, подобно тому, как в Срединном государстве даются посмертные титулы, но у них после смерти почетные титулы не подносятся» и «ныне Шэлунь установил по примеру Срединного государства законы, ввел правила построения воинов»⁹⁹, становится ясным, что жуань-жуани имели иерархическую систему и сложное государственное устройство.

⁹⁷ Donuk A. Eski türk devletlerinde... – S. 40.

⁹⁸ Кормушин И.В. Тюркские енисейские... – С. 298.

⁹⁹ МИКНД. – С. 269-270.

Именно правитель *жуань-жуаней* Шэлунь официально принимает титул *qayan* в качестве титула верховного правителя и с этого периода перестает употребляться в качестве такового титул *шань-юй*¹⁰⁰. О присвоении Шэлунем себе титула *qayan* в китайской хронике «Вэй шу» имеется такое сведение:

«Все мелкие владения, страдавшие от набегов и грабежей Шэлуня, были [как бы] на привязи у него и подчинялись ему. В связи с этим Шэлунь присвоил себе титул *Цюдоуфа кэхань* (丘豆伐可汗). *Цюдоуфа* на языке династии Вэй означает «правлящий и приведший к расширению», а *кэхань* – «император»»¹⁰¹.

В.С. Таскин считает, что впервые официально титул *qayan* принял не правитель *туюйхуней* Куалюй, а правитель *жуань-жуаней* Шэлунь, по крайней мере, на столетие раньше. Исследователь отмечает, что «судя по тексту «Вэй шу», это произошло между 9-м годом эры правления Дэн-го (394 г.) и 5-м годом правления Тянь-син (402), и как считает Ду Ю (735-812), известный китайский историк, автор знаменитого сочинения «Тун дянь», титул *qayan* появляется с этого времени»¹⁰². Так, в сочинении “Тун дянь” («Свод общих установлений государственного управления») о принятии тюрками титула *qayan* имеется следующее сведение:

“Тумынь (土門; Бумын) объявил себя *и-ли ке-ханем* (伊利可汗, **el/elig-qayan*)¹⁰³. Во времена императора династии Поздняя Вэй *Тайву* глава *жуань-жуаней* Шэлунь принял в качестве своего титула титул *ке-хань* (*qayan*). По этой причине *Тукюе* (тюрки) взяли этот титул”¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган. – С. 216-217.

¹⁰¹ МИКНД. – С. 269.

¹⁰² Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган. – С. 216.

¹⁰³ Первое слово в составе этого титула передается в переводах на европейские языки в форме *hsieh-li*, а на русский язык, как *и-ли* или *сйе-ли*. Некоторые исследователи связывают этот термин со словами *el*, *ellig*, в значении “государство”, “обладающий государством”, а другие с древнетюркским словом *elig* в значении “горный козел” (Eski T’ang tarihi. – S. 106).

¹⁰⁴ Taşağıl A. Gök-Türkler I. 1. Baskı. – Ankara: TTK Basımevi, 1995. – S. 96.

А.В. Дыбо считает, что данный титул у *жуань-жуаней*, скорее всего, заимствование из терминологии предшествующих кочевых империй¹⁰⁵.

Сведения китайских хроник указывают на наличие у *жуань-жуаней* наряду с титулом *кэ-хань* (可汗; **qaγan*), также титулов *ка-га-тунь* (可賀敦; **qatun*), *сы-ли-фа* (俟利發; **eltäbär*), *сы-цзин* (俟斤; **erkin*), а также эпитета *мо-хэ* (莫賀; **baγa*)¹⁰⁶. Не исключено также, что под транскрипциями жуань-жуанских титулов *ту-доу-дэн* (土豆登) и *ту-доу-фа* (土豆發), которые упоминаются в хронике «Вэй шу»¹⁰⁷, скрываются древнетюркские титулы *tudun* и *tutuq-beg*. Кроме того, титул *мо-фу* (莫弗), или *мо-хэ-фу* (莫賀弗), упоминаемый у *жуань-жуаней*, некоторые исследователи считают одним и тем же, что и *мо-хэ-ду* (莫賀咄) и отождествляют его с древнетюркским эпитетом *bayatur* (позд. *бахадур*, *batur*)¹⁰⁸. Г. Дёрфер, приводя следующее мнение Лю Ма-цая: «*чжи-цин* (直勤) жуань-жуаней идентичен с *текин* (*tegin*). Этот титул заимствовали *то-ба*», пишет об упоминании титула в китайских хрониках: сначала у *жуань-жуаней* (IV-VI вв.), который потом был заимствован *то-ба* (IV-VI вв.), а затем древними тюрками (V в.)¹⁰⁹. Если учитывать вышеупомянутое сопоставление титула сюнну *ту-ци* с древнетюркским титулом *tegin*, то окажется, что он впервые был упомянут в хрониках в связи с *хунами* (II в. до н.э.-II в. н.э.). Как пишет М.В. Крюков, начиная с V века в Гаочане начинает заметно ощущаться культурное влияние древних тюрков. Первыми источниками, свидетельствующими об этом, являются китайские тексты из Гаочана, относящиеся к 60-80-годам V века и в которых в качестве компонента имен представителей местного населения встречается тюркский титул *tegin*¹¹⁰. Эти сведения могут быть связаны с *жуань-жуанами*. Данный факт, в свою

¹⁰⁵ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 198.

¹⁰⁶ МИКНД. – С. 280, 284.

¹⁰⁷ МИКНД. – С. 293.

¹⁰⁸ МИКНД. – С. 412, ком. 45.

¹⁰⁹ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 538.

¹¹⁰ Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под. ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. – М.: Наука, 1988. – С. 295.

очередь, позволяет предполагать о наличии у них титула *tegin*. Следует отметить также то, что у древних тюрков в период их подчинения *жуань-жуаням* имелся титул *yabγu*. Так, предводитель тюрков *Ту-у* (535 г.), отец Бумыня и Истеми – основателей Тюркского каганата, имел титул *та ше-ху* или *та йе-ху* (大業護), т.е. «великий ябгу»¹¹¹. Кроме того, их предки *А-сянь* (阿賢) и *На-ду-лу* (訥都陸) упоминаются в китайских хрониках под титулом *шэ* (設; **šad*)¹¹². Данные факты позволяют говорить, что в системе управления государства *Жуань-жуаней* имелись также титулы *yabγu* и *šad*.

Таким образом, для системы титулов *жуань-жуаней* можно отметить наличие таких титулов и эпитетов, как *qayan*, *qatun*, *yabγu*, *šad*, *eltäbär*, *erkin*, *baγa*, *tudun*, *tutuq-beg* и *baγatur*. Кроме того, по мнению Г. Дёрфера, титул *bäg* (*beg*), как и другие древнетюркские титулы, как *хан* ~ *хаγан* (*qan* ~ *qayan*), *хатун* (*qatun*), *батур* (*baγatur*), *тегин* (*tegin*), *yabγu*, *šad*, *тархан* (*tarqan*) и др., были заимствованы тюрками от *жуань-жуаней*¹¹³. К такому можно отнести и такие чисто тюркские титулы как *erkin*, *eltäbär*¹¹⁴. Действительно, данные титулы упоминаются в источниках намного раньше, чем возник Тюркский каганат, т.е. в V-VI веках, в связи с системой управления государства *Жуань-жуаней* и это находит свое подтверждение в сведениях китайских хроник¹¹⁵.

Некоторые исследователи считают, что титулы, которые имели первые предводители племени Ашина, по своему происхождению связаны с юечжи-кушанами и эфталитами¹¹⁶. Действительно, титул *yabγu* впервые в начал активно фигурировать в системе управления Кушанского царства (I в. до н.э.-III в.), но при этом, следует принять во внимание, что он имелся намного раньше в государстве Хунов и соседних с ним

¹¹¹ Donuk A. Eski türk devletlerinde... – S. 56.

¹¹² Bombaci A. On the Ancient Turkish title *šad* // Gururajamenjarika Studi Onare di G. Tucci. – Napoli, 1974. – P. 191; Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı... – S. 114.

¹¹³ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 405, 541.

¹¹⁴ МИКНД. – С. 280, 284.

¹¹⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 187, 201; МИКНД. – С. 40, 163.

¹¹⁶ Малявкин А.Г. История Восточного Туркестана... – С. 337.

государственных объединениях (*юечжи, усунь*)¹¹⁷. Данный титул активно употреблялся и в относительно близкое к каганату время в государстве Эфталитов (490-560), что находит свое подтверждение в бактрийских документах¹¹⁸. Кроме того, имеются сведения о наличии титула *tegin* у эфталитских представителей Северной Индии¹¹⁹. Несмотря на это, более логично считать, что Тюркский каганат заимствовал большинство вышеупомянутых титулов именно от *жуань-жуаней*. Так как, прежде всего, династия Ашина построила свое государство непосредственно на обломках государства Жуань-жуаней. К тому же представители племени Ашина проживали в Южном Алтае, который располагался очень близко к центральным территориям *жуань-жуаней*, включавших в себя северо-восток Турфана и Восточную Джунгарию¹²⁰.

Таким образом, некоторые титулы (например, *qaγan, yabuγi, tegin* и др.) встречались в системе управления кочевых государств, существовавших в северо-восточных территориях Центральной Азии в последние века до нашей эры, а потом были заимствованы *сяньби, жуань-жуанами, эфталитами* и непосредственно от *жуань-жуаней* Тюркским каганатом. При этом, сегодня в научных кругах получает признание мнение о том, что государство Эфталитов являлось западным крылом каганата Жуань-жуаней¹²¹.

Сведения о системе титулов и процессе ее формирования на ранних этапах истории Тюркского каганата нашли свое

¹¹⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том II. – С. 184; Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Том 1. – Ташкент: Media Land, 2002. – С. 140.

¹¹⁸ Sims-Williams N. From the Kushan-shahs to the Arabs. New Bactrian documents dated in the era of the Tochi inscriptions // Coins, Art and Chronology Essays on the pre-islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. – Wien 1999. – P. 254-255.

¹¹⁹ Göhçe S. İlkçağda Hindistan'da Türk varlığı // The Journal of Indo-Turcica. – İstanbul, 2008. – S. 19.

¹²⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 221-222.

¹²¹ Golden P.B. Türk Halkları tarihine Giriş. – S. 61, 88; Heršak E. Avarlar: Etnik Yaradılış Tarihlerine Bir Bakış // Türkler, 2. cilt. – Ankara: Yeni Türkiye yayınları, 2002. – S. 643; Alemany A. Batı Avrasya Steplerinde Türk ve Alan Halkları Arasındaki Tarihi Bağlantılar // Türkler, 2. cilt. – Ankara: Yeni Türkiye yayınları, 2002. – S. 531; Vaissière E. de la. Is There a "Nationality of the Hephtalites"? // Bulletin of the Asia Institute. New Series. – London, 2003. – Volume 17. – P. 119-132.

отражение в китайских источниках. В этом отношении, особый интерес представляет следующий фрагмент «о чинах и званиях» древних тюрков, включенный в историческую энциклопедию «Тун дзянь», географический труд «Тайпин хуньюй цзи» («Описание мира, составленное в период Тай-пин син-го») и более обширную энциклопедию «Цэ фу юань гуй» («Изначальная черепаха императорской библиотеки»):

“При их (тюрков) начале в государстве было от знатных до низших чинов и званий всего десять степеней; давались или по внешнему облику, или по цвету лица, бороде и волосам, или по вину-мясу, или по названиям животных тварей:

1. У них отважного и крепкого называют *ши-бо-ло* (始波羅; *išbara*). Иначе зовут *ин-хо-фу/мо-хо-фу* (英賀弗/莫賀弗; *bayatur*);

2. Что до жирного и толстого, то называют его *да-ло* (大羅; *tolu* – «полный») ¹²². *Да-ло-бянь* (大羅便; *turum*) значит винный сосуд, похожий на треножник – *цзюе*, так же толст и низок. Из-за сходства телом и очертаниями взято проименование. Этот чин особо почитаем; только его (кагана) сыновья и младшие братья бывают ими;

3. Еще. Старцев называют *гэ-ли* (哥利; *qari* – «старый»), отчего бывают *гэ-ли да-гуань* (哥利達官; *qari-tarqan* – «старый тархан»);

4. Коня называют *хэ-лань* (賀蘭; *qulan*), поэтому бывают *хэ-лань су-ни* (賀蘭蘇泥; *панцирная конница) и *цзюэ су-ни* (闕蘇泥; **kül*/главное? войско) – это чины управляющие войсками;

5. Черный цвет называют *кэ-ло* (珂羅; *qara*), поэтому бывают *кэ-ло чжо* (珂羅啜; *qara-čor*); чин очень высокий, лишь в преклонных годах /достигнув шестидесяти лет ¹²³ становятся ими;

6. Бороду называют *со-гэ* (娑葛; **saqal*), и потому бывают *со-гэ ту-тунь* (娑葛吐屯; *(*aq*)*saqal-tudun*). Этот подобен управляющему областью;

7. Вино называют *фу-ни же-хань* (匐你熱汗; **bekni-yarγan*). Поэтому бывают *же-хань* (熱汗; **yarγan*), которые возглавляют обряды жертвоприношения, предотвращают встречу со злыми

¹²² В некоторых исследованиях этот термин приводиться в форме *сань да-ло* 三大羅 (Taşağıl A. Gök-Türkler I. – S. 114).

¹²³ Taşağıl A. Gök-Türkler I. – S. 114.

духами¹²⁴/Вино называют *фу-ни* (匐你; *бекни); *фу-ни жэ-хань* (匐你熱汗; *bekni-yaryan) следят за соблюдением законности и очередности (при подношении вин);

8. Мясо называют *ань-дань* (安殫), поэтому бывают *ань-дань цзюй-ни* (安殫具泥; *hanedan küni – «род ханского двора»); они управляют делами [каганского] Дома, это подобно должности при династии;

9. Иногда учреждают *фу-линь* (附鄰; *böri) каганов (可汗); [фу]-линь суть название волка. Из-за их алчности и склонности к убийствам дают такое проименование;

10. Бывают также каганы достоинством ниже *е-ху* (業護; *yabyu); еще бывает, что [предводители] больших племен, проживающих в государстве, называют друг друга *и-кэхань* (遺可汗; *ev-qayan). Тукюе (тюрки) дом называют *и* (遺; *ev); это значит *каган дома*¹²⁵.

Как видно из содержания данного фрагмента, упомянутые 10 титулов, не охватывают все стороны иерархической системы Тюркского каганата, и в большей мере, являются титулами придворных чиновников. Так как, в нем нашли отражение термины, связанные с бытовой жизнью каганата. Однако, трудно сказать что-либо определенное относительно того, были ли упомянутые титулы внедрены в систему управления каганата с первых лет его образования или же наоборот. Количество титулов хотя и соответствуют содержанию сведения “*при их (тюрков) начале в государстве было от знатных до низших чинов и званий всего десять степеней*”, однако, требует своего комментария отсутствие среди них титулов *šad* и *tegin*, присущих членам правящего дома каганата, а также заимствованных от *жуань-жуаней* титулов, как *eltäbär*, *erkin*. Не исключено, что упомянутые в сведении десять титулов не входили в ряд десяти основных титулов, учрежденных накануне образования каганата. Как отмечалось выше, часть их являлась титулами, относящимися к дворцовому управлению, точнее, к бытовой жизни дворца. Например, титулы *фу-ни же-хан* (*bekni-yaryan, ответственный за бытовые дела дворца), *ань-дань*

¹²⁴ Таşağıл А. Gök-Türkler I. – S. 97, 114.

¹²⁵ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки... – С . 281-287; Таşağıл А. Gök-Türkler I. – S. 96-97, 113-114.

цзюй-ни (**hanedan küni*, ответственный за дела рода ханского двора), и ке-хан (**ev-qayan*, глава дворца) связаны с личностями, служащими во дворце.

Об изменениях, произошедших в системе титулов каганата в дальнейшем, также можно судить исходя из сведений китайских хроник. Следующее относительно более позднее по времени сведение говорит уже о наличии в Тюркском каганате 28 титулов:

«Ке-хань (可汗; **qayan*), который смотрел на Иньшань (陰山; горы в окрестностях Ганьсу) свысока и имел намерение пренебрегать Срединной страной (Китаем), был как древний шань-юй (單于), и супругу он титуловал ке-хо-тунь (可賀敦; **qatun*) [«Синь [Тан] шу»: 可敦; кэ-дунь], это подобно древней ян-чжи (閼氏) [у сюнну (匈奴)]. Его (кагана) сыновья и младшие братья назывались тэ-лэ (特勒; **tegin*) и командующие войсками отдельных аймаков все назывались шэ (設; **šad*). Его (их) высший чин цюй-люй-чжо (闕律啜; **kül-čor/külüg-čor*)¹²⁶, следующий – а-бо (阿波; **apa*), следующий – сы-ли-фа (俟利發; **eltäbär*), следующий – ту-тунь (吐屯; **tudun*), следующий – сы-цзин (у И. Бичурина – сыгин) (俟斤; **erkin*), следующий – йень-хун-да (閼洪達; *...?)¹²⁷, следующий – сье-ли-фа (頡利發; **eltäbär*)¹²⁸, следующий – да-гань (達干; **tarqan*), всего 28 разрядов ...

¹²⁶ В китайских хрониках иногда место этого титула занимает титул гэ-ло чжо (珂羅啜; тюрк. *qara-čor*), которому дан такой комментарий: “имеющих черный цвет называют гэ-ло (珂羅; *qara*). В качестве титула кэ-ло чжо (啜; *qara-čor*) среди чинов самый высокий” (Taşağıl A. *Gök-Türkler I.* – S. 114). В другом месте подобное описание дается по отношению к кюе-чжо (闕啜; тюрк. *kül-čor*). По-видимому, в китайских источниках были перепутаны места схожих титулов. Сведения письменных источников того времени свидетельствуют о занятии титулом *kül-čor* высокого положения, титул же *qara-čor*, напротив, в них практически не встречается.

¹²⁷ Истинный фонетический облик термина йень-хун-да (閼洪達), упомянутого в китайских хрониках в качестве титула, связанного с Западно-Тюркским каганатом, до сих пор не восстановлен.

¹²⁸ Авторы хроник, по-видимому, ошибочно приняли две китайские транскрипции, использовавшиеся для передачи древнетюркского титула *eltäbär*, соответственно сы-ли-фа (俟利發) и сье-ли-фа (頡利發), в качестве двух самостоятельных титулов, что нашло свое отражение в данном сведении. См. Erkoç H.İ. *Eski Türklerde Devlet Teşkilatı...* – S. 178.

Когда отец и старший брат (обладавшие этими титулами) умирают, то сыновья или младшие братья наследуют (их) ... Гвардейцы называются *фу-ли* (附離; **böri*)¹²⁹»¹³⁰.

“Его (их) титулы *ше-ху* (業護; **yabyu*), *шэ* (設; **šad*), *тэ-лэ* (特勒; **tegin*). Они в основном бывают сыновьями, братьями кагана и из членов этого дома”¹³¹.

Несмотря на то, что этот порядок титулов, зафиксированный в китайских источниках, полностью не отражает всю систему титулов Каганата, но его связь с реалиями того времени несомненна. В источниках того времени на других языках хотя подобных сведений не имеется, но их содержание позволяет говорить о том, что порядок титулов в каганате был схожим с этим. Так, в стеле Бильге-кагана (716-734) имеется такое сведение: “тогда же он (т.е. каган) дал устройство народам *Töles* и *Tarduš* и назначил тогда (над ними) *yabyu* и *šada*”¹³². Это сведение находит свое подтверждение в китайских хрониках, где отмечается, что после верховного правителя – *qayana*, следуют чиновники с титулами *yabyu* и *šad*. Кроме того, в армянских источниках отмечается, что самыми важными личностями в каганате после “царя севера кагана” были *Джебу* (*джабгу*) или *Джабгу-каган*, а также его сын *шад*¹³³.

Китайские хроники приводят различные цифры о количестве титулов, употреблявшихся в системе управления Тюркского каганата. Хотя в них говорится о 10, иногда 20 или 28 титулах, в действительности же, их общее количество достигало около сорока. В связи с этим заслуживает внимания мнение узбекистанского синоведа А. Ходжаева, согласно которому в системе управления древних тюрков было более 30

¹²⁹ Этот термин Н.В. Кюннер приводит в форме *али* (*alp*) (Кюннер Н.В. Китайские сведения... С. 328). Но, большинство исследователей более приемлемым считают вариант *фу-ли* (*böri*).

¹³⁰ Кюннер Н.В. Китайские сведения... С. 327-328; Таşağıл А. Gök-Türkler I. – S. 96, 113-114; Liu Mau-Tsai. Çin kaynaklarına göre Doğu Türkleri / Çeviri E. Kayaoğlu, D. Banoğlu. – İstanbul: Selenge, 2006. – S. 21.

¹³¹ Таşağıл А. Gök-Türkler I. – S. 107.

¹³² Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Тошкент: Ўқитувчи, 1982. – Б. 105, 117; Tekin T. Orhon yazıtları. Kül tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. – İstanbul: Sanat Kitabevi, 2003. – S. 43; Малов С.Э. Памятники древнетюркской письменности. – С.38.

¹³³ Артамонов М.И. История Хазар. – С. 146,150.

наименований наследственных титулов и административных должностей¹³⁴. При этом следует отметить, что приведенные в источниках цифры, указывающие на количество титулов у древних тюрков, имеют определенные комментарии. Как пример, следующее сведение китайских источников: “при их (тюрков) начале в государстве было от знатных до низших чинов и званий всего десять степеней”¹³⁵. Ю.А. Зуев, комментируя это сведение, пишет, что в середине VI века у тюрков имелось 10 титулов, а затем в источниках в связи с Западными тюрками стало упоминаться сведение о наличии 28 титулов¹³⁶. В хронике “Тан шу” среди первых сведений, связанных с каганатом, отмечается наличие у тюрков двадцати больших и малых титулов¹³⁷. Возможно, действительно на первых этапах после образования Тюркского каганата количество титулов, имеющих в его иерархии, равнялось десяти или немного больше этого числа. Если учесть, что значительная часть титулов и эпитетов (*qayan*, *qatun*, *yabyu*, *šad*, *tegin*, *eltäbär*, *erkin*, *baγa*, *bayatur*) была заимствована древними тюрками от жуань-жуаней накануне образования каганата, а другая часть была титулами главы племени Ашина (*yabyu*, *šad*), когда оно входило в состав их государства, и таким образом их общее количество составляло около десяти, то получится, что вышеупомянутое сведение китайских источников отражало реальную действительность. Упоминание же в источниках в качестве количества титулов цифр 20 или 28 объясняется скорее всего тем, что по мере того, как увеличивалась сила и мощь каганата, расширялась его территория, учреждались и новые титулы.

В китайских хрониках хотя и встречаются сведения о различном количестве титулов у древних тюрков, но все они не перечисляются в одном месте. Кроме того большинство военных титулов Тюркского каганата также не нашли своего отражения в хрониках. Следует отметить и тот факт, что когда в китайских хрониках речь идет о количестве титулов в каганате, их авторы

¹³⁴ Ходжаев А. Из истории древних тюрков. – С. 92.

¹³⁵ Таşağıл А. Gök-Türkler I. – S. 96-97, 113; Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки ... – С. 279, 280.

¹³⁶ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки... – С. 279.

¹³⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 229.

включают в их число также некоторые эпитеты, например, как *apa, išbara, bayatur*. В китайских хрониках не имеется сведений о наличии в каганате около 40 титулов. Однако, количество титулов, упомянутых в них в связи с различными событиями, приближается к этому числу. Примерно к такому же числу приближается количество титулов, упомянутых в древнетюркских рунических памятниках, что еще более проясняет вопрос об их количестве.

Таким образом, можно говорить о том, что древнетюркская система титулов возникла в государстве Хунов и в результате преемственности его традиций государственности вместе с титулами в последующих государственных объединениях, существовавших позже на его территории вплоть до Тюркского каганата, была непосредственно заимствована древними тюрками от жуань-жуаней, в состав государства которых они определенное время входили. При этом, следует обратить внимание на то, что Тюркский каганат в своем государственном устройстве во многом повторял устройство государства Хунов (сюнну). Как отметил Т. Барфилд: «Империя (т.е. Тюркский каганат – *А.К.*) была организована по образцу имперской конфедерации. Как и у сюнну, в ней имелись три основных уровня: 1) имперское правительство и чиновники двора, 2) имперские чиновники для управления племенами на всей территории империи и 3) наследственные племенные вожди, ведавшие вопросами местного самоуправления.

Высшим титулом в империи был титул *кагана*, но, в отличие от *шаньюя* у сюнну, он мог принадлежать не одному, а нескольким лицам. Старший каган иногда назначал малых каганов для управления частями империи. Официальный наследник кагана носил титул *ябгу*. До возникновения тюркской империи этот титул, похоже, был самым высоким, поскольку туцзюэ впервые обрели могущество под предводительством «великого ябгу», еще находясь в составе империи жуань-жуаней. Имперские наместники носили титул *шад*. Они вместе с *ябгу* управляли племенами, входившими в империю. Обладатели этих титулов являлись сыновьями, братьями или дядьями кагана и назывались *тегинами* (принцами). Все они являлись членами правящего клана Ашина.

Племена в составе империи имели собственных правителей, называемых *бегами*. Вожди могущественных племен именовались *эйтеберами*, а менее могущественных – *иркинами*. Все они подчинялись одному из имперских наместников. Совокупность этих местных племенных групп подразделялась на восточное и западное крылья – *Толис* и *Тардуш*. За племенами, которыми тюрки непосредственно не управляли, присматривали *тудуны* – доверенные лица, назначаемые каганом для того чтобы взимать дань и удерживать в повиновении наиболее отдаленные племена. Согласно китайским источникам, во всей тюркской системе управления существовало 28 передававшихся по наследству званий¹³⁸».

Рассмотренный выше материал позволяет сделать заключение, что древнетюркская система титулов формировалась в течение столетий и ее источником являлись как чисто тюркские, так и заимствованные от соседних народов титулы. Начало этого процесса приходится на создание государственного объединения хунов, и он продолжался вплоть до образования Тюркского каганата, который, продолжая имевшие до него традиции государственности, развил их исходя из своих внутренних потребностей, и внес большой вклад их в дальнейшее совершенствование. Ярким примером этого является система титулов, которая полностью оформилась и приобрела четкую иерархию именно в Тюркском каганате. Его государственное устройство, традиции государственности и система титулов послужили образцом не только для тюркских, но и других государств той и последующих эпох.

2.2. Анализ существующих в научной литературе мнений о происхождении титулов

Сегодня большинство исследователей, занимающихся историей древнетюркских народов, связывают происхождение значительной части титулов, употреблявшихся в Тюркском каганате, не с тюркской языковой средой, а считают их заимствованиями из китайского, иранских, индийских, монгольского и др. языков. При этом, даже относительно

¹³⁸ Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай... – С.111.

происхождения одного и того же титула в научной литературе имеется несколько различных мнений. Это особенно характерно для титулов центрального управления Тюркского каганата. К примеру, титул *qayan* различные исследователи считают заимствованием из монгольского, китайского или иранских, титулы *beg*, *tarqan* из китайского или иранских, *yabγu*, *šad*, *qatun* из иранских, *beg*, *tegin*, *tutuq*, *tudun* из китайского языков¹³⁹, а эпитет *išbara* происходящим от индийского слова *асвара* в значении “правитель”¹⁴⁰. В итоге получается, что большинство титулов, занимавших высшие ступени иерархии каганата, не являются тюркскими, а связаны с другой языковой средой.

Однако, чтобы всецело принять подобные интерпретации нужно будет ответить на следующие вопросы:

- по какой причине Тюркский каганат, являвшийся одной из крупнейших империй своего времени и сильно отличавшийся от своих окружающих соседей по своему происхождению и внутреннему устройству, внедрил в свою систему управления титулы, “присущие другим этносам”;

- почему каганат не воспринял полностью систему титулов какого-либо определенного государственного объединения, существовавшего до него, а “собрал” титулы различных этносов, проживавших вдалеке друг от друга;

- имелись ли случаи использования вышеупомянутых титулов, например, *yabγu*, *šad*, *qatun*, *beg*, этимологизируемых на иранской (согдийской, среднеиранской (пехлеви) и др.) основе и

¹³⁹ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 106-107, 118-120; Баскаков Н.А. Тюркская лексика... – С. 41-42; Ramstedt G.J. Alttürkische und mongolische Titel... – S. 64-65, 75; Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики... – С. 70; Его же. Фрагмент древнетюркской лексики... – С. 86.

¹⁴⁰ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник... – С. 113, к.174; Sümer F. Türk Devletleri Tarihinde... – S. 34. Так некоторые исследователи, считая эпитет *išbara* титулом, связывают его происхождение со ср. иран. словом *ašwārā* – ‘титул благородного всадника (рыцаря)’ (СИГТЯ: Пратюркский язык-основа. – С. 23). Но по фонетическим причинам его следует считать индийским заимствованием, а также имеющим значение ‘повелитель’. Данный эпитет образован от арийского корня **aić: ić-* ‘мочь, быть в силах; владеть, повелевать над чем-либо’, представленный в иранских языках как ав.г. *išvan* – ‘повелитель над ..., могущественный’, а в индийских как вед. *iśvar-á*, с тем же значением (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. – М.: Вост. лит., 2000 – С. 123).

tegin, *tutuq*, *tudun*, интерпретируемых на основе китайского языка, всех вместе в управлении государств, созданных данными этносами. Если да, то соответствовала ли их иерархия и порядок использования идентичным параметрам Тюркского каганата;

- каким образом подобные титулы были внедрены Тюркским каганатом в свою систему управления. Т.е., были ли они восприняты правителями каганата специально или же были заимствованы в результате естественных процессов? Каковы сведения письменных источников этого времени по этому поводу;

- каким образом титулы оазисных государств Восточного Туркестана и подобных им других владений, расположенных в малых оазисах и не имевших имперских тенденций, были внедрены в систему управления такой крупной империи как Тюркский каганат и получили широкое распространение;

- если титулы *šad*, *tegin*, *čor*, *qatun* относятся к языку других этносов, то почему в источниках, освещающих период до Тюркского каганата, не имеется сведений, указывающих на наличие данных титулов в таком или схожем фонетическом облике в их системе управления. К примеру, некоторые исследователи, основываясь на сведениях китайских хроник о наличии титула *qatun* в эпоху раннего средневековья в системе управления нескольких согдийских оазисных владений, считают его согдийским заимствованием¹⁴¹. Данное мнение внушало бы доверие, если подобное сведение относилось к эпохе до Тюркского каганата, однако это не так. Напротив, титул *qatun* начал употребляться в эпоху Тюркского каганата в оазисных государствах, в которых правили династии, связанные с ним по происхождению. Если титул *šad* в данной форме появился вне среды каганата и намного раньше него, то почему он не упоминается в источниках в связи государственными объединениями, с которыми связывается его происхождение¹⁴², а стал широко употребляться именно в эпоху Тюркского каганата.

¹⁴¹ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков... – С. 106-107.

¹⁴² Некоторые исследователи считают, что данный титул в эпоху каганата употреблялся в ряде нетюркских политических объединений. Так, Б. Огель, отмечая употребление титула *шад* также вассалами Тюркского каганата, пишет, что в различные годы его имели правители такой владений, как Шаш/Чач (657),

Действительно, некоторые из этих титулов были заимствованы в систему управления Тюркского каганата. Это можно наблюдать на примере титула *šad* и эпитета *išbara*, которые трудно этимологизировать на тюркской языковой основе. Но в то же время, мнение о том, что большинство титулов, употреблявшихся в каганате “были заимствованы от других этносов”, также очень дискуссионно. Анализ системы титулов ряда древнетюркских государств, существовавших на территории Центральной Азии после Тюркского каганата, как Уйгурский, Кыргызский и Тюркешский каганаты, государства Карлукских и Огузских ябгу, Уйгурских идикутов Кочо, Кимакское ханство, показывает, что в них последовательно использовались большинство титулов Тюркского каганата. Данные титулы широко использовались также в политических объединениях нетюркских этносов, как государство Каракитаев (1124-1218) и Монгольская империя, основанные этносами, происходившими из той же хозяйственно-культурной среды, что и древние тюрки. Древнетюркские титулы продолжали использоваться и в системе управления даже таких мусульманских тюркских династий, как Караханиды, Сельджукиды и Хорезмшахи¹⁴³. Использование древнетюркских традиций государственности, в том числе и титулов, в системе управления многих тюркских династий, основавших свои государства за пределами Центральной Азии и в чуждой им этнической среде, также может являться свидетельством того,

Шуман (743), Вахан (758) и Каписа (739) (Ögel B. Über die alttürkische Schad (Sü-Baschi)-Wurde... – S. 42). Но следует учитывать, что некоторые из них происходили из правящей династии каганата. В частности, к таковым относится правитель Чача, правивший в 657 году и происходивший из династии Тегинов (605-750) (Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса VI–VIII вв. – Ташкент: Изд-во Нац. библ. Узбекистана им. А. Навои, 2007. – С. 45-52). В Шумане и Вахане, по-видимому, мы имеем дело с китайской транскрипцией иранского титула *шах*, а не тюркского *шад*. Именно в это время титул *шах* использовался в ряде владений Тохаристана, например: Термез-шах, Хутталян-шах или Хутталь-шах (А.Г. Малявкин имя царевича Хутталя *Гуду ши* восстанавливает неверно как Хутталь-шад) (Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. – Новосибирск: Наука Сиб. Отд-е, 1989. – С. 281-282). Титул правителя Каписы *ша* также следует восстанавливать в форме *шах*, как это делают многие исследователи.

¹⁴³ Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991-1209 гг.). Часть I. Источниковедческое исследование. – М.: София, 2006. – С. 28-31.

что изменение своих традиций или их заимствование от других этносов не были процессами, происходившими легко и быстро. Именно этим объясняется тот факт, что в основе государств, созданных Сельджуками, Мамлюками Сирии и Египта в иранской и арабской культурных средах, лежали традиции тюркской государственности. Подобное можно наблюдать также на примере ряда тюркских династий, правивших в Индии, Иране и арабских странах.

Рассмотренные выше факты показывают, что изменение традиций государственности, а также принципов государственного устройства или их усвоение от других этносов, не относятся к явлениям, происходившим с легкостью. Поскольку это так, то насколько верным окажется мнение о том, что большинство титулов, употреблявшихся в Тюркском каганате «были заимствованы от других этносов»? В особенности, если учесть факт наличия в каганате уже в первые годы после его образования вышеупомянутых «заимствованных титулов», то вопрос об их заимствовании древними тюрками становится еще более трудным для разрешения.

Здесь уместно возникает следующий вопрос: если считать, что Тюркский каганат большинство своих титулов заимствовал от других, в особенности от иранских этносов, то с каким именно государственным объединением или какой этнополитической средой это было связано? Кроме того, как можно интерпретировать, исходя из мнений некоторых исследователей то, что каганат заимствовал одну часть титулов от согдийцев, другую от китайцев, тохаров, еще одну от другого этноса, вообще жившего далеко и не являвшегося соседом древних тюрков, как например, греки (византийцы). По какой причине племя Ашина, создавая свое государство, не заимствовало полностью титулы, присущие политическому объединению определенного одного этноса, а должно было заимствовать один титул от одного этноса, другой еще от другого? Правда, можно предположить, что Тюркский каганат, наверное, заимствовал титулы некоторых этносов, вошедших в его состав или ставших его соседями в процессе превращения его в империю. Но это предположение не является верным для всех титулов. Например, точка зрения И.Н. Шервашидзе о том,

что тюркский титул *erkin* можно было бы связать с греческим словом *архонт* “предводитель, вождь, царь и др.”¹⁴⁴. Во-первых, этот титул еще до Тюркского каганата употреблялся у жуаньжуаней, а во-вторых, требует своего комментария каким образом титул *архонт*, занимавший в иерархии Византийской империи относительно высокое положение, превратился в титул *erkin*, стоящий на низших ступенях иерархии каганата. Кроме того, имеются и такие фонетические трудности, как переднерядный вокализм в тюркском слове, при заднеязычном в греческом. Напротив, более логично считать этот титул образованным от древнетюркского глагола *irk-/erk-* “собирать”, функции обладателя которого также были связаны с семантикой глагола¹⁴⁵. При этом, лексическое значение титула *erkin* и его словообразование соответствует нормам древнетюркского языка.

Ряд исследователей связывают происхождение значительного числа титулов Тюркского каганата с иранской средой. Некоторые из них, наряду с титулами *yabγu* и *šad*, занимавшими верхние ступени иерархии, пытаются также этимологизировать на иранской основе титулы *eltäbär*, *tarqan*, *šor* и др.¹⁴⁶. Однако, главным критерием для того, чтобы считать какое-либо слово заимствованием из другого языка, не может являться только его этимология. Особое внимание следует уделять также и условиям, при которых это слово было заимствовано. Например, чтобы считать определенные титулы каганата заимствованиями из таких индоевропейских языков, как согдийский или тохарский, то следует учитывать их наличие или отсутствие в системе управления созданных ими государств. Предположим, что Тюркский каганат, ознакомившись с системой управления ряда оазисных владений Согда, выбрал от них несколько титулов и внедрил их в свою иерархию. Однако тот факт, что как в согдийских документах, так и в нумизматическом материале, относящемся к этим оазисным владениям, встречаются древнетюркские титулы,

¹⁴⁴ Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики... – С. 90.

¹⁴⁵ Кубатин А. К этимологии древнетюркского титула *erkin* // Ёш шарқшуносларниг акад. У. Каримов номидаги илмий конференцияси тезислари. – Тошкент, 2009. – 186-188 б.

¹⁴⁶ См. Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики... – С. 81-83.

непосредственно связанные с Тюркским каганатом и правившими в них тюркскими династиями¹⁴⁷, требует иной постановки вопроса. Правда, титул *šad*, употреблявшийся в Тюркском каганате и в древнетюркских политических объединениях задолго до его образования, в том числе, предводителями племени Ашина в период его вхождения в государство Жуань-жуаней, можно считать происходящим от согдийского слова (*i*)*xšēd* (>*xšēt/xšāt*>*šad*; от др.-иран. *xšāyaθiya* - “царь, правитель”)¹⁴⁸, которое, по-видимому, приняло форму *šad* в результате его адаптации к тюркской фонетике. Однако, отсутствие в системе управления государственных объединений Согда параллелей другим титулам Тюркского каганата, также указывает на субъективность мнения о нетюркском происхождении большинства его титулов. Подобно этому, некоторые исследователи связывают происхождение титула *yabγu*, несмотря на его отсутствие в аналогичной или близкой к нему форме в иерархии Парфянского государства или Сасанидского Ирана¹⁴⁹, со среднеиранским словом *yatuga/yavuga* - “предводитель”¹⁵⁰, а это требует своего объяснения.

Относительно заимствованных титулов следует отметить, что в истории известны случаи, когда один этнос, установив свое политическое господство над другим этносом, воспринимал некоторые из верховных титулов покоренной стороны. При этом, этнос-покоритель употреблял данные титулы либо в соответствии с их прежней иерархией, или же опустив их в иерархической лестнице на ступени ниже своих высших титулов. Так, в 907 г. китайский император присвоил правителю киданей титул *хуан-ди* («император»), но одновременно с ним

¹⁴⁷ Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 40-63; Бабаяров Г., Кубатин А. К новой интерпретации имени правящего рода Самарканда из надписей в росписях Афрасиаба // Самарқанд шаҳрининг умумбашарий мадания тараққиёт тарихида тутган ўрни. Самарқанд шаҳрининг 2750 йиллик юбилейига бағишланган халқаро илмий семпозиум материаллари. – Тошкент–Самарқанд: Фан, 2007. – С. 216-220.

¹⁴⁸ Bombaci A. On the Ancient Turkish title *šad* ... – P. 181.

¹⁴⁹ Frye R. Some Early Iranian Titles // *Oriens*, London. – 1962. – Vol.15. – P. 356.

¹⁵⁰ Frye R. Some Early Iranian Titles. – P. 356-357; Golden P.B. *Nazar çalışmaları*. – S. 218; Gedikli Y. *Hun türkçesi üzerine araştırma*... – S. 57.

они продолжали использовать титул *qayan*¹⁵¹. Подобно этому некоторые из Сасанидов наряду со своим высшим титулом *шаханшах*, величали себя также и греческим титулом императоров Византии *базилеус*¹⁵². Здесь вполне уместен вопрос, имелись ли подобные случаи и в Тюркском каганате? Как известно, начиная с начала VII века, политическое и военное превосходство Тюркского каганата над своим соперником Сасанидским Ираном, позволило ему вмешиваться даже в его дела, связанные с престолонаследием. Но при этом, сведений о заимствовании каганатом титула *шаханшах*, или других высших титулов из политической номенклатуры Сасанидов, не имеется. Хотя известно употребление титула *шах* в некоторых оазисных владениях, относящихся к восточноиранским этносам, даже во время их вхождения в состав Тюркского каганата в качестве вассалов. Но это не относилось непосредственно к центральному управлению каганата. Так, титулы *хутталянишах* и *термезшах*, которые имели правители таких вассальных от Тохаристанских ябгу владений, как Хутгаль и Термез, по-видимому, не считались Тюркским каганатом высокими титулами.

Как отмечалось выше, титулы *šad* и *yabγu* считаются по происхождению иранскими. Но для того, чтобы считать их таковыми, первым делом следует рассмотреть то, в какой этнополитической среде они могли быть заимствованы древними тюрками. При этом, особое внимание следует обратить на то, имелись ли данные титулы в данной или близкой к ней фонетической форме в таких владениях, как Согд и Тохаристан, большинство правителей и сановников которых составляли представители восточноиранских этносов, накануне их завоевания Тюркским каганатом. Имеющиеся на сегодня сведения показывают, что в эпоху до Тюркского каганата титул *yabγu* использовался только правителями эфталитов и не был характерным для вышеупомянутых владений. На территории Средней Азии до эфталитов данный титул употреблялся только

¹⁵¹ Таскин В.С. Опыт дешифровки киданьской письменности // Народы Азии и Африки. – М., 1963. – №1. С. 132; Дутураева Д.Ш. Центральная Азия в период правления Каракитаев (вторая четверть XII – начало XIII вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ташкент, 2010. – С. 22.

¹⁵² Frye R. Note on the Early Sassanian State and Church // Studi Orientalistici in Onore di Giorgio Levi Della Vida. Vol.I. – Roma, 1956. – P. 328-329.

первыми правителями Кушанского государства, пока ими не был принят иранский титул *шаханшах* (*𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰏𐰤*)¹⁵³. При этом, титул *yabyu* был характерным больше для таких политических объединений таких этносов, как юечжи, усунь, хуны (сюнну), чем для восточноиранской среды. Данные племенные союзы господствовали в Семиречье, Восточном Туркестане (в основном Джунгария), Алтае и Западной Монголии, т.е. на территории, где в дальнейшем сформировался Тюркский каганат. В свою очередь это говорит о том, что происхождение титула *yabyu* следует искать в этнополитической среде упомянутых племен. Хотя большинство исследователей единогласны в том, что титул *šad* заимствован из восточноиранской (в частности, согдийской) среды, где оно имело форму *(i)xšēd* (*>xšēt/xšāt*), однако вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах он появился в управлении каганата, остается до сих пор открытым. Особенно в этом отношении представляет интерес вопрос о том, каким образом титул *ихшид*, являвшийся самым высшим в согдийских оазисных государствах, был заимствован древними тюрками в форме *šad* и занял в иерархии титулов Тюркского каганата место выше титула *tegin*, но ниже *yabyu*. В китайских хрониках отмечается, что *šad* являлся титулом царевичей - *tegin*ов, имеющих свое войско и отправленных управлять какой-либо областью. Как известно, Тюркский каганат “присваивал титул *eltäbär*” своим вассалам и “вознаграждал” им также согдийских правителей. Если исходить из того, что титул *eltäbär* занимал в иерархии каганата место после титулов *yabyu* и *tegin*, то каким образом самый высший титул согдийцев *ихшид*, заимствованный в форме *šad*, смог занять место выше *tegin*ов, т.е. царевичей. Это факт дает основание сделать вывод о том, что корни этого заимствования следует искать не в согдийских оазисных государствах эпохи Тюркского каганата, а в государственных объединениях более раннего времени.

В определении происхождения некоторых древнетюркских титулов одним из критериев может являться и то, в какой форме передан его эквивалент в

¹⁵³ Bregel Y. An historical atlas of Central Asia. – Brill-Leiden-Boston, 2003. – P. 12.

источниках на других языках. Так, А. Бомбачи отмечает наличие в одном из уйгурских манихейских текстов в связи с правителем города Варуджан, расположенного в Тохаристане, выражения *γvza wruz-an elig šad baliqda ärti* “...правитель Варуджана шад был в городе”, параллель которого можно найти в одном из текстов на пехлеви в форме *hbz' wrwc'n š[’h w’xt]* “...шах Варуджана сказал”. Исследователь пишет, что это является свидетельством об использовании уйгурскими писцами в качестве эквивалента иранского титула *š’h* (*šāh*) тюркского *šad*¹⁵⁴. Х.И. Эркоч, поддерживая мнение А. Бомбачи, отмечает, что пехлевиийские тексты, из которых приведена параллель, древнее уйгурских и они распространялись среди уйгуров манихейскими проповедниками из Ирана, по этой причине уйгуры-манихеи, выражая в своем языке титул *šāh*, неспроста в качестве его эквивалента выбрали титул *šad*¹⁵⁵. Значит, в Уйгурском каганате, продолжавшем традиции государственности Тюркского каганата, писцы выбрали такой эквивалент по причине своей осведомленности о соответствии тюркского титула *šad* иранскому *šāh*.

Субъективность некоторых мнений по поводу заимствованных титулов можно увидеть и на примере военного титула *čabiš*. Японский исследователь Ю. Ёшида, исследовавший происхождение титула *čabiš*, пишет, что он не так часто употребляется в древнетюркских рунических памятниках и приводит одиннадцать примеров его упоминания в китайских хрониках. Исследователь, отметив, что девять из них относятся к западной части Центральной Азии или территориям, находящимся в подчинении Западно-Тюркского каганата, считает этот титул нетюркским¹⁵⁶. Однако, пятеро чиновников из приведенных исследователем примеров, непосредственно относятся к древним тюркам (Тюркский, Уйгурский каганаты и карлуки), четверо к таким владениям, как Чач, Шуман

¹⁵⁴ Bombaci A. On the Ancient Turkish title *šad* ... – P. 170-171.

¹⁵⁵ Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı... – S. 122.

¹⁵⁶ Yoshida Y. Some Reflektions about the Origin of *čamuk** // Papers on the Pre-Islamic Documents and Others Materials Unearthed from Central Asia. –Kyoto, 2004. – P. 131-132.

(Тохаристан) и Гандхара, где правили династии, происхождение которых было связано с каганатом. В этих владениях в тот период правили следующие тюркские династии – в Чаче династия Тегинов, в Шумане тюрки *хи-су/цзе-су* (解蘇; **oγuz?*), в Гандхаре и Кабуле Тегин-шахи, из которых Тегины Чача и Тегин-шахи Кабула происходили непосредственно из дома Ашина. Один из оставшихся двух - *Ань Цзя-би-ши* (安車鼻施), если исходит из его фамилии Ань, являлся бухарцем, но упомянут в связи со столицей Западно-Тюркского каганата Суябом, второй же – в качестве чиновника, связанного с Йинь-чжоу (Яркенд). Таким образом, заключение Ю. Ёшиды о том, что “слово *čabiš* мало встречается в древнетюркских стелах и больше присущ к нетюркской среде”, высказанно без глубокого анализа исторической реалий того времени. Кроме того, следует отметить, что титул *čabiš* часто упоминается как в древнетюркских стелах, так и в китайских хрониках в качестве титула ряда чиновников каганата¹⁵⁷. При этом немаловажен и такой факт, что термин *čabiš* является исконно тюркским словом в значении “военный командир” и происходит от общеалтайского корня **č’abu* – ‘армия, война’¹⁵⁸.

Остановившись на титулах Тюркского каганата, «заимствованных из китайского языка», следует отметить, что ряд исследователей пытались интерпретировать на китайской основе десятки древнетюркских титулов¹⁵⁹. В частности, с китайским языком связывалась этимология титулов *qayan*, *yabγu*, *tegin*, *tutuq*, *tudun* и *tarqan*, некоторых из которых имелись в иерархии ряда династий Китая (напр. *tutuq*, *tudun*?¹⁶⁰). Следует отметить, что правящие династии, происходившие из среды кочевников Центральной Азии и династии Китая, по своей идеологии и образу жизни резко отличались друг от друга

¹⁵⁷ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 133; Yoshida Y. Some Reflektions about the Origin of *čamuk*... – P. 131.

¹⁵⁸ Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. – Brill-Leiden-Boston, 2003. – P. 406-407 (далее EDAL).

¹⁵⁹ См. Баскаков Н.А. Тюркская лексика ... – С. 40 – 42.

¹⁶⁰ Ряд исследователей считают эти титулы тюркскими и производными от глагола *tut-* “держат, владеть”. См. СИГТЯ: Пратюркский язык основа. – С. 495; Немет Ю. К вопросу об аvaraх // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л.: Наука, 1976. – С. 300.

и по возможности старались не включать в свою систему управления традиции противоположной стороны. Кроме того, почему в китайских хрониках, в которых с мелкими подробностями зафиксированы сведения, относящиеся к политической жизни какого-либо племени или политического объединения, при упоминании десятков титулов каганата, не встречаются пояснения такого рода, как “этот титул был заимствован от ханьцев (китайцев) или “похож на такой-то китайский титул”. Между тем, когда в китайских хрониках речь идет об относительно слабых племенах и политических объединениях, с еще не сложившейся окончательно государственностью, мы можем стать свидетелями того, что в них приводится множество китайских титулов и званий¹⁶¹.

Г. Рамстедт, а за ним некоторые исследователи связывают титулы *tutuq* и *tudun* с китайским *ду-ду* (都督; др.-кит. *tuo-tuok*) в значении “военный губернатор, наместник; генерал”¹⁶². Относительно этого Г. Дёрфер отметил, что трудно представить тюркский титул *tudun* заимствованием из китайского *ду-ду*, как предлагал Г. Рамстедт, и скорее всего, он как все титулы, оканчивающиеся на *-n* (*tegin*, *tarḡan*, *ḡa’an*, *ḡa’atun*) является наследием Жуань-жуаней (Авар)¹⁶³. Как отмечается в китайских хрониках, обладатель титула *tudun* являлся представителем Тюркского каганата в его вассальных оазисных владениях, в функции которого входили надзор за местными правителями и сбор налогов. Этот факт указывает на то, что между функциями, выполняемыми *tudun*ом и китайским чиновником *ду-ду* имелись коренные отличия. Кроме того, наличие данного титула в форме *turun*, обладатель которого выполнял функции, идентичные вышеупомянутым¹⁶⁴, в т.н. *огурской* (булгарской) группе тюркских языков, выделившейся самой первой из общетюркского языка, требует более глубокого подхода в вопросе о его происхождении. Титул *tutuq*, скорее всего, является китайским заимствованием, так как он имеет, как функциональное, так и

¹⁶¹ См. Е Лун-ли. История Государства Киданей. (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введение, коммент. и прил. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1979. – С. 333.

¹⁶² Баскаков Н.А. Тюркская лексика ... – С. 42.

¹⁶³ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. III. – S. 210.

¹⁶⁴ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. III. – S. 208-209.

близкое фонетическое сходство с титулом *ду-ду* (都督; др.-кит. *tuō-tuok*)¹⁶⁵. Но не исключено, что мы имеем здесь контаминацию двух фонетически и функционально схожих титулов, имеющих различное происхождение.

Итак, обратимся к аргументам, которые непосредственно связаны с вопросом о степени влияния традиций, присущих административной системе Китая на Тюркский каганат. В частности, А.Г. Малявкин отмечает, что, несмотря на близкие отношения Китая и Турфанского Уйгурского государства, им было заимствовано очень мало китайских административных терминов, и как пример приводит мнение И. Эчедь о заимствовании древними тюрками от китайцев только четырех титулов – *tutuq*, *čigši*, *saḡun*, *qunčuy*¹⁶⁶. В свою очередь В.В. Трепавлов относительно взаимовлияния китайских и тюркских традиций государственности пишет следующее: «Многие историки полагают, что взгляды хуннов, тюрков и монголов на связь кагана с Небом заимствованы из китайских доктрин «Сына Неба», «небесного мандата» и т.д., причем это представляется им настолько очевидным, что они не приводят каких-либо аргументов, подтверждающих их мнение. Утверждения О. Латтимора и К. Ширатори о калькировании формулы «*тянь-цзы хуанди*» (天子皇帝; «Сын неба император») хуннскими (сюннскими) *шань-юями* (單于) требуют исторического объяснения. Но какое может быть объяснение, если держава хунну возникла всего лишь на 18 лет позже первой китайской империи Цинь, где было установлено звание «Сына Неба властителя-императора»? Этот срок для мощного идеологического воздействия слишком мал. К тому же расширение шаньюева титула по подсказке китайца-мигранта происходило за счет использования персонажей «варварского» пантеона, а не харизматических абстракций, применявшихся в Поднебесной»¹⁶⁷. При этом, исследователь отмечает, что различие между китайскими и степными государями четко

¹⁶⁵ Ecsedy H. Old Turkic titles of Chinese origin // Acta Orientalia Hungarica. – Budapest, 1965. –Т. XVIII. – Р. 84-85.

¹⁶⁶ Малявкин А.Г. История Восточного Туркестана... – С. 343.

¹⁶⁷ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. – С. 71.

осознавали и та и другая стороны, и приводит в качестве примера этого тот факт, что в 30-х гг. VII в. танский император отверг предложенный вассалами вакантный после падения первого Восточно-тюркского каганата каганский трон, подчеркнув: «Я являюсь Великим Танским Сыном Неба, кроме того, не веду дел кагана»¹⁶⁸. По утверждению В.В. Трепавлова, подобные настроения царили и к северу от Великой стены, так как порядки, нравы и идеология императорского двора вызывали у лидеров туцзюэ (тюрков) стойкую неприязнь. Тюркские предводители опасались дестабилизирующего влияния китайской культуры на их подданных¹⁶⁹.

Присоединяясь к вышеупомянутым высказываниям В.В. Трепавлова, однако, следует отметить следующий факт, указывающий на то, что иногда бывали и исключения из правил. Так, в 630-х гг. после ликвидации Восточно-Тюркского каганата китайские генералы предложили Танскому императору Тай-цзуну (626-649) принять титул *тянь ке-хань* (天可汗; “Тенгри/Небесный каган”). Тай-цзун принял это предложение, так как принятие этого титула могло дать возможность признания тюрками китайского императора в качестве своего правителя. Это событие вызвало недовольство среди части чиновников, на что Тай-цзун ответил им следующее: “С древних времен императоры почитались китайцами, но со стороны кочевников было наоборот. Только я их рассматриваю как равных. Это приведет к тому, что они меня будут почитать как отца”¹⁷⁰. Как видно из этого, принятие китайским императором тюркских традиций не нашло полного одобрения в императорском дворе. По-видимому, одной из причин принятия Тай-цзуном тюркского титула “Небесный каган”, являлось то, что происхождение династии Тан, представителем

¹⁶⁸ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. – С. 71-72.

¹⁶⁹ Малов С.Э. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 34; Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. – С. 72.

¹⁷⁰ Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı... – S. 25-26.

которой он являлся, было связано с кочевой средой, а именно с племенем *сяньби*¹⁷¹.

В поддержку вышеупомянутого мнения В.В. Трепавлова следует привести и тот факт, что в древнетюркских стелах принятие тюркской знатью китайских имен и титулов рассматривалось в качестве фактора, разрушающего устои тюркского государства и общества. Это нашло свое отражение в следующих словах Туңьюкука: “*Türk bāglār türk atin itti. Tabıaçqı bāglār, Tabıaç atin tutıpan, Tabıaç qayanqa körmış*” - “Тюркские беки сложили (с себя) свои тюркские имена (т.е. звания и титулы) и (тюркские) беки (находящиеся) на услужении у Табгачей (Китая), приняв табгачские (китайские) титулы, подчинились кагану Табгачей (Китая)”¹⁷². Кроме того, в китайских хрониках нашла свое отражение полемика, суть которой заключается в том, что *Мо-гу-лян* (默棘連; *Bilgä qayan*; 716-734) намеревался обнести свою орду стеной и построить храмы Будде и Лао-цзы, но *Туңь-юй-гу* (曷欲谷; *Tuñuıııqıq*) воспротивившись этому, объясняет кагану, что принятие китайских обычаев тюрками не приведет к хорошим последствиям¹⁷³. Все эти сведения свидетельствуют о восприятии китайских обычаев в Тюркском каганате в качестве угрозы для его общества и власти.

Обзор состава титулов, использовавшихся китайскими династиями, существовавших в одно и то же время с Тюркским каганатом, показывает, что они в своем большинстве отличались от титулов каганата. Так, из китайского произведения «Цидань го чжи» («История государства киданей») известно, что такие древнетюркские титулы, как *erkin* (кит. *и-ли-цзинь*; 夷离巾), *tegin* (кит. *ти-инь*, 踢隱) соответствуют китайским титулам *цы-ши* (刺史), *цзун-чжэн-сы* (宗正寺)¹⁷⁴, а функции китайских титулов *тун пин-чжанши* (同平章事), *ду-чжи бин-ма-ши* (度支兵馬使),

¹⁷¹ Beckwith C.I. Aspects of the Early History of the Central Asian Guard corpus of Islam // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – Wiesbaden, 1984. – Tom IV. – P. 33.

¹⁷² Малов С.Э. Памятники древнетюркской письменности. – С.37; Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 103.

¹⁷³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 274.

¹⁷⁴ Е Лун-ли. История Государства Киданей. – С. 41, 314, 346, 514.

чжан-шу-цзи (掌書記)¹⁷⁵, примерно соответствовали функциям титулов *аууцї, сїбашї, битикї*. Хотя мы и имеем функциональное сходство между ними, но они не имеют сходства в фонетической форме. Несмотря на это, наличие в системе управления Тюркского каганата, хотя и в малом количестве, китайских титулов, позволяет говорить о наличии определенного влияния в этой сфере. Как отмечалось выше, правители каганата всеми способами противились влиянию враждебных им китайских традиций. Однако, все равно имелось определенное влияние, которое вполне могло быть косвенным. Т.е., хотя правители данных государств, исходя из своей идеологии, старались не заимствовать чуждые традиции государственности, но они не могли не подвергнуться взаимному влиянию и это находит свое подтверждение на примере четырех упомянутых выше титулов. Следует отметить, что они были заимствованы также не без основания. Так, вполне возможно, что заимствование титула *tutuq* произошло после того, как в 630-х гг. Восточно-Тюркский каганат попал под власть Танской империи, или же после поражения каганата *Се-яньто* в 647 году, когда на территории подвластной Китаю начали образовываться наместничества *ду-ду* (都督; *tuо-tuok*), т.е. произошло районирование всей Степи на танский лад и присвоение предводителям значимых племен или их родственным групп данного титула-должности¹⁷⁶. Подобно этому, заимствование в военное управление Тюркского каганата в форме *саун* китайского титула *цзян-цзюнь* (將軍), имеющего значение “полководец, военачальник”, также имело свои определенные причины. Несомненно, что каганат признавал способности и отвагу китайских военных, в особенности, полководцев. Вполне естественно, что китайский титул *гун-чжу* (公主; др.-тюрк. *qunĉiu*), означавший “принцесса; дама, относящаяся к дворцу”, занял место среди древнетюркских терминов. Как известно, многие из каганов стремились получить в супруги китайских царевен, которые составляли значительное число среди придворных дам Тюркского каганата. Это позволяет говорить о том, что этот термин был усвоен в его систему титулов при посредстве китайских царевен.

¹⁷⁵ Е Лун-ли. История Государства Киданей. – С. 354-356.

¹⁷⁶ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки... – С. 131.

В качестве примеров употребления заимствованных из Китая терминов, можно привести термины *tay* и *saḡun/seyün*, из которых первый является эпитетом, а второй – титулом, которые во многих случаях употребляются вместе в качестве титула с эпитетом. Например, зафиксированные в древнетюркских стелах титулы *altun tay-seyün* (стела Багатура Чигши), *bilgä tay saḡun-tutuq* и *az aṣpa tay-saḡun* (Терхинская стела), упомянутый в сочинении “Махрнамаг” титул *tay saḡun*¹⁷⁷. Подобное можно наблюдать также на примере титула *oṅ-tutuq*, также состоящего из заимствованных из китайского языка эпитета и титула. Считается, что эпитет *oṅ* происходит от слова *wang* (王) – “правитель, князь”, а *tutuq* от титула *ду-ду* (都督), имевшего значение “военный губернатор”. Кроме того, в одной из тюркских стел упоминается титул *bilgä tay saḡun-tutuq*¹⁷⁸, состоящий из тюркского эпитета трех китайских заимствований.

Известно, что в Китае с древности военные и чиновники администрации традиционно поощрялись путем присвоения различных почетных титулов и званий. Как известно из китайских хроник, например, исходя из личных качеств или заслуг чиновника, ему могли присваиваться такие почетные титулы, как *сянь* (賢) “мудрый, умный”, *чжун* (忠) “преданный”¹⁷⁹ и т.п. Возможно, данная традиция могла косвенно повлиять на появление в Тюркском каганате различных эпитетов, общее число которых превышало свыше пятидесяти.

Следует отметить, что ряд титулов, употреблявшихся в Тюркском каганате, схожи с титулами предшествующих ему государственных объединений, как государства Жуань-жуаней и Эфталитов. В связи с этим перед исследователями предстают следующие вопросы: Соответствовала ли иерархия титулов данных государственных объединений иерархии Тюркского каганата, или же он создал иерархию в соответствии со своими

¹⁷⁷ Durkin-Meisterernst D. Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian (= Corpus Fontium Manichaeorum, Dictionary of Manichean Texts, Vol. III: Texts from Central Asia and China, Pt. 1). – Turnhout, Belgium, Brepols, 2004. – P. 213.

¹⁷⁸ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 138.

¹⁷⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том II. – С. 314; Eski T'ang tarihi. – S. 198.

традициями? Создана ли система крыльев с титулатурой, присущей их главам, каганатом или же она является заимствованной? Как известно из письменных источников, глава восточного крыла Тюркского каганата имел титул *qayan*, а западного *yabγu*, главы же правого и левого малых крыльев имели титулы *yabγu* и *šad* соответственно. Малочисленность сведений, касающихся данных вопросов, а также малоизученность системы титулов жуань-жуаней и эфталитов, не дают возможности сказать что-либо определенное по этому поводу. Несмотря на это, некоторые сведения указывают на то, что титулом верховного правителя жуань-жуаней был *qayan*, а эфталитов – *yabγu*. Так, в китайских хрониках правитель жуань-жуаней всегда упоминается под титулом *ке-хань (qayan)*, а бактрийском документе Дос. 110 из Тохаристана встречается выражение “эфталитский ябгу”¹⁸⁰. Содержание документа позволяет говорить, что титул *yabγu* являлся высшим титулом в государстве Эфталитов. По мнению некоторых исследователей, правящие династии обоих этих государств происходили из племени *авар*¹⁸¹. В свою очередь это позволяет выдвинуть предположение о том, что может быть данные политические объединения являлись одним государством, которое в соответствии с традициями государственности кочевых этносов Центральной Азии, состояло из двух частей (главных крыльев). Возможно, правители жуань-жуаней как представители центральной части на востоке имели титул *qayan*, а правители эфталитов, правившие в западных территориях, как представители составной и подчиненной (может быть и номинально) центральной власти части, имели титул *yabγu*. Подобное положение в точности соответствует устройству Тюркского каганата, также разделенного на две части – Восточное (центральное) и Западное (подчиненное) крылья, правители которых имели титулы *qayan*, *yabγu* или *yabγu-qayan*, соответственно. Интересен тот факт, что территория Восточно-Тюркского каганата почти совпадает с территорией государства Жуань-жуаней, а Западно-Тюркский каганат, в основном

¹⁸⁰ Sims-Williams N. From the Kushan-shahs to the Arabs. – P. 25,5.

¹⁸¹ Golden P.B. Türk Halkları tarihine Giriş. – S. 61, 88; Heršak E. Avarlar... – S. 641-657.

включал территории государства Эфталитов. Кроме этого, более глубокого изучения требует вопрос о том, в какой степени были присущи системе управления жуань-жуаней и эфталитов такие имперские титулы, как *šad* и *tegin*. Имеющиеся на сегодня сведения не дают возможности сделать окончательные выводы по этому поводу. Однако, наличие титула *tegin* у представителей правящей династии эфталитов, правивших в областях Северной Индии¹⁸², позволяет предположить, что в их системе управления имелся данный титул, использовавшийся по отношению к царевичам. Титул *šad* хотя и упоминается в качестве титула предводителей племени Ашина, когда оно входило в состав государства Жуань-жуаней, но этого недостаточно для высказывания окончательного мнения по поводу наличия у них данного титула.

Остановливаясь на вопросе об употреблении у жуань-жуаней и эфталитов титулов, использовавшихся в управлении крыльев Тюркского каганата, следует отметить, что мы не имеем достаточно сведений, позволяющих высказать какое-либо мнение по этому поводу. Кроме того, до сих пор малоизученным остается и вопрос о наличии системы крыльев в каждом из них. Так, В.В. Трепавлов в таблице, в которой рассмотрено наличие системы крыльев в политических объединениях кочевников Центральной Азии, упоминает каганат Жуань-жуаней как государство, разделенное подобно Тюркскому каганату на два крыла¹⁸³. При этом в данной таблице не упоминается государство Эфталитов, а это оставляет вопрос о наличии в нем крыльев открытым. В письменных источниках, известных нам на сегодня, имеется очень мало сведений, касающихся титулов эфталитов и поэтому трудно сказать что-либо определенное относительно их системы титулов и иерархии. Кроме того, хотя и известно наличие у жуань-жуаней титулов *eltäbär*, *erkin*, но почти не имеется сведений по поводу их употребления.

Следует отметить, что вопрос о том, каким именно образом в обоих вышеупомянутых государствах использовались другие титулы, кроме титулов имперского правительства, остается

¹⁸² Göhçe S. İlkçağda Hindistan'da Türk varlığı... – S. 19.

¹⁸³ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. – С. 137-138.

открытым для следующих исследований. При этом, по-видимому, система титулов ни у жуань-жуаней, ни у эфталитов не была такой всеохватывающей и имеющей завершённый вид как у Тюркского каганата. В отличие от них, в Тюркском каганате общее количество употребляемых титулов достигало около сорока. К тому же, в его системе управления имелись специальные титулы, использовавшиеся в управлении, как крыльев, так и вассалов. Это свидетельствует о том, что каганат, создавая свою систему управления, наряду с заимствованием некоторых титулов, предшествовавших ему государств, создал свою систему титулов, охватывающую все сферы управления.

Упомянутые выше примеры, связанные с заимствованными титулами и эпитетами, можно охарактеризовать как по большей мере предположительные. Причина этого заключается в том, что очень сложно сказать что-либо определенное по поводу того, при каких условиях, когда и где они были заимствованы древними тюрками. Правда, принадлежность их части к языку согдийцев, бактрийцев и подобных им этносов, долгие годы проживавших в составе Тюркского каганата, может явиться решающим фактором в решении данного вопроса. Однако, в то же время, проблему представляет вопрос о том, каким образом они были заимствованы представителями правящей верхушки Тюркского каганата. Т.е., точно неизвестно происходили ли эти заимствования с момента образования каганата, или же напротив, они происходили в результате этнополитических взаимосвязей уже после включения вышеупомянутых этносов в его состав. В частности, наличие в системе управления каганата титула *šad* и эпитета *išbara*, несомненно, являющихся заимствованиями, не только в первые годы после образования Тюркского каганата, но задолго до этого у племени Ашина, делает решение этих вопросов проблемным. При этом, уместно отметить мнение А. Бомбачи, который подвергнул сомнению сведения китайских хроник о том, что предки основателя Тюркского каганата Бумынь кагана *А-сянь* (阿賢) и *На-ду-лу* (訥都陸) имели титул *шэ* (設; **šad*), объясняя его поздней

выдумкой китайских авторов¹⁸⁴. Данное мнение, на наш взгляд, также заслуживает внимания.

Краткие выводы. Сведения письменных источников позволяют сделать заключение, что древнетюркская система титулов формировалась в течение столетий и ее источником являлись как чисто тюркские, так и заимствованные от соседних народов титулы. Начало этого процесса приходится на создание государственного объединения хунов, и он продолжался вплоть до образования Тюркского каганата, который, продолжая имевшие до него традиции государственности, развил их исходя из своих внутренних потребностей, и внес большой вклад их в дальнейшее совершенствование.

Большинство мнений исследователей относительно происхождения титулов и эпитетов, употреблявшихся в Тюркском каганате, можно охарактеризовать как по большей мере предположительные. Т.к. очень сложно сказать что-либо определенное по поводу того, при каких условиях, когда и где они были заимствованы древними тюрками. К тому же многие из них высказаны без глубокого анализа исторических реалий своего времени, основываясь лишь на сходстве фонетического облика титулов с терминами из других языков.

¹⁸⁴ Bombaci A. On the Ancient Turkish title *šad*... – P. 191; Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı... – S. 114.

ГЛАВА 3. ТИТУЛЫ В ТЮРКСКОМ КАГАНАТЕ

3.1. Система титулов

Классифицируя систему титулов Тюркского каганата, можно опираться на мнение Т. Барфилда, высказанное им относительно его системы управления. Несмотря на то, что исследователь, изучая историю Тюркского каганата, уделяет свое внимание в основном его восточной части, его мнения выделяются своей целостностью. Согласно Т. Барфилду, «империя (т.е. каганат – *А.К.*) была организована по образцу имперской конфедерации. Как и у сюнну, в ней имелись три основных уровня: 1) имперское правительство и чиновники двора, 2) имперские чиновники для управления племенами на всей территории империи и 3) наследственные племенные вожди, ведавшие вопросами местного самоуправления»¹⁸⁵.

Классифицируя на основании этого мнения систему титулов Тюркского каганата, с учетом особенностей титулатуры Западно-Тюркского каганата, получается следующая картина:

1. Центральное (имперское) правительство и титулы составляющих его чиновников двора, а также глав крыльев;

2. Титулы чиновников каганата, управляющих вассальными племенами и владениями, находящимися в составе Тюркского каганата;

3. Наследственные титулы глав вассальных племен и владений, отвечающих за местное самоуправление.

Согласно этой классификации, в первую группу можно включить следующие титулы членов правящей династии, составляющих центральную власть – *qaγan* “верховный правитель”, *qatun* “главная царица/правительница”, *qunčiu* “принцесса; женщины, принадлежащие к дворцу”, *yabγu* “заместитель кагана/глава Западного каганата”, *šad* “глава удела, принц”, *tegin* “принц” и титулы чиновников, осуществляющих совместно с ними центральное (дворцовое) управление – *auγuči* “главный министр, главный советник”, *buγruq* “министр”, *inanči* “смотритель, министр”, *boyla, ögä* “советник, член государственного совета”, *toγγun* “член

¹⁸⁵ Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай... – С.111.

государственного совета”, *ičreki* “чиновник, ответственный за внутренние дела дворца/придворный”, *bitikči* “писарь, глава канцелярии”, *tamyān* “хранитель печати, секретарь”, *yaryān* “следователь”, *čigši* “следователь (в какой-либо области)”, *sabči*, *elči*, *yalabač* “посол”, *beg* “бек, чиновник”, а также титулы, имеющие место в управлении крыльями – *kül-čor* “главный чор”, *kül-erkin* “главный *erkin*”, *šadapit* “военный чиновник в крыльях”¹⁸⁶. Их также можно считать “титулами, присущими центральному аппарату управления” или другими словами, титулами, использовавшимися в центре “государственного удела” и крыльях. Эту группу, как отмечалось выше, можно также назвать “титулами дворцовых чиновников”. Кроме того титулы *eltäbär* “наместник, глава крупного племени”, *tudun* “наместник для контроля”, *čor* “глава крупного племени”, *erkin* “глава небольшого племени”, *tarqan* “военный глава”, *tutuq* “военный наместник”, также являлись титулами членов (возможно, второстепенных чиновников) центрального управления. К этой группе следует относить также военные титулы *sübaši* “военачальник, полководец”, *čabiš* “смотритель войск”, *säñun/sañun* “генерал”, *apa-tarqan* “главный военачальник”, *biñabaši* “тысяцкий, начальник тысячного отряда”, *bešyüzbaši* “пятисотник”, *yüzbaši* “сотник” и другие титулы этой категории¹⁸⁷.

Вторую группу составляют титулы чиновников, которые управляли вассальными племенами и владениями, находящимися в составе Тюркского каганата, как *yabyu*, *šad*, *tegin*, *eltäbär*, *tudun*, *čor*, *erkin*, *tarqan*, *tutuq*. В свою очередь данную группу можно разделить на четыре подгруппы:

1) чиновники из представителей правящей династии, назначенные на управление с такими имперскими титулами, как *yabyu*, *šad* или *tegin*. Например, во главе управления таких вассальных владений Тюркского каганата, как Чач, Фергана, Тохаристан, Дехистан(?) и Кабулистан, непосредственно стояли представители династии Ашина;

¹⁸⁶ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 393; Donuk A. Eski türk devletlerinde... – S. 2-60; Дадабаев Х. Военная лексика... – С. 8-11; Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 129-142; Кормушин И.В. Тюркские енисейские ... – С. 297-307.

¹⁸⁷ User H.Ş. Köktürk ve Ötüken... – S. 254-258, 266.

2) правители вассальных владений, в которых продолжалась сохраняться власть прежних династий, стоявшие во главе управления и имевшие наряду с местными титулами и полученный от кагана титул *eltäbär*;

3) чиновники с титулом *tudun*, направленные каганатом для контроля вассалов;

4) чиновники с титулами *čor*, *erkin*, *tarqan*, *tutuq*, как известно, занимавшие низкие ступени в иерархии каганата. По этой причине, их обладатели занимали в местном управлении должности, занимавшие более низкое положение, чем местный правитель, что мы можем наблюдать на примере вассальных от Тюркского каганата оазисных владений.

Третью группу составляют наследственные титулы правителей вассальных от каганата племен и владений, ответственных за местное самоуправление. К таковым следует относить такие традиционные местные титулы, как *шах*, *ихшид*, *афшин*, *хутав*, *хув/хуву*, *ахурпат*, *хар* и др. Наряду с этим, имеются сведения, дающие возможность предполагать о наличии в этой группе титулов, присущих низшим ступеням иерархии каганата. Например, глава каждого из восьми родов *киданей* имел титул *erkin*. Но следует отметить, что не имеется точных данных о том, являлись ли главы родов *киданей* представителями каганата, или были выходцами из местной среды. Среди оазисных владений титул *erkin* имели правители таких владений Тохаристана, как Хутталь и Кумед. Однако принадлежность правителей этих владений к тюркским племенам вносит ясность в данный вопрос.

Хотя вышеупомянутая классификация в некотором отношении и имеет условный характер, но она составлена исходя из содержания сведений источников на различных языках и критерия того, какой из титулов где встречается больше. В отношении же имперских титулов мы опирались на сведения китайских хроник и древнетюркских рунических памятников, а также учитывали то обстоятельство, в связи с какими именно территориями они встречается. В частности, в доказательство этого можно привести тот факт, что титулы *qayan*, *yabyu*, *šad*, *tegin* встречаются только в связи членами правящей династии каганата и именно с центральной властью.

Кроме того, они употреблялись в основном в управлении оазисных владений (Чач, Тохаристан и др.) во главе которых стояли правители из династии Ашина. Вместе с тем такой факт, что титулы *buuruq*, *ögä*, *kül-čor*, *kül-erkin*, *šadapit*, *sübaši*, *sañun* и др., не встречаются в оазисных владениях, управляемых династией Ашина, а также среди титулов глав влиятельных кочевых племен¹⁸⁸, также может служить в качестве одного из критериев при классификации титулов.

Имеющиеся на сегодня сведения позволяют выявить в системе управления Тюркского каганата около 40 титулов и свыше 50 эпитетов, которые можно подразделить на следующие группы: 1) *официальные*: а) административные, б) военные; 2) *социальные*: а) религиозные, б) символические/почетные. Десятки титулов, как *yabyu*, *šad*, *tegin*, *eltäbär*, *tudun*, *tutuq*, *čor*, *tarqan*, *erkin*, *inanču*, *buuruq* и стоящие перед ними многочисленные эпитеты, как *apa*, *inäl*, *kül*, *tun* и другие, имеют официальный характер и в своем большинстве являются административными, только часть из них военные. Среди них такие титулы, как *tutuq*, *čor*, *tarqan*, *erkin*, имеющие больше военный характер, встречаются в источниках в качестве титулов чиновников Тюркского каганата, направленных для управления в вассальные племена и оазисные владения. Это позволяет считать их военно-административными титулами. Однако, следует учитывать, что в управлении “Он Ок” (“*On oq*”), являвшейся военно-административной структурой Западно-Тюркского каганата, главы составлявших его племен имели титулы *čor* и *erkin*.

¹⁸⁸ В период Тюркского каганата в связи с рядом тюркских племен также встречаются имперские титулы *qaγan*, *yabyu*, *šad*, *tegin*. Однако, это не было характерным для времени, когда данные племена входили в состав каганата. В древнетюркских рунических памятниках главы влиятельных племен обычно упоминаются под титулом *eltäbär*, а менее влиятельных и слабых племен и родов под титулом *erkin* (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 339-349; Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил... – Б. 110, 130). Наличие имперских титулов у тюркских племен является характерным периода, когда они, стремясь к независимости, создавали свои государства. Поэтому наличие в стелах фраз, как “каган Кыргызов”, “каган Огузов”, “мы убили Тюргешских ябгу, шада” (Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил... – Б. 72-77), следует интерпретировать исходя из этого обстоятельства.

В качестве примера социальных титулов, эпитетов религиозного и символического/почетного характера, можно привести такие термины, как **ev-qayan*, *yaryan*¹⁸⁹, *bögü*, *yelvi* и др. Возможно, в эту группу можно включить эпитеты *arслан*, *bars*, *böri*, *boyra*, *toqa*, образованные от названий сильных животных и эпитеты *alp*, *bayatur*, *bilgä*, *bögü*, *kül/külüg*, *sebik/sevüg* (*sebig/sevüg*), *qutlu* и др., связанные с храбростью и отвагой, а также другими человеческими достоинствами. Но отсутствие сведений, подтверждающих или наоборот опровергающих это, не позволяет говорить что-либо определенное по этому поводу. Не исключено, что эти эпитеты, как отмечалось выше, занимая место перед титулами, служили для обозначения разницы в их рангах. Уместно отметить, что термин *bilgä* “мудрый, мудрец”, употреблялся чаще, чем другие, и в основном употреблялся в качестве эпитета перед титулами чиновников, занимающих высокое положение. Так, обращает на себя внимание частое употребление этого эпитета с титулами членов правящей династии, например, *bilgä-qayan*, *bilgä-yabyu*, *bilgä-šad*, *bilgä-tegin*. Это факт позволяет предполагать, что в системе титулов каганата эпитет *bilgä* занимал высокое положение.

При анализе системы титулов каганата, следует учитывать отличие системы титулов политических объединений Центральной Азии от систем титулов, присущих государствам средневековой Европы, что особенно видно на примере Тюркского каганата. Большинство титулов, употреблявшихся в каганате, одновременно обозначали и название одной из должностей, и как будет рассмотрено ниже, это подтверждается рядом аргументов.

Как известно из всех источников, отражающих историю Тюркского каганата, во главе его стояла личность с титулом *qayan*. Как справедливо отметил К. Цукерман, “каган - кроме управления властью, принимал послов и возглавлял войско на полях битвы, выдавал

¹⁸⁹ *yaryan* - этот титул можно отождествить с упоминаемым в китайских хрониках титулом *йе-хан/же-хан*, функции которого заключались в выполнении обрядов связанных с жертвоприношением и осуществлении мероприятий против злых духов (см. Таşağıл А. Gök-Türkler I. – S. 115).

своих дочерей или сестер за иностранных правителей. *Каган* во время осуществления этих дел ни с кем не разделял вышеупомянутое право и во многих случаях это полномочие целиком удерживал в своих руках”¹⁹⁰. Вместе с тем, в китайских хрониках имеется ряд сведений о том, что *каган* разделял свою власть также с представителями правящей династии, имеющих титул *сяо ке-хань* (小可汗, досл. *малый каган*). Хотя подобных сведений в древнетюркских стелах мы не встречаем, однако ряд исследователей считают, что каганы иногда назначали своих братьев “малыми каганами”. Так, Г. Дёрфер считал, что древнетюркской формой титула “малый каган” был титул *kül-tegin*¹⁹¹. Исследователь, в другом месте своего произведения пишет, что Р. Жиро титул *inäl-qayan* переводит как “малый каган”. При этом он приводит у термина *inäl* значение “представитель, заместитель”, а сам титул интерпретирует как «заместитель кагана»¹⁹². В связи с этим может возникнуть вопрос о том, кто считался в Тюркском каганате «заместителем, наследником» верховного правителя *inäl-qayan* или *kül-tegin*. И. Тоган, проанализировав упомянутые выше мнения, интерпретирует титул *inäl-qayan* как “наместник правителя, наместник кагана”, т.е. “каган-наместник”¹⁹³. Система “малых каганов”, возможно, была выработана с целью облегчения управления расширившейся территорией каганата. Кроме того, не исключается возможность того, что она была учреждена с целью предотвращения определенных противоречий и борьбы за власть между братьями и младшими родственниками кагана.

В китайских хрониках отмечается, что восточно-тюркский каган Бёгю-чор Капган объявил своего младшего сына *Фу-ку*

¹⁹⁰ Zuckerman C. Hazarlarda İkilli Yönetiminin Kökeni ve Yahudiliğe Geçiş Şartları // *Türkler*, 2. cilt. – Ankara: YeniTürkiye Yayınları, 2002. – S. 483.

¹⁹¹ Doerfer G. *Türkische und mongolische...* Bd. III. – S. 323.

¹⁹² Doerfer G. *Türkische und mongolische...* Bd. IV. – S. 193; *Eski T’ang tarihi*. – S. 256.

¹⁹³ *Eski T’ang tarihi*. – S. 256.

(匐俱; **Veg-qul?*) “малым каган”ом (小可汗; *сяо ке-хань*)¹⁹⁴. Однако, отсутствие подобных сведений в других источниках, кроме непосредственно отражающих историю каганата древнетюркских памятников и китайских хроник, ставит перед исследователями необходимость по другому подходить к этому вопросу. Возможно, в системе управления Тюркского каганата имелся термин в значении “малый каган”, но не именно в форме **kičig qaγan*, а в другой, близкой к нему по смыслу. Этот термин, по-видимому, образовывался присоединением к титулу *qaγan* какого-либо эпитета или титула, занимающего в иерархии ступени ниже его (напр. *yabyu-qaγan*, *inäl-qaγan*)¹⁹⁵.

Вместе с тем, имеются исследователи, считающие, что в системе управления каганата, наряду с титулом “малый каган”, имелся также титул «великий каган» (**uluγ qaγan*). В доказательство этого они приводят следующее сведение китайских хроник: “После поражения *Эль-кагана*, все племена и рода северных степей вместе решили избрать его (т.е. *чабыша*) *да ке-ханем/великим каганом* (大可汗)”. Однако, отсутствие в древнетюркских памятниках выражений как “великий каган”, так и “малый каган”, а также употребление во всех случаях термина *qaγan* в значении верховный правитель государства, позволяют говорить о дискуссионности подобных мнений¹⁹⁶.

Как отмечалось выше, сведения об иерархии титулов каганата, согласно которым за титулом *qaγan* по порядку шли титулы *yabyu*, *šad* и *tegin*, встречаются почти во всех источниках на различных языках. По свидетельству китайских хроник, эти три титула принадлежали только представителям правящей династии Ашина, а все остальные титулы присваивались чиновникам, не происходящим из нее. В качестве подтверждения этого мнения можно привести следующее сведение китайского сочинения «Тун дянь», связанное с Западно-Тюркским каганатом:

“Его (их) титулы *ше-ху* (業護; **yabyu*), *шэ* (設; **šad*), *тэ-лэ* (特勒; **tegin*). Они в основном бывают сыновьями, братьями кагана и из членов этого дома. А также, имеются

¹⁹⁴ Liu Mau-Tsai. Çin kaynaklarına göre Doğu Türkleri. – S. 226.

¹⁹⁵ Титулы с эпитетами подробно рассматриваются немного ниже.

¹⁹⁶ Eski T’ang tarihi. – S. 205.

должности *и-цзин* (乙斤; **erkin*), *цюй-люй-чжо* (闕律啜; **kül-čor/külüg-čor*), *йень-хун-да* (閻洪達; *...?), *сы-ли-фа* (俟利發; **eltäbär*), *ту-тунь* (吐屯; **tudun*), *сы-цзинь* (俟斤; **erkin*)¹⁹⁷ и другие, на которые могут быть назначены все”¹⁹⁸.

Как видно из этого сведения, право на получение всех титулов, кроме имперских, имели все чиновники, не принадлежащие к правящему дому каганата. Но в то же время члены правящей династии могли обладать другими титулами, занимающими в иерархии положение ниже имперских. Свидетельством этого является упоминание представителей дома Ашина с такими титулами, как *eltäbär*, *tudun*, *erkin*, *čor* и др. Так, в хронике “Цзю Тан шу” имеется сведение о том, что “младший брат (*Шу-бу* кагана; 始畢可汗) *сы-ли-фа шэ* (俟利弗設; **eltäbär-šad*) взошел на трон под именем *Чу-ло* (處羅; **Čura*) каган. Также известно о наличии титула *čor* у Бёгю-чор Капган кагана, перед тем, как он стал *каганом*¹⁹⁹. Однако следует отметить, что все эти примеры касаются только Восточно-Тюркского каганата.

В хронике “Цзю Тан шу” титулы Тюркского каганата приводятся в порядке практически идентичном с вышеупомянутым. Но при этом, в отличие от «Тун дянью» в ней имеется следующее примечание:

“(Чиновники, занимающие официальные, административные должности государства)... на эту (свою) должность также могли быть назначены уполномоченными. Только (должностей, полномочно осуществляемых одним человеком) могло быть также больше одной. Если умирал кто-нибудь (из таких уполномоченных), один из сыновей или младших братьев (умершего) занимал его место”²⁰⁰.

¹⁹⁷ Автор произведения, по-видимому, ошибочно принял две китайские транскрипции, использовавшиеся для передачи древнетюркского титула *erkin*, соответственно *и-цзин* (乙斤) и *сы-цзинь* (俟斤; **erkin*) в качестве двух самостоятельных титулов, что нашло свое отражение в данном сведении.

¹⁹⁸ Taşağıl A. Gök-Türkler I. – S. 107.

¹⁹⁹ Eski T’ang tarihi. – S. 224-226; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 246, 268.

²⁰⁰ Eski T’ang tarihi. – S. 80.

Это сведение, дающее определенное представление о порядке занятия должности чиновниками и ее переходе от одной личности к другой, позволяет говорить о том, что должности в Тюркском каганате были наследственными, а после смерти какого-либо должностного лица его полномочия (титул и должность) переходили к его сыну или младшему брату.

Титулы *yabyu*, *šad*, *tegin*, *tudun*, *tutuq*, *tarqan* и др., в качестве названия определенной должности, определяли положение чиновника в системе управления. Так, термины *šad*, *tegin*, имея значение “принц, царевич”, по своей сущности были титулами царевичей – младших братьев, сыновей и племянников кагана. Царевичи, обладавшие этими титулами, участвовали в центральном управлении или находились во главе одной из административных единиц. Это подтверждается сведением о назначении представителей Тюркского каганата с титулом *šad* во главу управления племенных союзов *Ну-ши-би* (弩失畢) и *Ду-лу* (咄陸), составлявших военно-административную систему “*On Oq*”. Об этом говорит и тот факт, что во главе некоторых оазисных владений стояли представители каганата с титулом *tegin*. Например, в Чаче (иногда *šad*), Тохаристане (потом *šad*, затем *yabyu*) и Кабулистане.

В источниках царевичи из дома Ашина упоминаются с различными эпитетами и парными титулами, *šad*, **tegin-šad*, *kül-tegin*, **inäl-tegin*, *toŋa-tegin*, *el-tegin*, **čabiš-tegin*. В свою очередь это, свидетельствует о том, что хотя все царевичи назывались общим термином *tegin*, но для определения их положения в управлении и обозначения разницы в их рангах имелись специальные титулы. При этом, титулы *inäl-tegin* и *kül-tegin* употреблялись по отношению к царевичам наследникам престола. Определенное представление о разнице в рангах царевичей позволяет получить следующее сведение китайских хроник:

“*Сы-мо* (思摩; **Sür-bögü*) был дальним родственником *Сйе-ли кеханя* (頡利可汗; **El-qayan*). Отец его именовался *Ду-лу* (咄陸) *шэ* (設; *šad*). Еще когда *Ки-минь* (啟民) бежал к Дому Суй, то поколения, оставшиеся по северную сторону Великой песчаной степи, поставили *Сы-мо* каганом; а по возвращении *Ки-миня* в свои владения *Сы-мо* сложил с себя каганское

достоинство. От природы [он] был остр, искусно гадал. *Ши-би* (始畢) и *Чу-ло* (處羅; **Čura*) [каганы] оба любили его. Но так как он лицом походил на *Ху* (согдийца), то подозревали, что он не из рода Ашины: по сей причине [он] был только *цзя-би*²⁰¹ *те-ле* (車鼻特勒; **čabiš-tegin*), а не смог получить чин командующего армией *шэ* (設; *šad*)²⁰².

Как видно из этого отрывка и рассмотренного выше материала, термин *tegin* являлся титулом и присоединение к нему определенного титула или эпитета служило для возвышения положения царевича в управлении, а также приобретения им определенного ранга. При этом, царевичи с титулами *inäl-tegin* или *kül-tegin*, являясь наследниками престола, занимали более высокое положение, чем члены правящей династии, обладавшие титулами *yabu* или *šad*, которые занимали в иерархии ступени выше титула *tegin*. Уместно отметить, что царевичи *тегины* составляли большинство среди членов династии Ашина. Одной из их основных функций было возглавление войска во время битвы. Вместе с тем, в источниках имеются сведения о том, что в большинстве случаев посольства, отправлявшиеся Тюркским каганатом в Китай, возглавлялись личностями с титулом *tegin*²⁰³. Это позволяет считать, что одной из их функций также было установление внешнеполитических связей государства.

По мнению ряда исследователей, царевичи с титулом *šad*, хотя и занимали более высокое положение, чем царевичи с титулом *tegin*, но при этом они не являлись наследниками престола. Однако, на дискусионность этого мнения указывает

²⁰¹ *Čabiš* - этот титул зафиксирован в древнетюркских стелах в форме *č^abⁱš* (Tekin T. Orhon yazıtları... S. 82), в согдийском документе А-14 в форме *ср'уш* (СДГМ, 2.- С. 78). Слово *ch'e-pi*, встречаемое в китайских источниках вместе с именами и титулами ряда чиновников каганата, Х. Эчеди восстанавливает как *ch'e-pi [shih]* и считает, что его древнетюркской формой было *čäbiš* (Eski T'ang tarihi. - S. 204). В китайских хрониках данный титул передается как *ch'e-pi* (車鼻), *chia-pi* (夾畢) и в переводах на различные языки он также передан в различных формах.

²⁰² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. - С. 260; Taşağıl A. Gök-Türkler II. - Ankara: TTK Basımevi, 1999. - S. 27, 88.

²⁰³ Среди таких глав посольств, следует назвать имена таких царевичей как *Кан-шао-ли тегин* (617 г.), *Кутлуг тегин* (618 г.), *Ян-во-чэси тегин* (710 г.) и др. (Taşağıl A. Gök-Türkler I. - S. 67-68; Eski T'ang tarihi. - S. 278).

такой факт, что на трон в Восточно-Тюркском каганате в большинстве случаев восходили царевичи с титулом *šad*. Ряд правителей второго этапа этого каганата, т.е. II-Восточно-Тюркского каганата, также имели его в качестве предтронного титула. Например, Эльтериш каган - *qutluγ-šad*, Капган Бёгю-чор - *bögü-šad*, Бильге каган (*Мо-гу-лян*) - *bilgä-šad* или “малый *šad*”²⁰⁴. Подобное положение было характерно и для Западно-Тюркского каганата, в котором некоторые правители также имели титул *šad* перед восшествием на престол. Так, в китайских хрониках зафиксировано, что западно-тюркский правитель *Ше-гуй* (611-618), прежде чем сесть на трон, возглавлял с титулом *шэ* (*šad*) одну из западных территорий Каганата²⁰⁵. Некоторые сведения, позволяют считать, что в Тюркском каганате *шады* в основном являлись царевичами, отправленными для управления племенным союзом или владением со своим независимым управлением и поэтому, они иногда приобретали возможность стать высшим правителем – *каганом*. Это, скорее всего, объясняется получением царевичами в качестве удела (улус) отдельных частей территории каганата, что нашло свое подтверждение и в китайских источниках, где *šad* трактуется как титул царевичей, отправленных управлять какой-либо областью и имеющих свое войско²⁰⁶. Вместе с тем, они являлись ответственными за управление над крыльями, учрежденными в центральных территориях, являющихся “государственным уделом (улус)”. Данное положение нашло отражение в наличии титула *šad* у чиновников, стоящих во главе двух крыльев Западно-Тюркского каганата – *Ду-лу* (咄陸) и *Ну-ши-би би* (弩失畢)²⁰⁷. Подобное можно наблюдать и на примере Восточно-Тюркского каганата, где во главе крыльев *Tarduš* и *Töles* также стояли царевичи с титулом *šad*²⁰⁸. Несмотря на это, титул *šad* в иерархической лестнице каганата стоял на ступень ниже чем титул *yabγu*, и такое положение сохранялось

²⁰⁴ Rybatzki V. Titles of Turk and Uigur Rulers... – P. 228.

²⁰⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том II. – С. 273, 282, 313; Chavannes E. Çin yıllıklarına göre Batı Türkleri / Çevri M. Koç. – İstanbul: Selenge, 2007. – S. 193.

²⁰⁶ Кюнер Н.В. Китайские сведения... С. 327.

²⁰⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 292.

²⁰⁸ Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 105.

до последних этапов его существования. В частности, имеются факты, указывающие на то, что обладатели титула *šad* стремились получить титул *yabyu* с целью повышения своего статуса в иерархии. Так, китайский паломник Сюань Цзан, описывая свою встречу в 630 году с правителем Тохаристана Тарду-шадом, отмечает, что царевич сам себя “величал Тохарским ябгу”²⁰⁹.

Ряд исследователей на примере титула *šad* пришли к выводу, что формы социально-политического устройства Восточного и Западного каганатов сформировались в соответствии с нуждами и традициями общества, управляемого ими самими²¹⁰. Хотя в китайских хрониках отмечается, что “царевичи-тегины, имеющие свое войско, назывались *шадами*”, но в Восточном каганате, то есть в среде с господством “классической степной культуры”, этот титул обозначал второе лицо в каганате и его правители, прежде чем стать каганом носили титул *šad*. Даже по отношению к наследному принцу использовался титул **sol šad*. Сведения источников говорят о том, что Чу-ло (*Чура) каган перед тем, как взойти на трон, имел титул *eltäbär-šad*, Эль-каган *bayatur-šad*, а Ту-ли (突利; **Törülüg?*) каган титул *ни-бу ше* (泥步設; **(i)näl beg šad*). Как известно из китайских хроник, в управлении II-го Восточно-Тюркского каганата в связи с системой крыльев имелись выражения “*шад* левого крыла” и “*шад* правого крыла”²¹¹. В Западно-Тюркском каганате также на первоначальном этапе во главе каждого из десяти племен, входивших в состав его двух крыльев, стоял царевич с титулом *šad*²¹². По-видимому, на этом этапе – т.е. в период *Ябгуйства*, титул *šad* использовался по отношению к заместителю главного правителя - *yabyu*.

Как отмечалось выше, титул *yabyu* являлся одним из высших титулов в каганате, занимавший в иерархии Восточно-

²⁰⁹ Tuğuşeva L. Yu. Göktürkler ve Toharlar Arasındaki Münasebetler // Türkler, 2. cilt. – Ankara: Yeni Türkiye yayınları, 2002. – S. 155.

²¹⁰ Eski T’ang tarihi. – S. 8.

²¹¹ Eski T’ang tarihi. – S. 82. В китайской хронике «Цзю Таншу» данные титулы приводятся в форме, как *zuo xiang cha* (左廂察, досл. “*Шад* левого крыла”) и *you xiang cha* (右廂察, досл. “*Шад* правого крыла”) (Eski T’ang tarihi. – S. 251-254).

²¹² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 286.

Тюркского каганата место после *qayana* – титула высшего правителя. На первом этапе истории Западного крыла каганата *yabγu* являлся титулом его главы, который сменился на втором этапе на *yabγu-qayap*. То есть, на первом этапе истории Западно-Тюркского каганата, титул *yabγu* занимал самую верхнюю ступень иерархии, то на втором, когда его глава начал называться *yabγu-qayap*, он стал второстепенным. Только в 630-гг., после ликвидации Танским Китаем Восточно-Тюркского каганата, когда верховные правители Западного каганата стали править с титулом *qayap*, титул *yabγu* стал использоваться по отношению членам династии, занимающих высшие ступени иерархии и стоящих после кагана – заместителей кагана²¹³.

По-видимому, схожая традиция имелась и в Восточно-Тюркском каганате, возможно, в его первый период существования с 552 по 630-е гг., что находит свое подтверждение в письменных источниках. В частности, в китайских хрониках в связи с восточно-тюркским каганом Чу-ло-хоу (處羅侯, *Čura-?; 587-589) встречается следующее сведение:

“Долгая жизнь *Ша-бо-ло* (沙鉢羅; *İšbara*) закончилась его смертью... По причине стыдливости и слабости его сына *Йун-юй-лу* (雍虞閭), он (покойный каган) отстранив его, повелел вместо него занять трон своему второму сыну *Чу-ло-хоу* (處羅侯). *Йун-юй-лу* накануне восшествия своего брата *Чу-ло-хоу* на трон, отправил (к нему) человека. *Чу-ло-хоу* сказал: «У нас у *Ту-цзюе* (тюрок) согласно традиции со времен *Мукан* кагана, на трон в основном садились младшие братья вместо старших братьев, а в общем же царевичи, родившиеся от старшей супруги. Согласно закону твоего отца ты не должен бояться этого. Я же не должен бояться твоего восшествия на престол. Я боюсь приветствовать тебя...». В итоге, *Чу-ло-хоу* взошел на престол, получил титул *мо-хэ ке-хань* (莫賀可汗; *baγa-qayap*). *Йун-юй-лу* же получил титул *ше-ху* (業護; *yabγu*)”²¹⁴.

²¹³ См. Бабаяров Г. К истории формирования Западно-Тюркского каганата // III. Международный тюркологический конгресс. Актуальные проблемы и перспективы современной тюркологии (Общий язык, история и алфавит), 18-20 май 2009 г. – Туркестан, 2009. – С. 491-498

²¹⁴ Taşağıl A. Gök-Türkler I. – S. 116.

Правда, это сведение хотя и не позволяет говорить о том, что настоящий наследник престола, освободив свое место по завещанию и получив титул *yabγu*, оставался наследным принцем, но оно дает возможность считать обладателей титула *yabγu* вторыми личностями в каганате. Таким образом, титулы *yabγu*, *šad*, *tegin* принадлежали членам правящей династии Тюркского каганата, обладатели которых, в то же время являлись имперскими наместниками, т.е. чиновниками, управлявшими племенами (в том числе, некоторыми оседлыми вассальными владениями – А.К.), входящими в состав каганата²¹⁵. Кроме этих титулов имелись и десятки других, которые относились к чиновникам, являвшимся должностными лицами в центральной власти каганата или ответственными за вопросы местного самоуправления. В частности, в системе управления различных племен и родов, а также оазисных владений, входивших в состав Западно-Тюркского каганата, встречаются десятки титулов, присущих каганату. Как отмечалось выше, во главе владений, управлявшихся представителями из династии Ашина (Чач, Тохаристан, Кабулистан), стояли личности с близкими друг-другу титулами, как *tegin*, *šad*, *yabγu*, однако, это не было присуще для других.

Итак, в какой степени в управлении вассалов придерживались иерархии титулов, присущих Тюркскому каганату. В этом вопросе ярким примером может послужить состав титулов, которые использовались в управлении Чача, Ферганы и Тохаристана. Так, в управлении Чачского оазиса одновременно имелись такие тюркские титулы, как *šad*, *tegin*, *eltäbär*, *tudun*, *tarqan*, из которых, как известно, *tegin* принадлежал главным правителям оазиса, происходивших из династии Ашина²¹⁶. В Тохаристане также имелся ряд титулов, присущих управлению каганата, как *yabγu*, *šad*, *tegin*, *eltäbär*, *tudun*, *tarqan*, *erkin*, но при этом верховная власть находилась в руках династии *Ябгу*, являвшейся ответвлением династии Ашина²¹⁷. Хотя известно, что правители Ферганы также

²¹⁵ Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай ... – С.111.

²¹⁶ Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 46-47, 55; Исхаков М., Камалиддин Ш., Бабаяров Г. Титулатура доисламских правителей Чача. – С. 15-25,64.

²¹⁷ Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu... – S. 40-44.

происходили из династии Ашина, но трудно сказать что-либо определенное по поводу того, какой из титулов использовали представители этой династии в качестве главного. В частности, тюркские правители Ферганы VII-VIII веков упоминаются под титулами **tegin*, *čor*, *tutuq*, *tarqan*²¹⁸. Так, исходя из содержания согдийского документа А-14, в котором встречаются выражения “ферганский царь” и “ферганский тутук”, становится ясным, что первое из них использовалось по отношению к верховному правителю Ферганы, а второе к чиновнику, стоящему на низких ступенях иерархии. Это указывает на наличие в системе управления Ферганы тюркских чиновников, различавшихся друг от друга по статусу титула. Упоминание в китайских хрониках титулов *tegin* и *tudun* в качестве титулов представителей главной и второстепенной династии Чача соответственно, а также титула *tarqan* в качестве титула управляющего одним из городов оазиса, свидетельствует о наличии в Чаче положения, схожего с Ферганой. В Тохаристане титулы *yabγu*, *šad*, *tegin* встречаются в связи с членами правящей династии, а *tudun*, *tarqan*, *erkin* в качестве титулов правителей владений, подчинявшихся Тохаристанским ябгу. Данные факты позволяют сделать предварительный вывод о том, что в вышеупомянутых оазисных владениях очень широко пустили корни традиции управления, присущие каганату, а в некоторых из них (в основном, в Тохаристане и Чаче) придерживались его системы титулов. Но при этом следует учитывать, что во всех упомянутых выше владениях верховная власть находилась в руках представителей различных ветвей рода Ашина. К тому же тот факт, что в этих оазисах древнетюркские титулы встречаются в определенном порядке, характерном для системы титулов Тюркского каганата, является свидетельством предвзятости и субъективности мнения о “связи встречающихся в оазисах титулов, присущих каганату с данью моде того времени”, выдвинутого некоторыми исследователями²¹⁹. К примеру, З. Штарк связывает

²¹⁸ Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu... – S. 29-33.

²¹⁹ Gibb H. The Arab Conquests in Central Asia.– New York, 1923. – P. 4-9; Аскарлов А. Некоторые вопросы истории становления узбекской государственности // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1997. – № 3-4. – С. 65-76; Stark S. Nomaden und Sesshafte in Mittel- und Zentralasien: Nomadische Adaptionstrategien am Fallbeispiel der Alttürken //

большинство тюркских титулов, встречающихся в Трансоксиане в период Тюркского каганата с “тюркской модой” среди согдийской аристократии. Так, по его мнению, дискусионно считать тюрками по происхождению тегинов Чача, а наличие титула *tegin* на монетах этого оазиса связано с тюркизированной модой на титулы у согдийцев²²⁰. Если это так, то каким образом можно объяснить принадлежность к тюркам изображения правителя и тамги, которые заняли место на монетах Чача с титулом *тегин*? Исследователь не обращает внимания на наличие какой-то связи между *тегином*, отправленным в 605 году в Чач и упомянутым в 657 году в связи с Чачем *Шу-чжу* шадом, а также *тегином* Чача, отправившем в 742 году посла в Китай и на схожесть тамги на монетах с титулом *тегин* с тамгами на монетах правителей Западно-Тюркского каганата, чеканенных в Чаче, которые имеют общий генезис²²¹. Правда, некоторые тюркские титулы, встречающиеся в Трансоксиане, кроме “моды времени” или предоставления Тюркским каганатом вассалам титула *eltäbär*, могут объясняться и тем, что каганат мог присваивать и другие титулы. Однако, это не было присуще для имперских титулов каганата, как *qayan*, *yabγu*, *šad*, *tegin*. Возможно, *tarqan* и подобные ему титулы, каганы присваивали вассалам в качестве “вознаграждения”. Но тот факт, что подобные титулы также зафиксированы в источниках в связи с теми владениями, где имелись династии, связанные с тюрками, не оставляет больших возможностей этому мнению.

Если как утверждают некоторые исследователи, распространение в оазисных владениях тюркских титулов связано с данью «моды времени», то тогда правители этих владений должны были бы заимствовать титулы без учета древнетюркской иерархии того времени. Но, как известно, все тюркские титулы, связанные с ними, упоминаются в источниках

Grenzüberschreitungen. Formen des Kontakts und Wege des Kulturtransfers zwischen Orient und Okzident im Altertum, ed. Schulz, M., Hartmann, U., Luther, A. – Stuttgart, 2002. – S. 389; Его же. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. – S. 258-259.

²²⁰ Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien... – S. 225, k. 1250.

²²¹ Бобоёров Ф. Чоч тарихидан лавҳалар (Илк ўрта асрлар). – Тошкент: Yangi nashr, 2010. – Б. 51.

в соответствии с иерархией каганата. Яркое свидетельство этому такие историко-культурные области как Чач (*tegin/šad - tudun - tarqan*)²²², Тохаристан (*yabyu - šad - tegin - tudun - tarqan*) и Кабулистан (*tegin - eltäbär*)²²³.

Вместе с тем, еще одним вопросом, связанным с этой проблемой, является употребление титула *qaγan* в оазисных владениях Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. По мнению некоторых исследователей, титул *каган*, первоначально принадлежавший исключительно верховным правителям Тюркского каганата в VI-VII вв., впоследствии потерял свое былое значение и каганами стали называться правители даже небольших уделов²²⁴. Однако, нумизматические данные и сведения письменных источников, а также исторические реалии того времени, указывают на ошибочность этого мнения. Так, З. Штарк считает, что под титулом *qaγan* в бактрийских документах упоминаются местные правители, носившие его, к примеру, правитель (*хар*) такого малого владения как Роб²²⁵. В частности, у Табари он упоминается как Ру'б-хан, *малик* (царь) Ру'ба (Роб) и Симинджана (Саманган)²²⁶. Относительно правителя Роба следует отметить, что он всегда упоминается в документах на бактрийском языке под восточноиранским титулом *хар* (*ρωβοχαρο*) и тюркским *eltäbär*²²⁷. Его упоминание у Табари под титулом *хан*, скорее всего, является опиской характерной для арабографичных произведений, в которых конечный *нун* и *ра* часто путаются, и его следует восстанавливать как *хар*. Кроме того, у Табари титул *xāqān*,

²²² Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г. Титулатура доисламских правителей Чача. – С. 15-25, 64. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 47, 57-61.

²²³ Kuwayama Sh. Historical Notes on Kapisi and Kabul... – P. 68-71; Inaba M. The Identity of the Turkish Rulers to the South of Hindukush... – P. 1-19; Бобоёров Ф. Тохаристон ябғулари тарихига доир. – Б. 4-10.

²²⁴ Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача... С. 92; Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. – Ташкент: Фан, 2006. – С. 278.

²²⁵ Stark S. Nomaden und Sesshafte in Mittel- und Zentralasien... – S. 389. Однако, З. Штарк в своих последующих трудах, учитывая новые исследования по бактрийским документам, отметил, что титул *qaγan* не относится к правителю Роба, а является титулом верховного правителя Западно-Тюркского каганата (Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien... – S. 212, n. 1172).

²²⁶ История ат-Табари. – С. 126 (1219).

²²⁷ Sims-Williams N. Bactrian Documents... – P. 74, 82, 88.

всегда употребляется по отношению к верховному тюркскому правителю, и тем более, если правитель Роба имел бы его, то это было бы упомянуто им. Вместе с тем, *каган* упоминается также в ряде бактрийских документов. Исходя из их контекста, становится ясным, что под ним подразумевается ни какой-то удельный правитель, а тюркский *каган* в качестве верховного сюзерена упоминавшихся в них местных правителей. В пользу этого говорит тот факт, что все они были написаны на третьем этапе становления Западно-Тюркского каганата, когда его верховные правители стали носить титул *qayan*, т.е. после ликвидации Восточного-Тюркского каганата в 630-х гг. Здесь уместно отметить наличие в одном из бактрийских документов, связанных с Гузганом и составленном почти в то же время (648 г.), что и документы, относящиеся к Робу, выражения *хауанаууо тωуо* – «плата/дань кагану». На этом основании Н. Симс-Вильямс делает заключение, что под *каганом* надо подразумевать верховного правителя Западных тюрков²²⁸. Как известно, Гузган в это время являлся вассальным владением Западно-Тюркского каганата и подчинялся ему через посредство Тохаристанских ябгу.

Как отмечают некоторые исследователи, в период Тюркского каганата правители оазисных владений имели титул *tegin*²²⁹. В доказательство этого мнения они приводят сведение из арабских источников об употреблении титула *бек-тегин* согдийскими правителями²³⁰. На наш взгляд, данное сведение не связано именно с периодом Тюркского каганата, а относится к промежутку со 2-пол. VIII до X вв., т.е. к периоду после каганата и мы имеем дело с анахронизмом. Что же позволило нам прийти к такому заключению? Во-первых, в период Тюркского каганата система титулов функционировала четко и титулом *tegin* обладали только царевичи из династии Ашина. Во-вторых, мы не имеем сведений о наличии этого титула у представителей местных династий, правивших в оазисных владениях. Упоминание же правителей Чача, Ферганы, Тохаристана,

²²⁸ Sims-Williams N. Bactrian Documents... – P. 1056.

²²⁹ Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien... – S. 225, n. 1250; Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı... – S. 132-133.

²³⁰ Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı... – S. 137.

Кабулистана и Дихистана под титулом *tegin* было связано с тем, что в них правили представители династии Ашина.

Остановившись на титулах *šad* и *tutuq*, следует отметить, что хотя они по своей сущности являлись военными титулами, но их иногда обладатели в качестве представителя каганата на местах выполняли функцию некоего административного управляющего. Это можно видеть на примере представителей Тюркского каганата с титулами *šad* в Чачском оазисе и *tutuq* в Фергане. Данное положение, по-видимому, было связано с тем, что каганат по своей сущности являлся государством, имеющим больше военный характер. То есть, было вполне естественным, что военный, имеющий упомянутые титулы, участвуя в управлении вассалами каганата, при надобности выполнял и административные функции.

Анализ титулов чиновников Тюркского каганата, не принадлежащих к правящей династии, показывает, что самое верхнее место в иерархии после имперских титулов занимал *eltäbär*, за которым следовали *tudun*, *erkin*, *tarqan* и другие титулы. Этот порядок титулов находит свое подтверждение как в письменных источниках (древнетюркские стелы, армянские, греческие, китайские, бактрийские и др.), так и в нумизматическом материале. При этом, в китайских хрониках данные титулы приводятся в вышеупомянутом порядке, как “высший чин *кюль-чор*, следующий – *ана*, следующий – *эльтебер*, следующий – *тудун...*”, или иногда в отличной от него последовательности, как “*эркин*, *кюль-чор...* *эльтебер*, *тудун...*”. Данное различие, по-видимому, объясняется либо ошибкой составителей хроник, перепутавших порядок титулов или же тем, что данные сведения в хронологическом отношении относятся к различным периодам и отражают определенные изменения, произошедшие в иерархии Тюркского каганата. Основанием для подобного предположения служит упоминание в произведении «Тун дянь» титула *erkin* после имперских титулов, но во главе других²³¹. Хотя как

²³¹ Не исключена возможность того, что титул *erkin* в период II-го Восточно-Тюркского каганата поднялся на высокие ступени иерархии. Возможно,

видно из почти всех сведений, касающихся иерархии каганата, он занимал более низкое положение по отношению к другим титулам. Следует отметить, что в упомянутом сочинении, возможно, в действительности речь шла о титуле *кюе сы-гин* (闕俟斤; **kül-erkin*), первая часть которого выпала при переписке произведения. Не исключено, что он мог быть воспринят автором, который, как видно, не имел представления об изменении статуса обладателя титула, когда к нему присоединялся какой-либо эпитет, просто как *сы-гин* (俟斤; **erkin*).

В определении иерархии титулов Тюркского каганата одним из критериев могут послужить также сведения Бугутской стелы, в которой сановники, сыгравшие роль в возвышении каганата, перечисляются в следующей последовательности: *шадапыты, тарханы, куркапыны, сангуны, тудуны*²³². При этом обращает на себя внимание следующее сведение стелы Бильге кагана, написанное приблизительно через 150 лет после нее, где иерархия каганата приводится в близкой форме:

“При восшествии на престол моего отца, тюркского Бильге-кагана, теперешние тюркские беки [расположились] в следующем порядке. Позади [на западе] – *тардуш-беки* с *Кули-чором* во главе, а за ним – *шадапыт-беки*, впереди [на востоке] – *толес-беки* с *Апатарканом*... во главе, а за ним *шадапыт-беки*. [Направо, на юг] ... [беки] ... *(А)таман-Таркан, Туньюк Бойла Бага таркан* во главе, а за ним *Буйрук-[беки]*, во главе вождь внутренних *буйрук(ич буйрук)ов Себиг Кюль-Иркин*, а за ними *буйруки*”²³³.

подобно тому, как посредством присоединения к титулу *çor* эпитета *kül* со значением “прославленный, знаменитый” его положение значительно повышалось, был образован титул *kül-erkin*, занимающий высокое положение в иерархии каганата. К тому же, в стеле Бильге кагана встречается выражение “*iç buyruq sebig kül erkin*” (досл. “внутренний министр Себиг кюль-эркин”) (Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 132; Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 78-81).

²³² Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. – С. 139-140; Tezcan S. Tonyukuk yazıtında bir kaç düzeltme. – S. 249, 251.

²³³ Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 78-81; Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата: Ғылым, 1971. – С. 315-316.

Как видно из этих сведений, *тарханы* занимали в иерархии место за *шаданьтами*. Если исходить из сведений китайских хроник получается, что в иерархии каганата титул *tarqan* занимал положение ниже, чем *eltäbär*, *tudun*, *čor*, *erkin*. Однако из официальных стел Тюркского каганата, становится ясным, что его обладатели являлись приближенными к центральному аппарату, т.е. *tarqan* являлся “специальным титулом”. Вместе с тем, в 7-8 строках Бугутской стелы *тарханы* упоминаются среди группы чиновников, которые принимали участие в решении государственных дел, дающих советы правителю, и подобная функция обладателей этого титула сохранялась также в последующем. Так, Ибн Фадлан (X в.), говоря об огузских *känkäš*(совет)ах, отмечает, что на этих собраниях присутствовали *тегиньы*, *yabyu*, *inalы* и *tarxаны*. Причем *tarxan* был самым «благородным и уважаемым из них»²³⁴.

Иерархия Тюркского кагана находит свое отражение также и в сведениях мусульманских авторов. Приводимый ими порядок титулов во многом схож с порядком, нашедшим отражение в источниках на других языках. К примеру, тюркская система управления с присущей ей иерархией, нашла свое отражение в сведении Табари о событиях 91/709 года, связанного с пленением Кутейбой ибн Муслимом ябгу Тохаристана. Так, Табари отмечая, что когда Кутейба приказал привести плененных Низека (Низек-тархан, правитель Бадгиса) и Джабгую, т.е. Тохаристанского ябгу, в комнате с ними находились союзники арабов Аш-Шазз (Шад, правитель Нижнего Тохаристана) и ас-Сабл (Ишбара, правитель Хутталя), пишет следующее:

«Аш-Шазз сказал Кутайбе: «Хотя Джабгуйа и был мне врагом, он старше мне годами и он – царь, а я вроде раба его. Разреши мне подойти к нему». Тот разрешил и аш-Шазз подошел к Джабгуйе, поцеловал ему руку и поклонился до земли... Потом он спросил разрешения для ас-Сабла. По разрешению Кутайбы он (ас-Сабл) приблизился к нему (Джабгуйе) и поцеловал ему руку. И Низек сказал Кутайбе: «Разреши мне подойти к аш-

²³⁴ Гукасян В.Л. Тюркизмы в албанских источниках. – С. 34.

Шаззу, ибо я – раб его. Он разрешил, и Низек подошел к аш-Шаззу и поцеловал ему руку»²³⁵.

Некоторые сведения, нашедшие отражение в трудах мусульманских авторов более позднего времени, также имеют особое значение в определении места титулов в иерархии, а также в освещении некоторых вопросов, связанных с формированием системы титулов. В этом отношении интерес представляет следующее сведение, приведенное в связи с племенами уйгуров в «Джами' ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид-ад-дина:

«Прошли годы и века, а у тех уйгурских племен не было назначенного государя и предводителя. В любое время в каждом племени, путем насильственного захвата, кто-нибудь становился эмиром своего племени. После того все те племена ради общего блага устроили совещание и на нем решили: «Для нас нет иного выхода, как [иметь] всевластного государя, который распространял бы [свои] приказы на всех». Все единодушно и к своему удовлетворению выбрали некоего человека, по имени Менгутай, из племени эбишлик, который был умнейший между племенами, и дали ему прозвание *Ил-Илтибир*. [Они выбрали] из племени узкундур еще другого, одаренного [положительными] качествами, и прозвали его *Кул-Иркин*; обоих они сделали государями [всего] народа и племен. Их род царствовал в продолжение ста лет...

За последнее время соглашение уйгуров было таково, что своего государя они называли *иди-кут*, т.е. «господин счастья». В эпоху Чингиз-хана *иди-кутом* был Бараджук»²³⁶.

Как видно из этого сведения у уйгуров первоначально имелось два правителя с титулами *kül-erkin* и *eltäbär*, а затем над ними стал править один правитель с титулом *ïdïqut*. Кроме того, оно позволяет также сделать вывод о том, что обладатели титулов *kül-erkin* и *eltäbär* в иерархии древних тюрков занимали практически одинаковое положение. Этот вывод имеет под собой реальную основу. Как известно, титул *eltäbär*

²³⁵ История ат-Табари. – С. 129.

²³⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I., Кн. 1 / Пер. с персидского Л.А. Хетагурова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 147.

присваивался главам крупных племен и вассальных оазисных владений, а *erkin* – главам относительно более мелких племен, но данным титулом с эпитетом *kül* обладали главы конфедераций мелких племен. К примеру, во главе каждого из пяти племен, входивших в состав такого крыла Западно-Тюркского каганата как *Ну-шу-бу* (弩失畢), стоял *erkin*, но при этом глава этого крыла имел титул *kül-erkin*²³⁷. Кроме того, С. Гёмец на основании сведения китайских хроник, в котором говорится, что глава уйгуров *erkin* Бу-са за победу над сыном Иль-кагана в 628 году получил титул *eltäbär*, считает, что титул *erkin* находился на одну ступень ниже его²³⁸. Таким образом, как упоминалось выше, если титул *erkin* находился на одну ступень ниже титула *eltäbär*, то при присоединении к нему эпитета *kül* их положение становилось одинаковым или практически одинаковым, имея лишь незначительную разницу. Следует отметить, что кроме вышеупомянутых сведений китайских хроник и произведения Рашид-ад-дина, наличие у уйгуров титула *eltäbär*, подтверждается и следующей фразой стелы Бильге кагана: «*ууур eltäbär yüzçe erin ilgerü tezip bardı* - уйгурский эльтебер примерно со ста воинами бежал на восток»²³⁹.

Из упомянутого сведения «Джами' ат-таварих» также становится ясным, что титул *idikut* занимал в иерархии положение выше, чем титулы *kül-erkin* и *eltäbär*. Тем более, в предчингизидское время титул *idikut* являлся титулом верховного правителя Уйгурского Турфанского государства, а за ним как в иерархии Тюркского каганата занимали место *qatun/xatun* и *tegin*²⁴⁰.

Вероятно, некоторые изменения, произошедшие в иерархии титулов Тюркского каганата на последних этапах его существования, также могли быть причиной того, что в китайских хрониках они приводятся в различной

²³⁷ Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии... – С. 168.

²³⁸ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 134.

²³⁹ Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 74-76.

²⁴⁰ Турсун Н. Уйгурское Турфанское идикутство: культура и религия // Уйгуроведение в Казахстане: традиция и новация. Материалы международной конференции, Алматы, 30 сентября 2005. – Алматы: Наш мир, 2006. – С. 69.

последовательности. При этом, в данном вопросе надо учитывать и такой фактор, что эпитеты, служащие для различения рангов, присоединяясь к титулам, занимающие низкие ступени иерархии, позволяли их продвижению на более высокие ступени. Яркий пример этому титул *čor*, от которого посредством присоединения эпитета *kül* в значении “прославленный, знаменитый”, был образован новый титул *kül-čor*, обладатель которого занимал в иерархии положение ниже представителей правящего дома каганата, но выше всех других чиновников. Это подтверждается не только упомянутыми выше сведениями китайских хроник, но также данными древнетюркских стел, где имеется выражение *kül čor bašlayu šadapit bäglär*, которое упоминается первым в обращении Бильге кагана к чиновникам и народу²⁴¹. Как видно, данное выражение, относящееся к чиновникам Западного крыла (*Tarduš*) II-го Восточно-Тюркского каганата, следует понимать как “беки (с титулом) *шаданым*, во главе с (главным чиновником, имеющим титул) *кюль-чор*”²⁴² и его параллель можно видеть в следующем сведении китайских хроник: “его (их) высший чин *цюй-люй-чжо* (闕律啜; **kül-čor/külüğ-čor*)”. Возвышение титула *čor* или *kül-čor* в иерархии II-го Восточно-Тюркского каганата можно видеть примере предтронных титулов *qutluγ-čor*, который имел его основатель и первый правитель Эльтериш каган, и *bögü-čor*, обладателем которого был его младший брат Капган каган. Этот факт, а также упоминание в источниках одного из младших братьев Кутлуг Эльтериш кагана под титулом *el čor-tegin*²⁴³, дает основание считать *čor* родовым титулом правящей династии II-го Восточно-Тюркского каганата. В связи с этим уместно остановиться на вопросе о том, в какой степени был связан с династией Ашина основатель II-го Восточно-Тюркского каганата Кутлуг Эльтериш каган. Согласно китайским хроникам, он являясь одним из дальних родственников *Сйе-ли ке-ханя* (頡利可汗; **el-qayan*), имел имя дома Ашина и был главой племени, с доставшимся ему по наследству от отца титулом *ту-тунь чжо*

²⁴¹ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 396.

²⁴² Абдурахмонов F., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 132.

²⁴³ Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. – İstanbul: Sanat kitabevi, 2003. – S. 226.

(吐屯啜; **tudun-čor*)²⁴⁴. Если исходить из этого сведения, то не исключено, что Кутлуг Эльтериш не был напрямую связан с династией Ашина, правившей в I-м Тюркском каганате, а принадлежал к одному из ее боковых ответвлений, т.е. он по своему происхождению мог быть не связан непосредственно с “золотым родом”²⁴⁵. Делать подобное заключение позволяет так же и тот факт, что представители “золотого рода” племени Ашина имели в основном титулы *šad*, *tegin*, а титулы *tudun*, *čor*, занимавшие относительно более низкие ступени в иерархии, не были в такой мере присущи им.

Согласно традициям государственности древних тюрков, так как *Ду-лу* (咄陸), являлось именно восточным крылом Западного каганата, оно занимало относительно более высокое положение по отношению к западному. Это нашло свое подтверждение и в том, что главы пяти родов, входивших в его состав, имели титул *čor*²⁴⁶. На основании этого можно сказать, что наличие титула *čor* у Кутлуг Эльтериша, когда он стоял во главе своего племени, было вполне естественным. Т.е., он находился на уровне глав относительно слабых родов. Возможно, наличие у глав восточного и западного крыла II-го Восточно-Тюркского каганата – *Tarduš* и *Töles*, титулов *kül-čor* и *kül-erkin*, имеет связь с порядком присвоения титулов *čor* и *erkin* главам племен в составе крыльев Западно-Тюркского каганата. Однако, не исключено, что этот порядок имелся уже в древности и нашел свое отражение сначала в связи с Западным каганатом в китайских хрониках, а позднее в связи Восточным – на его втором этапе в древнетюркских стелах. Сведения китайских хроник о первоначальном назначении управлять крыльями *Ду-лу* (咄陸) и *Ну-ши-би* (弩失畢) 10 *шадов*²⁴⁷, объявлении *Мо-чжо* (默啜; **Bögü-čor/Qarγan*) каганом в 699 году своего младшего брата *То-си-фу* (咄思匐; **Tuzul-bek?*) шадом левого крыла, а сына

²⁴⁴ Liu Mau-Tsai. Çin kaynaklarına göre Doğu Türkleri. – S. 212.

²⁴⁵ По мнению Ю.А.Зуева «золотой» (каганский) род древнетюркского династийного племени Ашина назывался *шар-дулы* (<ср.-перс. *zarr duli* “Золотая птица Дули”, Золотой/Красный ворон) (Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки... – С. 25).

²⁴⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 289.

²⁴⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 286.

(своего покойного брата) *Гу-ду-лу* (骨咄绿; **Qutlu*) Мо-ги-ляна шадом правого крыла²⁴⁸, также подтверждают это мнение. Подобные сведения встречаются также в древнетюркских стелах. Как пример, речь Бильге кагана (кит. 默棘連; *Мо-ги-лян*) о себе: “*Когда сидел на престоле мой дядя каган (Каган), я сам был шадом над народом Тардуш*”²⁴⁹.

Известно также использование титула *čor* в управлении вассальных владений в связи с каганатом и что важно, большинство этих случаев приходится на период II-го Восточно-Тюркского каганата. В частности, в хронике “Тан шу” имеется сведение о том, что правитель Самарканда *У-ле-га* (烏勒伽; Гурек, 710-738) назначил своего второго сына по имени *Мо-чжо* (默啜; **Bögü-čor*) правителем *Ми* (米; Маймург)²⁵⁰. Если в монетных легендах и согдийских документах правитель Панча, правивший в 693-708 гг., упомянут под именем Чакин чор Бильге, то в арабских источниках в качестве имени потомков правителей Панча зафиксирован термин *шур* (*čor*)²⁵¹. В арабских источниках в качестве имен правителей Ферганы, правивших накануне и после арабского завоевания, упомянуты личности *Джур* (*čor*) или *Бильге-чор*, *Алту-чор*²⁵².

На основании приведенных выше фактов может возникнуть представление, что возвышение титулов *čor* и *erkin* в иерархии относится ко времени II-го Восточно-Тюркского каганата. Однако, следующие сведения китайских хроник, относящиеся к Западно-Тюркскому каганату, как смещение с трона в 639 году одним из министров каганата Кюль-чором местного правителя Карашара, посаженного на трон Танским Китаем и назначение на его место *tuduna*, наличие титула *kül-čor* у главы рода *Ху-лу-ву* (**Ulu oq?*) крыла *Ду-лу*, титула *kül-erkin* у глав родов

²⁴⁸ Liu Mau-Tsai. Çin kaynaklarına göre Doğu Türkleri. – S. 226.

²⁴⁹ Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 43; Малов С.Э. Памятники древнетюркской письменности. – С. 38.

²⁵⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том II. – С. 311; Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... – P. 136, k.5.

²⁵¹ Лившиц В.А. Правители Панча (Согдийцы и тюрки) // Народы Азии и Африки. – Москва, 1979. – №4. – С. 66-67; Отахўжаев А. Суғд шахрининг турк ҳокими // Шарқшунослик, ТДШИ. – Тошкент, 2001. – №2. – Б. 40-42.

²⁵² История ат-Табари. – С. 185; Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. – М.: Наука, 1970. – С. 256.

A-si-gu (**Izgil?*) и *Ге-шу* (*Qošu?*) крыла *Ну-ши-би*²⁵³, свидетельствуют о том, что оба этих титула занимали высокое положение в иерархии каганата значительно ранее. Можно предполагать, что титулы *ġor* и *erkin* первоначально занимали в иерархической лестнице каганата более низкие ступени, чем другие титулы, но после присоединения к ним эпитета *kül* были образованы новые титулы, положение которых в иерархии возвышалось. При этом тот факт, что вышеупомянутые титулы во многих случаях встречаются вместе, дает возможность считать их “параллельными титулами”, равными по положению. Как отмечалось выше, титул *ġor* занимал немного более высокое положение, чем титул *erkin*, но эта разница была незначительной. Титул *ġor* был как военным, так и административным титулом. В основе того, что его имели каждый из глав племен, входивших в состав восточного крыла Западного каганата – *Ду-лу* (咄陸), лежит именно его военная функция, являвшаяся основной, т.к. система крыльев в каганате была создана, в основном с учетом военных нужд. Таким образом, титул *ġor* являлся одним из титулов, в котором преобладал военный характер. Это подтверждается также тем, что в отличие от центрального управления каганата, он редко встречается в управлении вассалов.

Остановившись на титуле *eltäbär*, следует отметить, что на первоначальном этапе он занимал в иерархии Тюркского каганата положение после титулов *yabγu*, *šad* и *tegin*, но во главе ряда других титулов. По мнению исследователей, данный титул предоставлялся каганом главам крупных вассальных племен и правителям вассальных оазисных владений²⁵⁴. Это нашло свое отражение в сведении китайских хроник о присвоении Тун ябгу-каганом титула *сы-ли-фа* (俟利發; **eltäbär*) правителям вассальных оазисных владений, а также в упоминании в древнетюркских стелах под этим титулом глав вассальных от каганата крупных племен как азы, карлуки и уйгуры²⁵⁵.

²⁵³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 289; Его же. Собрание сведений... том II. – С. 295; Taşağıl A. Gök-Türkler II. – S. 80.

²⁵⁴ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 396-397.

²⁵⁵ Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 110, 130; Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 75, 77.

Предводители крупных племен, как *Хой-ху* (*Уууур*), *Ба-йе-гу* (*Бауірқу*), *Пу-гу* (**Бууу*), *Тун-ло* (*Тоңра*) и *Хунь* также упоминаются в китайских хрониках под титулом *сы-ли-фа* (**eltäbär*)²⁵⁶. Упоминание местных правителей с титулом *eltäbär* в согдийском документе из Чинанчканда (Гаочан/Турфан) (639 г.), а также в легендах монет Чача и бактрийских документах из Роба (Руи, Афганистан) (639-682 гг.)²⁵⁷, свидетельствует о внедрении данной системы в оазисные владения. Это подтверждается тем, что в китайских хрониках большинство правителей оазисов Восточного Туркестана в эпоху каганата упоминаются под титулом *сы-ли-фа* (*eltäbär*)²⁵⁸.

Присвоение Тюркским каганатом местным правителям вассальных оазисных владений титула *eltäbär*, занимавшего в иерархии место после титулов членов правящего рода, но впереди титулов чиновников, не происходивших из него, по-видимому, являлось выражением того, что каганат, с одной стороны, считал положение вассальных правителей ниже верховной власти, а с другой выше других чиновников. Как считает С.Г. Кляшторный, присвоение Тун ябгу-каганом тюркских титулов правителям вассальных оазисных владений было выражением того, что каганат включил их в свою административную иерархию²⁵⁹. Наличие сведений об использовании титула *eltäbär* главами относительно сильных племен в ряде тюркских кочевых политических объединений, существовавших после Тюркского каганата, также свидетельствуют о занимаемом им положении. Например, главы племен огузов использовали титул *erkin*, а самый влиятельный среди них имел титул *eltäbär*²⁶⁰. Как видно, каганат присваивал титул *erkin* главам относительно малых племен и родов, что нашло свое отражение во мнении большинства

²⁵⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 344, 345; Taşağıl A. Gök-Türkler II. – S. 41- 43, 45, 47.

²⁵⁷ Grenet F., de la Vaissiere E. The last days of Panjikent. – P. 177-178; Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 42, 49; Sims-Williams N. Bactrian Documents... – P. 74, 82, 88.

²⁵⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том II. – С. 297.

²⁵⁹ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история... – С. 408.

²⁶⁰ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история... – С. 314.

исследователей²⁶¹. Это подтверждается также сведениями китайских хроник, в которых отмечается, что главы восьми племен *киданей*, а также таких племен как *До-лань-ге* (*Töleñit*), *Гу-ли-ган* (*Qurıqan*) и *Бай-си* (**Ürüñ Qay*), управлялись посредством подчиненных тюркам *сы-цзинов* (俟斤, **erkin*)²⁶². В них также встречается сведение о предводителе уйгуров начала VII века *erkine* Бу-са, получившем в 628 году за победу над сыном *Сье-ли ке-ханя* (**El-qayan*) титул *eltäbär*²⁶³. В китайских хрониках среди владений, подчиненных Тохаристану, только правители Хутталя и Кумеда зафиксированы с титулом *сы-гин* (俟斤, **erkin*)²⁶⁴. Итак, можно считать, что каганат посредством присвоения титула *eltäbär* вассальным правителям оазисных владений включал их в свою административную иерархию, а их положение в иерархии приравнивал к положению глав крупных и влиятельных племен.

Титул *tudun*, являясь одним из широко распространенных титулов в иерархии каганата, встречается в системе управления ряда оазисных владений в связи с Западно-Тюркским каганатом. В китайских хрониках данный титул упоминается в большинстве случаев после титула *eltäbär* и отмечается, что его функциями были контроль над местными вассальными правителями и организация сбора налогов²⁶⁵. Титул *tudun* встречается во многих источниках, относящихся к каганату, из которых становится ясным, что он использовался по отношению к личностям, занимавших место возле местных правителей. Так, в согдийском документе А-14 вместе с правителем Чача упоминается личность с титулом *tudun* и из его контекста можно понять, что это был чиновник, решающий политические дела, связанные с Чачем²⁶⁶. В одном из отрывков китайского

²⁶¹ Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай... – С. 111.

²⁶² МИКНД. – С. 163; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 346, 348, 349, 362.

²⁶³ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 134.

²⁶⁴ В Хуттале правил с титулом *сы-гин* (*erkin*) аш-Шабал (Ишбара; 699-727), а в Кумеде в 742-745 гг. *И-си-лань сы-гин* (*Arslan?-erkin*) (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том II. – С. 324-226). Но, надо принять во внимание, что правители каждого из этих двух владений происходили из тюркских племен.

²⁶⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 283.

²⁶⁶ СДГМ, 2. – С. 80-82.

документа, найденного в Турфане (Гаочан), имеется упоминание об одном *tudune*, а также других чиновниках тюрков²⁶⁷. Упоминание данного титула в управлении вассальных владений в течение периода с кон. VI до нач. VIII века, указывает на последовательность порядка отправления в них каганатом своего наместника - *tuduna*.

Титул *tarqan*, являясь самым широко распространенным титулом в иерархии Тюркского каганата, совмещал в себе как административные, так и военные функции²⁶⁸. Данный титул занимал в иерархии относительно низкое положение, что нашло отражение в списке титулов каганата, приведенном в китайских хрониках. Кроме того, упоминание в китайских хрониках в качестве правителя одного из городов Чача чиновника с титулом *и-нйе да-гань* (移涅達干; **inäl-tarqan*), а также в бактрийских документах чиновника с титулом *ἡναλ τάρχανο* (*inäl-tarqan*) относительно ниже других²⁶⁹, также подтверждают это мнение. Помимо этого, титул *tarqan* (кит. 達干; *да-гань*) упоминается в китайских хрониках в составе имен чиновников ряда владений Тохаристана, отправленных в качестве послов в Китай, а также в согдийском документе А-13 в качестве титула одного из чиновников, связанного со сбором налогов²⁷⁰. Эти сведения свидетельствуют о том, что этот титул занимал низшие ступени иерархии Тюркского каганата. Чиновники с титулом *tarqan*, занимали в центральном управлении каганата, как и в управлении вассальных от него владений, низшие ступени, или же являлись специальными представителями кагана на местах. Так, данный титул очень часто встречается в системе управления каганата, в особенности у его вассалов. В частности, Сюань Цзан, описывая свою встречу с Западно-Тюркским каганом недалеко от Суяба, отмечает, что *е-ху кэ-ханя* (業護可汗; **yabū-qayan*) кроме других воинов еще сопровождали более двухсот *да-ганей* (達干; **tarqan*). Он пишет,

²⁶⁷ Skaff K.J. Western Turk Rule of Turkestan's Oases in the Sixth through Eighth Centuries // The Turks. Vol. 2. – Ankara, Yeni Türkiye yayınları, 2002. – P. 99-100.

²⁶⁸ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 139.

²⁶⁹ Sims-Williams N. Bactrian Documents... – P. 74.

²⁷⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том II. – С. 325-326; СДГМ, 2. – С. 69; Исхоқов М. Унутилган подшоликдан хатлар. – Тошкент: Фан, 1992. – Б. 27-28.

что *ябгу-каган* приказал *да-мо-чжи да-ганю* (答摩支達干; **tamyacı-tarqan*) препроводить его в свою ставку, а также присвоил юноше, который знал языки и должен был сопровождать монаха в путешествии, титул *мо-ду да-гань* (莫咄達干; **bayatur-tarqan*)²⁷¹. Кроме того, в конце военных действий каганата на Кавказе в 620-х гг. во главе его войск был поставлен чиновник с титулом Чорпан тархан (**çıpan(?)tarqan*)²⁷². Таким образом, упомянутые выше сведения, позволяют говорить о том, что титул *tarqan* имел больше военный характер и одной из функций чиновников, имеющих данный титул, было руководство войском. Это ярко проявилось в деятельности правителей Бадгиса Низак-тархана (ум. 705 г.) и Ферганы Арслан-тархана (740-е гг.). Тарханы также играли важную роль и в дипломатических связях, иногда возглавляя посольства²⁷³. О первичности военной функции титула *tarqan* говорит и его употребление в древнетюркских стелах вместе с титулом *sañun*, который в эпоху каганата был известен как сугубо военный титул. Например, титул *qutluγ tarqan-sañun*, упомянутый в Терхинской стеле (753-756) Уйгурского каганата²⁷⁴.

Присоединение к титулу *tarqan* эпитетов, определяющих ранг, по-видимому, повышало ранг его обладателей, подобно обладателям титулов *çor* и *erkin*. Так, в китайских хрониках и древнетюркских стелах в значении “полководец, военачальник; главнокомандующий” упоминается титул *apa-tarqan*²⁷⁵, который, как считают некоторые исследователи, был одним из титулов Туңьюкука, самого влиятельного министра каганата²⁷⁶. В качестве титулов высших чиновников восточного крыла Восточно-Тюркского каганата – *Töles* упоминаются также

²⁷¹ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки... – С. 263-265.

²⁷² Артамонов М.И. История Хазар. – С. 153.

²⁷³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том II. – С. 225-226.

²⁷⁴ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история... – С. 165.

²⁷⁵ Liu Mau-Tsai. Çin kaynaklarına göre Doğu Türkleri. – S. 215; Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 76, 132; Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 98.

²⁷⁶ Taşağıl A. Gök-Türkler III. – Ankara: TTK Basımevi, 2004. – S. 13.

титулы *apa-tarqan*, *ataman-tarqan*, *baya-tarqan*²⁷⁷. Кроме того, на примере данного титула можно рассмотреть образование в системе управления каганата новых титулов посредством соединения двух титулов (парные титулы) и изменение их функций. В частности, по мнению некоторых исследователей, в системе управления ряда древнетюркских государств как Тюркский и Уйгурский каганаты, государство Огузских ябгу, чиновники, ответственные за контроль над внешними делами, имели титул *tamyacı* или *tamyan*²⁷⁸. Так, парный титул *tamyan tarqan*, имевшийся в управлении каганата, в большинстве случаев упоминается в источниках в связи с послами. Например, чиновник, отправленный Истеми каганом в качестве посла в Византию, упомянут в византийских источниках под титулом *Тагма/Тамга тархан (tayma/tamyā-tarqan)*²⁷⁹. Титул *tamyan* встречается также в составе таких титулов, как *tamyān-tarqan*, **elig tamyan*, *išbara tamyan-čor*, *išbara tamyan-tarqan*. Термин *tamyā* или *tamyān* во многих случаях употребляется совместно с титулом *tarqan*, что требует своего комментария. Например, в древнетюркских стелах упоминаются титулы *İšbara Tamyan-čor*, *İšbara Tamyan-tarqan*²⁸⁰, в китайских хрониках *та-мань да-гань* (他滿達干; **tamyān-tarqan*)²⁸¹, а на поверхности серебряного сосуда, относящегося к VII-VIII вв., согдийским письмом зафиксирован титул *tmy'n trx'n (tamyān-tarqan)*²⁸². С данным титулом связывают также название города Тьмуторокань, располагавшегося на Таманском полуострове²⁸³.

²⁷⁷ Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 79-80; User H.Ş. Köktürk ve Ötüken... – S. 271. Титул *ataman-tarqan* в труде Г. Абдурахманова и А. Рустамова приведен в форме *Tuman tarqan* (Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 132).

²⁷⁸ Donuk A. Eski türk devletlerinde... – S. 84.

²⁷⁹ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica II... – S. 299; Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. – С. 206.

²⁸⁰ Онгинская стела. см. Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 142; User H.Ş. Köktürk ve Ötüken... – S.135.

²⁸¹ Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı... – S. 198.

²⁸² Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // Вестник древней истории. – М., 1964. – № 3. – С. 172.

²⁸³ Баскаков Н.А. Тюркская лексика... – С. 115-166; Добродомов И.Г. Тюркская топонимика в «Повести временных лет» // Тюркская ономастика. – Алма-Ата: Ғылым, 1984. – С. 138.

Исходя из функций, которые выполнял обладатель титула *tarqan* и контекста его упоминания в источниках, можно сделать вывод, что в иерархии он занимал положение одинаковое с положением титулов *ǰor* и *erkin*, или же разница между ними была относительной. Основанием считать все эти три титула практически равнозначными или параллельными друг другу, является их упоминание в древнетюркских памятниках в одном ряду в следующем виде: “на западе беки Тардушей, во главе с *кюль-чором...*, на востоке беки Тёлесов, во главе с *ана-тарханом...*, придворные министры, во главе с *себигкюль-эркином...*”²⁸⁴.

Для системы титулов Тюркского каганата можно отметить также наличие титула *tutuq*. Данный титул, как считают исследователи, является китайским заимствованием и происходит от слова *ду-ду*, обозначавшего военного губернатора какой-либо области и его обладатели выполняли в каганате идентичную функцию²⁸⁵. По мнению Ю.А. Зуева, внедрение в Степи танского титула *tutuq* «главноуправляющий» (кит. 都督; *ду-ду* / др.-кит. *tuó-tuók* > др.-тюрк. *tutuq*), относится к середине VII века, когда после наступления танского войска последовало районирование всей Степи на танский лад и дача предводителям значимых племен или их родственным групп титула-должности *tutuq*²⁸⁶. Имеется также немало исследователей, рассматривающих этот титул как производное от древнетюркского глагола *tut* - “держат, держаться; хранить, беречь и др.”²⁸⁷. Однако, предположение о китайском происхождении титула *tutuq* кажется более близким к истине²⁸⁸. В источниках не имеется подробных сведений относительно обязанностей

²⁸⁴ Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 78-81; Айдаров Г. Язык орхонских памятников... – С. 315-316.

²⁸⁵ Ecsedy H. Old turkic titles of Chinese origin. – P. 84; Gabain A. von. Eski Türkçenin Grameri / Türkçe çev. M. Akalin. – Ankara: TDK Yayınevi, 1988. – S. 302.

²⁸⁶ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки... – С. 131.

²⁸⁷ Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 119; Немет Ю. К вопросу об аvaraх. – С. 300.

²⁸⁸ Ecsedy H. Old turkic titles of Chinese origin. – P. 84.

и функций обладателя данного титула. Но если исходить из функций обладателя титула *tutuq* в управлении Танской империи, а также основываясь на некоторых сведениях, можно предположить, что он являлся представителем кагана на местах - наместником (возможно, военным). Свидетельством того, что обладатели данного титула занимались военными делами является упоминание в стелах “Табгачского онг-тутука”, “тутука Азов”, возглавлявших войска, сражавшиеся против каганата²⁸⁹. Это подтверждается также наличием титула *tutuq* в согдийском документе А-14 с горы Муг в выражении “письмо кагану и письмо ферганскому царю я через ферганского тутука ферганскому царю переслал”, и в согдийской легенде “Алп каган тутук” или “тутук алп кагана”, занявшей место на одном из типов монет Отрара²⁹⁰. Некоторые сведения позволяют предполагать, что титула *tutuq* использовался также в управлении крыльев каганата. В частности, в Абаканской стеле, относящейся к кругу памятников Киргизского каганата, упоминаются *Töles bilgä-tutuq*, *Töles alp-tutuq*, а в хотаносакских текстах *Töles Tinli-tutuq*²⁹¹. Как известно, в Тюркском каганате, крылья имели характер военно-административного управления. Поэтому можно считать, что титул *tutuq* также использовался в системе управления крыльев каганата. Но следует отметить, что данный титул в отличие от других, не был широко распространен как в центральном управлении каганата, так и в управлении крыльев.

В центральном управлении Тюркского каганата имелись такие присущие ему титулы, как *аууиңи*, *бууриқ*, *боула*, *өгә*, *уаруан*, *битикчи*, которые не были характерны для системы управления, как вассальных владений, так и владений, в которых правили представители династии Ашина. Считается, что титул *бууриқ* имел значение

²⁸⁹ Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 108-109.

²⁹⁰ СДГМ, 2. – С. 81-84; Бабаяров Г., Кубатин А. К новой интерпретации доисламских монет Отрара. – С. 98-100.

²⁹¹ Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. – S. 234-235; Çandarlıoğlu G. Sarı Uygurlar ve Kansu... – S. 46.

“министр”, а титул *ögä* “государственный советник, первый министр (канцлер)”²⁹². Некоторые исследователи, считают титул *buuruq* “высшим военным титулом”, имеющим значение “военачальник”²⁹³, но ошибочность этого мнения в свое время отметил Ф. Сумер²⁹⁴. По мнению С. Тезджана, *boyla* являлся титулом чиновников, в обязанности которых входило обеспечение дисциплинированного и упорядоченного передвижения племен и войск на территории государства²⁹⁵.

Обладатели данных титулов, являлись должностными лицами при дворе верховного правителя и членами государственного совета каганата. В их функции входило участие в выборе кагана, созыв курултая, принятие решений и обеспечение их исполнения. Несмотря на выполнение обладателями титулов *ögä* и *buuruq* одних и тех же функций, некоторые сведения позволяют говорить о наличии между ними определенной разницы. Так, в одном из хотано-сакских текстов имеется сведение о распределении земель в Гань-чжоу между *ögä* и *buuruq*ами, в котором обладатели этих титулов упоминаются в качестве высших сановников Ганьсуйского Уйгурского государства²⁹⁶. Однако, упоминание в этих текстах десятков чиновников с титулом *ögä*, где даже зафиксировано выражение “70 *ögä*”, говорит о том, что несмотря на большинство, которое составляли в управлении обладатели этого титула, они занимали в иерархии положение ниже *buuruqa* - министра. Можно предположить, что все племена и рода, входившие в состав Ганьсуйского Уйгурского государства, имели своего представителя в управлении, имевшего титул *ögä*. Т.е. это были главы или представители определенных племен, участвующие в государственном совете и являвшиеся старейшинами. Так, С. Гёмеч считал, что этот титул имел значение “старейшина, главный представитель”²⁹⁷. В свою

²⁹² Кормушин И.В. Тюркские енисейские... – С. 292, 297.

²⁹³ Donuk A. Eski türk devletlerinde... – S. 12.

²⁹⁴ Sümer F. Türk Devletleri Tarihinde... – S. 34.

²⁹⁵ Tezcan S. Eski türkçe *buyla* ve *baya* sanları üzerine // Türk dili araştırmaları yıllığı. – Ankara, 1977. – S. 55, 63.

²⁹⁶ Çandarlıoğlu G. Sarı Uyurlar ve Kansu... – S. 34, 43.

²⁹⁷ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 138.

очередь Махмуд Кашгари дает значение слову *ögä*, как “титул умного, возмужалого, умудренного жизнью человека из народа, по чину он следует за *тегином*”²⁹⁸.

Присущее себе место в системе титулов Тюркского каганата занимали и военные титулы. В древнетюркских памятниках встречаются военные титулы, как *sübaši*, *čabiš*, *biñabaši*, *bešyüzbaši*, *yüzbaši*, **onbaši*, из которых *čabiš* в форме *цзе-би-(ши)/гя-би-(ши)* (車鼻施, 夾畢施) упоминается в китайских хрониках в качестве титула военных чиновников каганата²⁹⁹. Титул *sübaši* имел значение “глава войска, полководец, военачальник” и в лексическом отношении являлся производным от двух древнетюркских слов *sü* “войско” и *baši* «глава, предводитель». Титул *čabiš* (*čavuš*), имевший значение “военный командир”, упоминается также и у Махмуда Кашгари, который трактует его, как “тот, кто выстраивает отряды к битве и предотвращает бесчинства со стороны войска”³⁰⁰. В Тюркском каганате и последующих за ним тюркских государствах, титул *čabiš/čavuš*, употреблявшийся в значении “командир, осведомитель”, имели и личности, отправленные послами в соседние страны (возможно с военными целями?)³⁰¹. Это титул использовался как в центральном аппарате власти, также и в управлении вассальных владений каганата, что нашло отражение в письменных источниках. Так, в китайских хрониках упоминается сын правителя Чача *На цюй цзе-би-ши* (那俱車鼻施; *... (?) *kül-čabiš*), который в 750-х гг. вместе с арабами боролся против Танской империи³⁰². В согдийском документе А-14 встречается выражение *p'rsyk sp'yš* (*pārsīk čabiš*), под которым, как считают исследователи, следует понимать «персидского полководца», пришедшего на помощь войскам антиарабской коалиции Согда, Чача и Ферганы, возглавляемой Тюркским каганатом³⁰³.

²⁹⁸ Кашгари, Махмуд. Диван лугат ат-Турк. – С. 122.

²⁹⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 250.

³⁰⁰ Кашгари, Махмуд. Диван лугат ат-Турк. – С. 350.

³⁰¹ Donuk A. Eski türk devletlerinde ... – S. 93.

³⁰² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том II. – С. 314; Chavannes E. Çin yıllıklarına göre Batı Türkleri... – S. 194-195.

³⁰³ СДГМ, 2. – С. 80-84.

Военные титулы *biṅabaši* - “тысяцкий, начальник тысячного отряда”, *beṣyüzbaši* - “командир пяти сотен, пятисотник”, *yüzbaši* - “командир сотни, сотник”, **onbaši* - “командир десятки, десятник” и др., были характерны для центральной власти и управления крыльев. Их образование от числительных кратных десяти объясняется тем, что каганат по своей сущности являлся военной империей, в основу которой была положена “десятичная система”.

Таким образом, краткий обзор титулов, имевшихся в системе управления Тюркский каганата, показывает, что титулы хотя и являлись почетными, но в своем большинстве они обозначали определенную должность. В системе управления каганата каждое из должностных лиц, в зависимости от своего положения в иерархии, имело свой определенный титул. При этом, для обозначения всех важных чиновников использовался термин *beg* (*bek*), интерпретируемый Г. Дёрфером, как «князь, глава отдельного племени или предводитель группы значительных должностных лиц»³⁰⁴. В стеле Бильге кагана имеется следующее обращение к народу и сановникам, позволяющее получить представление о том, в каком значении использовалось слово *beg*:

“[Вот] речь моя, подобного Небу, Небом поставленного, тюркского мудрого каганата. При восшествии на престол моего отца, тюркского [Бильге-кагана], теперешние тюркские беки [расположились] в следующем порядке. Позади [на западе] – *тардуш-беки* с *Кули-Чором* во главе, а за ним – *шадапыт-беки*, впереди [на востоке] – *толес-беки* с *Апа-тарканом*... во главе, а за ним *шадапыт-беки*. [Направо, на юг] ... [беки] ... (*Атаман-Таркан*, *Туньюкук Бойла Бага таркан* во главе, а за ним *Буйрук-[беки]*, во главе вождь внутренних *буйрук(ич буйрук)ов Себиг Кюль-Иркин*, а за ними *буйруки*. Столько теперь *беков* моему отцу-кагану очень ... Сделали большую хвалу с тюркскими *беками* и народом ... с и их тюркскими *беками* и их народом они

³⁰⁴ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 393.

воздали ему высокую хвалу, прославили... моего отца-кагана...»³⁰⁵.

Из этих строк становится ясным, что слово *beg* использовалось в значении чиновник, а также обозначало всех лиц, занимающих высокое положение в обществе. В стелах Уйгурского каганата (745-840) слово *beg* также использовано в качестве термина, обозначающего совокупность важных чиновников. Это можно видеть на примере выражения “*Töles begler, Tarduš begler*”, нашедшего свое отражение в Тарьят(Терхин)ской стеле³⁰⁶.

Кроме должностных лиц, именовавшихся термином *beg*, в каганате имелись и служащие – чиновники администрации, по-видимому, называвшиеся **tapuġġi*. Как известно из “Кутадгу Билиг” Юсуфа Хас Хаджиба, в Караханидском каганате в значении “служащий, чиновник” использовался термин *tapuġġi*³⁰⁷, генезис которого восходит к эпохе Тюркского каганата. Так, в бактрийских документах (Dос. N, P, Q), составленных в 639, 678, 682 годах, в одном из владений Тохаристана как Роб (совр. Руи), имеется выражение *χαγανο ταποαυλιγο υιλιτοβηρο* (др.-тюрк. бактр. письмом. *qayan tapuġliġi eltäbär* - “кагана служащий эльтебер”), а в другом документе (Dос. T), относящемся к 710 году, по отношению к тюркской принцессе использовано выражение *χοτολογο ταπαυλιγο βιλγαβο σαβοοοο* (др.-тюрк. бактр. письмом. *qutluġ tapuġliġ bilgä-sebük/sebig*)³⁰⁸. В данных выражениях слово *tapuġliġ* использовано в значении “заслуженный, имеющий заслуги; служащий”³⁰⁹. Это подтверждается и тем, что в «Махрнамаг» (IX в.) среди имен знати и чиновников Уйгурского каганата, упоминается *ċīnānċkandī xwadāy tapīyliġ saġun* “правитель Чинанчканд(Турфан)а тапыглыг сангун”³¹⁰.

³⁰⁵ Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 78-81; Айдаров Г. Язык орхонских памятников... – С. 315-316.

³⁰⁶ Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. – S. 227.

³⁰⁷ Genç R. Karahanlı devlet teşkilatı. – Ankara: TTK Basımevi, 2002. – S.157.

³⁰⁸ Sims-Williams N. From the Kushan-shahs to the Arabs. – P. 255-256; Его же. Bactrian Documents. – P. 74, 82, 88.

³⁰⁹ ДТС. – С. 535; EDT. – P. 438.

³¹⁰ Mahrnāmag. – S. 10.

Близкое ознакомление с системой титулов Тюркского каганата показывает, что в ней имелись односоставные и многосоставные титулы, состоящие из нескольких титулов и эпитетов. Если односоставные титулы, а также титулы парные и с эпитетом, в своем большинстве обозначали определенную должность, то многосоставные, в основном употреблялись как обращение к высокопоставленным лицам. Такие формы титулов можно назвать также “пышными титулами”. Точнее, по выражению В.В. Трепавлова, они являлись “пышными эпитетами”³¹¹ и использовались в письмах, которые отправлялись в соседние государства, в том числе и в Китай, или в делопроизводстве. Многосоставные титулы, например, как встречающиеся в стелах *täñritäg täñridä bolmiš türk bilgä qayan*, в бактрийских документах *qutluḡ tapuylıḡ bilgä sebük/sevig*, в китайских хрониках *цун тянь шэн да ту-цзюэ тянь ся сянь шэн тянь цзы* или *цзюй-лу шэ мо-хэ ши-бо-ло ке-хань* (從天生大突厥天下賢聖天子伊利伊廬設莫何始波羅可汗; др.-тюрк. **täñridä bolmiš uluḡ türk tört buluḡqa üzä olurmış bilgä qutluḡ tinsi illig külüg šad baḡa išbara qayan*)³¹², использовались при обращении к кагану или высокопоставленным чиновникам каганата. Примером многосоставного титула может являться титул Кутлуг Эльтериш кагана (682-691), зафиксированный в китайских хрониках в форме *тянь шэн дэ го-я-бао тянь нань ту-цзюэ шэн тянь гу-ду-лу* (*сйе-ди-ли-ши ке-хань*) (天上得果報天男突厥聖天骨咄祿(頡跌利施可汗); др.-тюрк. **täñridä bolmiš türk bilgä täñri qutluḡ (el teriš qayan)*)³¹³.

Остановившись на общей характеристике системы титулов Тюркского каганата, следует привести мнение немецкого тюрколога Г. Дёрфера, высказанного им относительно иерархии титулов каганата, выполняемых ими функций и их сущности. Исследователь в своем труде «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке» приводит следующий наиболее содержательный разбор древнетюркской системы

³¹¹ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. – С. 124-125.

³¹² Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. – С. 124-125, к. 124-125.

³¹³ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. – С. 124 - 125, к. 124.

титулов: «Среди титулов мы должны различать следующие 5 категорий:

1) Собственно **ранговые титулы**, различающие социальные градации и приблизительно соответствующие нашим (европейским – *А.К.*) дворянским титулам. Таковых было всего четыре: *a) хаҕан* «великий хан, верховный вождь всей федерации», *b) хан* «хан, вождь федерации, типа *Qiryiz* и т.п.», *c) tegin*, слово, обозначающее в узком смысле заместителя хана, т.е. наследного принца (в качестве постоянного заместителя, представитель хана при определенной акции, напротив, назывался *inäl*), а в широком смысле, объединяющее всех участников верховной коллегии, кроме самого хана: так, к примеру, в надписи в честь Кюли-чора выражение *tört tegin*, букв. «четыре тегина» обозначает «два ябгу» и «два шада», *d) bäg* «князь, глава отдельного племени или предводитель группы значительных должностных лиц». Ниже этого ранга находилась уже народная масса (*qara bodän*) ...

4) От ранговых титулов следует отличать чисто **почетные звания и названия должностной принадлежности**, такие как *tarхан* «привилегированное лицо; завоевавшее привилегию на основании особых заслуг», **bätur* «лицо, отличившееся в бою», *içräki* «придворный (при ханском дворе)», *boila* «принадлежащий к государственному совету» (... это постоянный почетный титул Тоньюкука), *šadapī* «лицо, не принадлежащее собственно ко двору, но назначенное на должность временного губернатора племени»...

5) Наконец, существовали также **особые должностные звания**, и в частности: *a) tegin (tegën)* = заместитель хана, сын или младший брат хана, часто обозначавшийся также как *kül tegin* (что-то вроде «великий наследный принц»), с элементом *kül*, встречающимся и в других названиях должностей ...

... *b)* и *c) yabyu* и *šad*. Хану и тегину в качестве нижестоящих членов верховной коллегии подчинялись по одному ябгу и по одному шаду... Они также принадлежали к ханской семье и назначались из числа братьев и сыновей хана... Они часто упоминаются в надписях (в честь Могильяна, Тоньюкука и др.), причем *yabyu*, прежде всего, в качестве главы Федерации *Töläš*, а *šad* – в качестве главы Федерации *Tarduš*...

Как то обстоятельство, что ябгу всегда упоминается в надписях... перед шадом, как и то обстоятельство, что в китайском источнике ябгу стоит выше шада, ясно показывают, что его должностное положение было выше, чем у шада... *d)* и *e)* Наряду с членами верховной коллегии существовали высокопоставленные чиновники с титулом *čor* (или *kül čor*). Они не обязательно принадлежали к правящему дому и не обладали собственной армией, но стояли во главе беков (*bäg*) государственного удела, подчиненного ябгу и шаду... *f)* Другие части страны управлялись различными вассальными князьями, исполнявшими обязанности губернаторов. Титулом определенных вассалов и вождей коалиций, как карлуки, азы и уйгуры, был *eltäbär*... Эльтеберы не принадлежали к правящему дому, но происходили из древних родов некогда самостоятельных коалиционных правителей. Им как будто бы предоставлялась определенная автономия; *g)* Гораздо менее автономным и распоряжающимся меньшими владениями, чем *eltäbär* был *tutuq(totoq)*, временный губернатор, назначавшийся ханом... *h)* По назначению верховной коллегии губернаторы контролировались тудуном (*tudun*) или кюль тудуном (*kül tudun*), занимавшим положение, аналогичное баскаку Золотой Орды, возглавлявшему политически русских вассалов монгольского хана, следившего за сбором податей и т.п... *i)* На вершине общегосударственного правительственного кабинета находился *buiñruq* «премьер-министр, великий визирь, рейхсканцлер». Кроме того, этот титул, по видимому, обозначал в общем плане всех членов министерской коллегии, к примеру, в выражении *buiñruq bäglär*... *j)* Во главе правительств отдельных правительств Федераций стоял *erkin* или *kül erkin* (например, в Федерациях *Yer-Bayırqu* и *Qarluq*); кроме того это был титул заместителя буйрука... *k)* Титул *ügä (ögä)* обозначал простых государственных советников, министров и в целом соответствовал исламскому визирю; *ügä* также входили в придворный совет, но рангом были ниже, чем *buiñruq* и *erkin*. Кроме того, они были советниками малых князей... *l)* и *m)* В качестве военных титулов встречаются также *sü başı*

«предводитель войска, генерал» и *biṇa bašī* «предводитель авангарда»³¹⁴.

Приведенное выше мнение Г. Дёрфера относительно системы титулов Тюркского каганата, если не учитывать некоторые дискуссионные моменты, в общем, является верным и отличается от мнений других исследователей своей целостностью и детальностью.

Таким образом, обзор рассмотренного выше материала показывает, что титулы, употреблявшиеся в Тюркском каганате, хотя и являлись почетными, но в своем большинстве они обозначали определенную должность. В системе управления каганата каждое из должностных лиц, в зависимости от своего положения в иерархии, имело свой определенный титул. Все титулы, имевшиеся в системе управления Тюркского каганата, можно подразделить на три группы: 1). Центральное (имперское) правительство и титулы составляющих его чиновников двора, а также глав крыльев (*qayan, qatun, qunčuy, yabyu, šad, tegin, ayučī, buyruq, inanču, boyla, ögä, toyun, ičreki, bitikči, tamyan/tamyacı, yaryučī/yaryan, čigši, sabči/elči/yalabač, beg, kül-čor, kül-erkin, šadapit, eltäbär, tudun, čor, erkin, tarqan, tutuq, sübaši, čabiš, saṇun, apa-tarqan, uruṇu, yelme eri, biṇabaši, bešyüzbaši, yüzbaši*); 2). Титулы чиновников каганата, управляющих вассальными племенами и владениями, входивших в составе Тюркского каганата (*yabyu, šad, tegin, eltäbär, tudun, čor, erkin, tarqan, tutuq, tudun*); 3). Наследственные титулы глав вассальных племен и владений, ответственных за местное самоуправление (традиционные местные титулы: *ихшид, афшин, хутав, хув/хуву, ахурпат, хар* и др., *erkin*).

3.2. Эпитеты и парные титулы

Эпитеты составляли относительное большинство в системе титулов Тюркского каганата. Этой особенностью Тюркский каганат значительно отличался от предшествовавших ему государственных объединений, основанных кочевыми этносами. Эпитеты, существовавшие в каганате, хотя по своей сущности

³¹⁴ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 393-398; Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики... – С. 81-83.

сильно отличались друг от друга, но их можно разделить на две большие группы: эпитеты, «определяющие» ранг (или степень) в пределах одного титула и «почетные» эпитеты-прозвища.

В системе управления Тюркского каганата помимо титулов существовало около 50 эпитетов, как *apa*, *alp*, *arslan*, *bayatur*, *baɣa*, *bars*, *bilgä*, *bögü*³¹⁵, *bögä*, *böri*, *boɣra*, *el*³¹⁶, **elig* (?), *inäl*, *išbara*, *kül*, **nizuk*³¹⁷, *ozmiš*³¹⁸, **qari*, *qara*, *qut*, *qutluɣ*, *sebig*, *sim*³¹⁹, *sir*, *silig*, *tardu*, *toɣa*, *tun*, **tör(ü)lüg*³²⁰, **uluɣ*, *xumar*³²¹,

³¹⁵ Данный эпитет встречается в связи с Капган каганом (691-716) в китайских хрониках в качестве составной части его титула или имени в форме *Мо-чжо* (默啜; др.-тюрк. **Bögü-čor*), а также в форме *bögü* в стеле Туньюкука (*Eski T'ang tarihi*. – S. 225). Слово *bögü* имело лексическое значение “волшебство; мудрый, мудрец; колдун” (*EDAL*. – P. 368; СИГТЯ: Пратюркский язык-основа. – С. 617-618).

³¹⁶ Слово *el* включено в ряд эпитетов на основании упомянутых в древнетюркских стелах прозвищ кагана и хатун как *elteriš* (*el+teriš* – «создатель (досл. собиратель) эля-государства») и *elbilgä* (*el+bilgä* – «мудрость эля-государства»), а также титула *'yrtkyn* (*el-tegin*), нашедшего отражение в легенде на одном из типов монет Чача VII-VIII вв. (Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 44).

³¹⁷ Данный эпитет хотя и не упоминается в древнетюркских памятниках, но в китайских хрониках перед титулами ряда чиновников каганата встречается слово *ни-шу* (泥孰), которое можно восстановить в форме *nizuk* на основании чтения иероглифов для эпохи Тан, которыми передано данное слово, как *nej^h-dzuwk* (*Eski T'ang tarihi*. – S. 380). Кроме того в сочинении “Махрнамаг” (IX в.), среди титулов уйгурских сановников, упомянут титул *nyjwk s'ngwn 'wg'* (*nizuk saɣun-ögä*) (*Mahnāmag*. – S.10). Некоторые исследователи связывают первую часть имени правителя Бадгиса Низек/Низук-тархана (690-е гг.), упомянутого в арабских источниках, с восточноиранским словом *nizuk* “воин, завоеватель” (*Harmatta J., Litvinsky V.A. Toharistan and Gandhara...* – P. 374-375).

³¹⁸ Данный эпитет встречается в связи с Тюркским каганатом в стелах в имени *Ozmiš-tegin*, в китайских хрониках в форме *у-су-ми-ши ке-хань* (烏蘇米施可汗; **ozmiš-qayan*) (*Rybatzki V. Titles of Turk and Uigur Rulers...* – P. 229-230). Ф. Рыбацки связывает слово *ozmiš* с древнетюркским глаголом *oz-* “обгонять, перегонять, опережать; перекрывать; превосходить”, а также отмечает наличие в уйгурских документах имен *ozmiš tanuq*, *ozmiš toyrul* (*Rybatzki V. Titles of Turk and Uigur Rulers...* – P. 230).

³¹⁹ Данное слово встречается в стеле Туньюкука в составе имени одного из представителей племени Тонгра в форме *toɣra sima*. Ф. Рыбацки, восстанавливая данный термин в форме *simä*, отождествляет его с тохарским личным именем *simā* (*Rybatzki V. Titles of Turk and Uigur Rulers...* – P. 220). На наш взгляд, слово *sim* является эпитетом, который нашел отражение в легенде на монетах ябгу Тохаристана на пехлеви в форме *sym* (*sīm*) (*Harmatta J., Litvinsky V.A. Toharistan and Gandhara...* – P. 372), а также в имени одного из

yeñçü, *yollu*³²², **уиқиқ* и др. Данные эпитеты встречаются в качестве составной части имен и титулов представителей правящей верхушки и чиновников Тюркского каганата, в основном в древнетюркских памятниках и китайских хрониках, а незначительная часть в источниках на других языках.

Итак, на каком основании данные термины можно считать эпитетами? В чем заключались функции эпитетов, с какими факторами было связано их появление и каковы мнения исследователей по этому поводу? Как известно, кроме сведений письменных источников, в которых в определенной степени нашла свое отражение иерархия титулов, одним из важных критериев при определении места какого-либо титула в иерархии являются сведения о последовательности получения одной и той же личностью различных титулов. Например, какой титул имела личность до восшествия на престол, и какой она

эмиров Саманидов Симджур(*Sim-çor*)a (Sümer F. *Türk Devletleri Tarihinde...* – S. 549), тюрка по происхождению. Возможно, этот эпитет связан с широко распространенным в иранских языках словом *sem/cim* в значении “серебро”, которое, как известно, является греческим заимствованием (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. I. – С. 231).

³²⁰ Этот эпитет встречается в китайских хрониках как составная часть титулов представителей правящей верхушки каганата, например, *T'u-li k'o-han* (突利可汗; **törülüg-qayan*; др.-кит. *dwət-li^h k^ha'-yan^h*), *Tu-liu ch'o* (咄六啜; **törülüg-çor*; др.-кит. *tuət-luwk tɛ^hwiat*) (Eski T'ang tarihi. – S. 357, 397), а также в “Махрнамаг” в форме *twrlwg 'p'* (*türlüg āpā/*törlüg-apa*) (Mahnāmag. – S.10). Эти примеры и наличие таких выражений как *törülüg-toqulu*–“справедливый, соблюдающий закон” в уйгурских документах, *törülüg kiši*–“сведущий в законах, знающий порядки” в “Кутадгу билиг” (ДТС. – С. 582), позволяют восстанавливать его древнетюркскую форму как **tör(ü)lüg* и интерпретировать как “знающий закон - *төрю*; справедливый (т.е. следующий закону-*төре*)”.

³²¹ Данный эпитет зафиксирован в китайских хрониках в связи с событиями 626 года в форме *wu-to ch'o* (烏沒啜; **xumar-çor*) как титул одного из чиновников каганата из племени *A-шу-да* (см. Eski T'ang tarihi. – S. 131). Этот эпитет зафиксирован в форме *xumar-çor* в сочинении “Махрнамаг” (Mahnāmag. – S. 11). Также в системе управления Караханидов, Саманидов и Газневидов имелся титул *xumar-tegin* (Sümer F. *Türk Devletleri Tarihinde...* – S. 546).

³²² Слово *yollu* относится нами к эпитетам на основании имени *Yollu-tegin*, автора стел Кюль Тегина и Бильге кагана. Кроме того, Терхинской стеле Уйгурского каганата, перед Бумын каганом, в качестве одного из основателей древнетюркского государства, упоминается имя *Yollu-qayan*, которое, по мнению Ф. Рыбацки, образовано от древнетюркского слова *yol* “удача, успех; счастье”(Rybatzki V. *Titles of Turk and Uigur Rulers...* – P. 211-212).

получала, став верховным правителем. В принципе такой же критерий можно применять и в определении разницы между эпитетами. Так, в китайских хрониках приводятся подробные сведения о том, какие титулы имел каждый верховный правитель, являясь царевичем, и какой он получал по восшествии на престол в качестве кагана. Подобные сведения частично нашли свое отражение и в древнетюркских рунических памятниках.

Следует отметить, что большинство исследователей, занимавшихся в той или иной степени историей Тюркского каганата, не выделяют эпитеты в отдельную категорию и относят их к титулам. Это характерно даже для исследований, в которых рассматривается древнетюркская система титулов³²³. Только в трудах П. Пельо, А. Бомбачи, И. Тоган и Х.Ш. Усер, можно увидеть попытки сделать различие между титулами и эпитетами. Так, А. Бомбачи, одного из приближенных Восточно-тюркского кагана Эль-кагана по имени *Ху-лу да-гуань Ту-йу-хунь* (胡祿達官吐谷浑; **Uluγ-tarqan Toγun*)³²⁴, считает чиновником, имеющим титул *tarqan*, а слово *uluγ* в его имени трактует в качестве прозвища³²⁵. И. Тоган, имя *Мо-чжо* (默啜), зафиксированное в «Тан шу», восстанавливают в форме *bögü-čor* и слово *bögü* интерпретируют в качестве эпитета, встречающегося в стеле Туньюкука также в связи с Капган каганом³²⁶.

Считать упомянутые термины эпитетами позволяют, во-первых, содержание некоторых сведений письменных источников, а во-вторых, такой фактор, что эти слова не упоминаются самостоятельно в связи с каким-либо чиновником и в своем большинстве состоят из слов, обозначающих качества и свойства, а также постоянно занимают место перед каким-либо титулом. Например, *kül-tegin* (“главный царевич, наследный принц?”), *kül-tudun* (“главный наместник”), *Tun yabu-qayan* (“первый ябгу-каган”), *apa-tarqan* (“великий тархан -

³²³ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 129-142.

³²⁴ Eski T'ang tarihi. – S. 169.

³²⁵ Bombaci A. The Husband of Princess Hsien Li Bilgä // Studia Turcica. – Budapest, 1971. – P. 112, 115-116; Eski T'ang tarihi. – S. 168-169.

³²⁶ Eski T'ang tarihi. – S. 225.

главнокомандующий”) и т.п. Наличие одного и того же эпитета перед несколькими титулами, а также титулов с несколькими эпитетами позволяет говорить о том, что при их помощи в иерархии каганата образовывались определенные титулы. Кроме того при посредстве эпитетов титулы взаимно различались друг от друга или ранжировались. Употребление эпитетов с различными титулами, например, *bayatur: bayatur-qayan, bayatur-yabyu, bayatur-tudun, bayatur-tarqan; tun: tun-qayan, tun-yabyu, tun-tudun; inäl: inäl-qayan, inäl-tarqan; küil: küil-čor, küil-erkin, küil-tudun* и др., показывает что обладатели одного и того же титула в зависимости от эпитета отличались своим положением и рангом. Обращает на себя внимание, что титулы верховных правителей обоих крыльев каганата различаются друг от друга. Это указывает на то, что они в зависимости от своего влияния и авторитета имели соответствующий титул с эпитетом. Так, перед титулами верховных правителей Восточного и Западного Тюркских каганатов заняли место различные эпитеты. Например, **El/Elig?-qayan* (Бумын; 551-552), **Qara-qayan* (552-553), *İšbara-qayan* (581-587), **Ara-qayan* (Турум; 684-687), *Tardu-qayan* (576-603), *Alp-qayan*³²⁷, **ev-qayan*³²⁸, **Uluγ-qayan* (Ашина Хэлу; 651-657), *Tun-qayan*³²⁹, **Tulu-qayan* (603-609), **Yenčü-qayan, Elteriš-qayan* (682-691), *Qarγan-qayan* (691-716), *Inäl-qayan* (716), *Bilgä-qayan* (716-734) и др. Данное положение подтверждается и эпитетами, занявшими место перед титулами западно-тюркских каганов, правивших в 620-700 гг., как *Tun-*

³²⁷ Данный титул с эпитетом нашел свое отражение в легендах согдоязычных монет, чеканенных тюркскими правителями Отрара в VII-VIII веках, в форме *'lprw x'γ'n twtwy* (“Алп кагана тутук”) (см. Бабаяров Г., Кубатин А. К новой интерпретации доисламских монет Отрара.– С. 98-100), и не относится к какому-либо определенному кагану. Прежде считалось, что монеты данного типа были чеканены со стороны одной из ветвей рода Ашина, правившей в Фергане в VII-VIII веках (см. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. – С. 59, 341-342).

³²⁸ Данный титул с эпитетом зафиксирован в китайском произведении “Тун дянъ” в форме *и-кэхань* (遺可汗) и не связан с каким-либо определенным правителем каганата (см. Таşağıl А. Gök-Türkler I. – S. 96-97, 113-114).

³²⁹ Хотя данный титул с эпитетом не встречается в древнетюркских стелах и китайских хрониках, но он нашел отражение в согдийской легенде *βγυ twwn x'γ'n* (“Божественный Туун-каган”), имеющейся на одном из типов монет Западно-Тюркского каганата, чеканенных в Чачском оазисе (Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 18-19).

yabyu, **Bayatur-yabyu*, *İšbara-yabyu*, **Tulu-yabyu*, **Yençü-yabyu*, **Sir-yabyu*. Наличие эпитетов и перед титулами, занимавшими в иерархии низшие ступени, (напр. *tun tudun*, *bayatur tudun*, *kül tudun*) свидетельствует о наличии в каганате определенной системы.

Уместно отметить, что имена таких верховных правителей каганата как Мухан каган (кит. 木桿 *Му-хань*; 553-572), Таспар каган (кит. 佗鉢 *То-бо*; 572-581), Нивар каган (кит. 沙鉢略 *Ша-бо-ло*; 581-587), Нири каган (кит. 泥利 *Ни-ли*; 599-603), Чура каган (кит. 處羅 *Чу-ло*; 603-610), зафиксированные в согдоязычных Бугутской (588) и Илийской (590-е гг.) стелах Первого Тюркского каганата, трудно этимологизировать на тюркской основе. Мы не можем окончательно ответить на то, являются ли они также подобно именам других каганов, упомянутых в китайских хрониках и древнетюркских стелах, эпитетами или титулами, или же наоборот? Если исходить из такого факта, что титулы и эпитеты тюркских каганов в согдоязычных письменных памятниках, относящихся к Тюркскому каганату, в большинстве случаев передаются не в оригинале, а в переводе (напр. *tänri* = *βayī* (божественный), *qut* = *farn* «благодатный/священный»), то не исключено, что упомянутые имена являются их согдийскими эквивалентами.

В свою очередь требует объяснения тот факт, что в большинстве случаев, верховные правители имели различные друг от друга эпитеты. Возможно, что каждый правитель, принимая эпитет, старался не повторять эпитеты других, в особенности своего предшественника или же в процессе своего избрания каждый каган получал различные эпитеты, исходя из достигнутого им до вступления на трон положения и проявленных качеств. Такое положение, по-видимому, объяснялось тем, что представители правящей верхушки каганата, как следствие проявления ими в зрелости *er erdämi* (“мужская доблесть/мужское достоинство”) приобретали *er atī* (“мужское имя/мужской титул”) и начинались называться не личным именем, полученным в детстве, а прозвищем/эпитетом или титулом.

Как известно, в Тюркском каганате царевичи – сыновья, младшие братья и племянники кагана по мужской линии имели

титул *tegin*. Согласно сведениям китайских хроник, царевици, имевшие свое личное войско и получившие в качестве своего удела какую-либо область или племя, приобретали титул *šad*. Подобно имперским титулам, как *qayan*, *yabyu*, *šad*, перед титулом *tegin* также употреблялись различные эпитеты. В древнетюркских стелах в связи с царевицами зафиксированы титулы *kül-tegin*, *toŋa-tegin*. Подобные титулы нашли свое отражение и в китайских хрониках в форме *кюе де-ле* (闕特勒; **kül-tegin*), *тун-го де-ле* (同俄特勒; **toŋa-tegin*). В данных хрониках кроме них зафиксированы также другие эпитетные формы титула *tegin*, как *гу-ду-лу те-цинъ* (骨咄绿特勒; **qutlu-tegin*), *цзя-би те-цинъ* (夾畢特勒; **čabiš-tegin*), *ша-бо-ло те-цинъ* (沙鉢羅特勒; **išbara-tegin*), *сйе-ли те-цинъ* (頡利特勒; **el/ilik-tegin*)³³⁰, а также *дэ-лэ ну-ло* (特勒僕羅; **tegin-boŋra*), титул царевица из династии Тохаристанских ябгу³³¹. Кроме того, следует отметить наличие титула *el-tegin* в согдийской легенде на одном из типов монет Чачских тегинов³³², упоминание в арабоязычных источниках тюркского царевица по имени *یل تکین / یرتکین* *yel/el-tegin*, правившего в доисламское время в Бухаре, а также в китайских хрониках царевица *уе-ли т'е-ле* (也里特勒; **el-tegin*), построившего одноименный буддийский храм в Кашмире³³³. Как видно из приведенных выше данных, титул *tegin* нашел свое отражение в источниках с семью различными эпитетами. Владелец какого же эпитета являлся царевицем высшего ранга? Так, Г. Дёрфер, исходя из имени (титула) царевица Кюль Тегина, сыгравшего большую роль в политической жизни Тюркского каганата в 700-730-х гг., считает, что царевици, имевшие титул *kül-tegin* являлись “главным тегином”, т.е. кем-то вроде “великого наследного принца”³³⁴. Учитывая, что посредством присоединения эпитет

³³⁰ Eski T'ang tarihi. – S. 90, 128, 206.

³³¹ Beckwith I.C. The Tibetan Empire in Central Asia. – P. 89-90.

³³² Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 44, 51.

³³³ Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. – Leiden, 1938. – S. 142-143; Камолиддин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии. – Ташкент: Шарк, 2006 – С. 98-99; Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... – P. 242-245; Ekrem E. Hsüan-Tsang Seyahetnamesi'ne göre Türkistan... – S. 161.

³³⁴ Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. II. – S. 393.

kül присоединялся к определенному титулу положение (ранг) его обладателя становилось самым высоким по отношению к другим чиновникам, имевшим тот же титул (напр. *kül-čor*, *kül-erkin*), то данное мнение кажется не лишним основания. Хотя в источниках в связи с Тюркским каганатом титул *inäl-tegin* не встречается, но некоторые факты позволяют предполагать, что эпитет *inäl* употреблялся с титулом *tegin*. В произведении “Мафатих ал-‘улум” Абу Абдаллаха ал-Хорезми среди тюркских эмиров, служивших Саманидам, упоминается *Yinal-tegin* и отмечается, что *yinal-tegin* является титулом наследника престола у тюрков³³⁵. Ал-Хорезми пишет по этому поводу следующее: «*йинал-тегин* – это наследник *джаббуйи* (т.е. *jabyu*, в данном случае титул верховных правителей огузов и карлуков – А.К.), и у каждого предводителя тюрков – царя или дехкана – есть *йинал*, то есть наследник»³³⁶. Данный эпитет употреблялся также с титулом *qayan*. В древнетюркских стелах встречается титул *inäl-qayan*³³⁷, являвшийся, по мнению Р. Жиро, титулом наследника престола у восточных тюрков³³⁸. Приведенные выше сведения позволяют говорить, что эпитеты *kül* и *inäl*, служившие для повышения положения (ранга), образовывали более высокие титулы, чем другие эпитеты. Например, из сведений китайских хроник и древнетюркских памятников известно, что после присоединения к титулу *čor* эпитета *kül*, образовывался один из высших титулов каганата, как *kül-čor*. Подобное характерно и для титула *erkin* с данным эпитетом. Так, титул *kül-erkin* упоминается среди титулов *ičreki* (“придворные сановники”) - чиновников центрального правительства каганата³³⁹.

Следует обратить внимание на тот факт, что эпитеты, в отличие от титулов, в своем большинстве этимологизируются на тюркской языковой основе. Например, эпитеты *apa*, *tun*, *uluu* связаны с древнетюркскими словами *apa* или *aba* “предок, глава”, *tun* “первый, главный, первенец” и *uluu* “большой,

³³⁵ Sümer F. *Türk Devletleri Tarihinde...* – S. 552.

³³⁶ Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 95, прим.118.

³³⁷ Абдурахмонов Ф., Рустамов А. *Қадимги туркий тил.* – Б. 77.

³³⁸ Doerfer G. *Türkische und mongolische...* Bd. II. – S. 395.

³³⁹ Tekin T. *Orhon yazıtları...* – S. 78-81; Айдаров Г. *Язык орхонских памятников...* – С. 315-316.

великий, старший”³⁴⁰, которые возможно, указывают на то, что они присваивались личностям исходя из их возраста и места, занимаемого ими в обществе. В данный ряд можно включить и эпитеты *qara* “большой, великий, старший”, *qari* “пожилой, старик”. Эпитеты *arslan* «лев», *böri* «волк», *elig* “горный козел, олень”, *boyra* “двугорбый верблюд”, *toḡa* “леопард, тигр”, *tulu* «мифическая птица (возможно огромная и сильная)» связаны с животными, которые в качестве священных заняли место в религиозных воззрениях древних тюрков, благодаря таким своим качествам, как храбрость, стойкость, выносливость и сила. Такие эпитеты как *uenc̣ü*, *uquq* связаны с драгоценными камнями и имели значение “жемчуг, жемчужина” и “драгоценный камень, драгоценность” соответственно. Однако, первое слово возможно связано с древнетюркским словом *inč̣ü/enč̣ü*, имеющим значение «владение, земля и челядь, пожалованные правителем (начальником)»³⁴¹. Наличие в системе титулов Тюркского каганата таких эпитетов, связанных с названиями драгоценных камней и металлов, как *uenc̣ü* («жемчуг, жемчужина»), *uquq* («драгоценность, драгоценный камень»), *sim* («серебро»), ставит перед исследователями вопрос о том, имелись ли в то время эпитеты, связанные с золотом (др.-тюрк. *altun*)? Хотя в официальных стелах, название данного металла в качестве составной части имен и титулов отсутствует, но оно упомянуто в составе таких титулов, как *altun tamγan-tarqan* в стеле Ихе-Ашете (724 г.) и *altun tay-sänjün* в стеле Чигши Багатура³⁴², свидетельствующих об его употреблении в качестве эпитета. Примером этого могут быть и титулы *Altun čor-saḡun*, *Altun-Tarqan*, зафиксированные в согдийских надписях из Семиречья³⁴³.

По-видимому, эпитеты *alp*, *bilgä*, *bayatur*, *kül*, которые широко употреблялись в иерархии Тюркского каганата, присваивались личностям, проявившим храбрость и героизм в боях. К примеру, эпитеты *alp*, *bayatur* имели значение “герой,

³⁴⁰ Кашгари, Махмуд. Диван лугат ат-Турк. – С. 98-99, 842.

³⁴¹ EDAL. – P. 301.

³⁴² Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 138.

³⁴³ Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Семиречья // Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 386

богатырь; отважный, храбрый, смелый”³⁴⁴ и употреблялись не только перед титулами, занимавшими высшие ступени иерархии, но и перед таким титулом, как *tudun*, стоящим внизу иерархической лестницы³⁴⁵. По мнению Х. Дадабаева синонимом термина *alp* служило слово *bögä* – «герой, богатырь»³⁴⁶. Эпитет *kül*³⁴⁷ является производным от древнетюркского слова *kü* в значении “слава, молва” и можно отметить такие его варианты, как *küli*, *külüg* “известный, славный, знаменитый”³⁴⁸. В свою очередь, Дж. Клосон рассматривает термин *kül* в качестве титула, а термин *külüg* как прилагательное в значении “знаменитый”³⁴⁹. Однако то, что в китайских источниках перед титулом *чжо* (嚼; *čor*) встречается эпитет *цуй-лу* (闕律; **külüg*), а в древнетюркских стелах имеется только вариант *kül čor*, позволяет предполагать о единстве терминов *külüg* и *kül*.

В ряду эпитетов, связанных с военным искусством можно включить и эпитет *tardu*, который впервые упоминается в связи с Тарду каганом (576-603) сыном Истеми и передается в китайских хрониках в форме *Да-ту* (達頭), а в греческих источниках как *тарδου*³⁵⁰. Ряд исследователей восстанавливают имя этого кагана в форме *Tarduš* и считают, что оно означало “правитель Западного крыла”. Однако, вышеупомянутые примеры и наличие имени *trδw x’γ’n* (*Tardu qaγan*) в легенде на одном из типов монет Западно-Тюркского каганата, чеканенных в Чаче, указывают на то, что его древнетюркской формой было именно *tardu*³⁵¹. Некоторые сведения более позднего времени, также подтверждают, что древнетюркской формой данного

³⁴⁴ Кашгари, Махмуд. Диван лугат ат-Турк. – С. 80, 172.

³⁴⁵ Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 57,59.

³⁴⁶ Дадабаев Х. Военная лексика... – С. 13.

³⁴⁷ Некоторые исследователи этот эпитет, очень часто встречающийся в древнетюркских стелах, восстанавливают в форме *köl* (ДТС. – С. 313). Однако, учитывая древнетюркскую орфографию, т.е. обозначение гласных *ö* и *ü* одним знаком, его можно читать как *kül*, так и *köl* (Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 86, 103).

³⁴⁸ ДТС. – С. 322, 326.

³⁴⁹ EDT. – P. 715, 717-718.

³⁵⁰ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue ... – P. 227; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica II... – S. 299.

³⁵¹ Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 24.

титула была именно *tardu*. Так, среди имен и титулов, занявших место в одном из уйгурских юридических документов монгольской (чингизидской) эпохи из Турфана, встречается слово *tardu*³⁵². По нашему мнению, данный эпитет был образован от глагола *tar-* “распускать, разгонять, рассеивать; распространять (славу)” (возможно, “завоевывать запад”) и предположительно имел значение “рассеивающий (врагов); распространяющий (славу), распространяющий на запад (власть), захватывающий запад”. Однако не исключена возможность того, что эпитет *tardu* связан со среднеиранским словом *trw* (в 3-м лице *trwyd*) - “захватчик, завоеватель”³⁵³. Слово *tardu* встречается в китайских хрониках в связи с Западно-Тюркским каганатом в именах представителей его правящей верхушки, как *Кюе Да-му шэ* (達頭設; **Kül Tardu-šad*), *Ну-шу Ду-лу Да-му ке-хан* (泥孰咄陸達頭可汗; **Nizuk Tulu Tardu-qayan*; 630-е гг.), а также ябгу Тохаристана, как *Да-му шэ* (達頭設; **Tardu-šad*; 620-е гг.) и *Гу-ду-лу Тун Да-му* (骨咄绿噉達頭; **Qutluq tun-tardu*; 720-е гг.)³⁵⁴. Из них также известно, что сын правителя каганата *Сüe Янь-то* (627-647) *И-нань* кагана также имел титул *Да-ду шэ* (達頭設; *Tardu-šad*; 630-640)³⁵⁵. Сведение “Тун дянъ” о том, что *Ду-лу ке-хань* (咄陸可汗; **Tulu-qayan*), был (прежним) *Ну-шу* (泥孰; **Nizuk*), в то же время был объявлен *Да-му ке-ханем* (達頭可汗; **Tardu-qayan*), а также факт присвоения восточно-тюркским каганом *Шу-би* (始畢; 609-619) китайскому полководцу Лянь Ши-ду, служившему каганату, за борьбу против Танской империи титул *Da-du Pi-jia Ke-han*

³⁵² Moriyasu T. On the Uighur Buddhist Society at Čiqtim in Turfan during the Mongol Period // Splitter aus der Gegend von Turfan. Festschrift für Peter Zieme anlässlich seines 60. Geburtstags / Herausgegeben von M. Ölmez, S.-C. Raschmann. İstanbul – Berlin, 2002. – P. 160, 162.

³⁵³ Durkin-Meisterernst D. Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. – P. 326.

³⁵⁴ Таşağıл А. Gök-Türkler II. – S. 65, 93; Таşağıл А. Gök-Türkler I. – S. 91; Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). – М.: Наука, 1991. – С. 68, 202.

³⁵⁵ Таşağıл А. Gök-Türkler II. – S. 34-36.

(但度毗伽可汗; **Tardu Bilgä-qayan*)³⁵⁶, также подтверждает, что термин *tardu* являлся эпитетом.

Употребление эпитета *tardu*, в основном только перед такими имперскими титулами как *qayan* и *šad*, дает основание предполагать о том, что в Тюркском каганате имелись эпитеты, которые подобно некоторым титулам, были присущи только членам его правящей династии. Данное предположение подтверждается и тем, что эпитеты *bilgä*, *išbara*, *tardu*, занимают место только перед титулами кагана и царевичей. Наличие такого большого числа эпитетов в системе титулов каганата, возможно связано с тем, что некоторые из них, подобно титулам, относились только к членам правящей династии или другим группам чиновников. В частности, это характерно для термина *el*, означавшего “государство” и употреблявшегося в качестве эпитета, как перед титулами, так и в составных эпитетах. Эпитет *el*, наряду с тем, что входил в состав таких почетных эпитетов как *el-teriš*, *el-bilgä*, в основном, употреблялся перед титулами, занимавшими высшие ступени иерархии, например, *el-qayan*, **el-šad*, *el-tegin*, *el čor-tegin*. Данный факт дает возможность считать его, подобно *tardu*, эпитетом, присущим членам династии Ашина, т.е. имперским эпитетом. К таковым можно отнести также эпитеты *toŋa* (**Toŋa-šad*, *Toŋa-tegin*), *yuquq* (*Tun-yuquq*, *Yuquq-šad*) и *yenčü* (**Yenčü-qayan*, *Yenčü-bilgä*, *Yenčü el-tegin*³⁵⁷). Не исключено, что слово *sevig*, имеющее значение “любимый(-ая), любящий(-ая); милый(-ая)”, являлось одним из эпитетов, присущих представителям дома Ашина или знати близких к нему племен. Этот эпитет в форме *bilgä-sevig* или *sevig-qatun* упоминается в связи с царевнами из правящей династии каганата. Если некоторые из царевен Тюркского и Уйгурского каганата упоминаются под титулами *qutluŋ tapıyluŋ bilgä-sebük* и **bilgä sevig-qatun*, то подобно им титул старшей

³⁵⁶ Taşağıl A. Gök-Türkler I. – S. 66, 174; Drompp M.R. Chinese “Qaghans” appointed by the Türks // *T’ang studies*. – Taipei, 2007. – №25. – P. 190.

³⁵⁷ Данный эпитет занял место в легенде на одном из типов древнетюркских монет, чеканенных в Чаче, в форме *ynsw’yrtkyn xwβ* - “правитель Йенчу эль-тегин” (Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 44). Хотя согдийская орфография позволяет читать второе слово в легенде как *el*, так и в форме *er*, но учитывая, что в большинстве источников титул *tegin* встречается с эпитетом *el*, кажется более приемлемым читать его как *el*.

жены Бильге кагана (716-734), являвшейся дочерью Туньюкука из племени Ашида, зафиксирован в китайских хрониках в форме *со-фу/но-фу ке-ха-тунь* (娑匐可賀敦; **sevig-qa[γa]tun*)³⁵⁸. Данный эпитет упоминается также в составе титулов придворного чиновника *sevig kül-erkin* и старейшины уйгурского племени Пугу *со-фу сы-ли-фа* (娑匐俟利發; **sevig-eltäbär*). Обращает на себя внимание, что эпитет *išbara*, подобно упомянутым выше эпитетам, чаще употребляется перед титулом *qayan*, частично же перед титулом *tegin*. При этом, хотя он и употребляется с другими титулами, но это преимущественно военные титулы, как *čor*, *tarqan*, *saɣun* и др.³⁵⁹. Наличие такого числа эпитетов в системе титулов каганата объясняется тем, что около 10 эпитетов были присущи только членам династии Ашина, одна их часть относилась к военной сфере, а другая имела религиозную сущность, остальные же служили для различения рангов. К тому же, их значительная часть попросту могла быть почетными эпитетами.

Не исключено, что в Тюркском каганате имелись эпитеты, которые по своей сущности были схожи с употребляемыми в системе управления арабо-мусульманских, в том числе, многих неарабских мусульманских государств, лакабами и куньями, связанными с государством, религией и общиной. Например, как арабские эпитеты *низам ад-давла* “устроитель державы”, *шамс ад-дин* “солнце религии, веры”, *фахр ал-милла* “гордость общины”, которые имелись у представителей династии Караханидов, наряду с их тюркскими титулами³⁶⁰. Возможно, титулы и эпитеты, начинавшиеся со слова *el* в значении “государство, держава”, по своей сущности схожи с ними. К таковым следует отнести такие эпитеты Тюркского каганата, как *elteriš* “собравший государство (воедино)”, *elbilgä* “мудрец государства”, а также употреблявшиеся в Уйгурском каганате эпитеты *eletmiš* “создавший государство”, *eltutmiš* “(прочно) державший государство”³⁶¹.

³⁵⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 273. .

³⁵⁹ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 135.

³⁶⁰ Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата. – С. 23-31.

³⁶¹ Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. – S. 226-227.

Наличие в системе управления Тюркского каганата незначительного числа эпитетов и титулов, связанных с религией, скорее всего, было связано с тем, что каганат по своей сущности был больше военным государством, чем религиозным. Наличие в древнетюркских стелах, китайских хрониках и согдоязычных легендах монет Западно-Тюркского каганата эпитетов *tänridä bolmiš* “небом рожденный/на небе ставший [живым]», *tänri qutluγ* «обладатель божественной благодати», *βayī* “божественный”, *farn βayī* “(обладатель) божественной благодати” свидетельствует о том, что религиозные эпитеты, по крайней мере, имелись у верховных правителей – каганов. При этом, в системе управления каганата отсутствовали титулы и эпитеты, напоминающие арабские эпитеты, образованные со словом *милла* “община; нация, народ”.

Эпитеты *išbara*, *baγa*³⁶², *nizuk*, хотя и являлись заимствованиями из языков нетюркоязычных этносов, но некоторые факты свидетельствуют о том, что их лексическое значение было известно в древнетюркском обществе. По-видимому, эпитеты *alp*, *bilgä*, *sevig*, *qutluγ*, имевшие значение “отважный, храбрый”, “мудрый”, “любимый, милый”, “обладающий благодатью” и связанные с личными качествами, являлись почетными и не использовались для ранжирования в пределах одного титула. Кроме того, в источниках практически нет никаких указаний на то, что они служили для различения рангов. Возможно, к ним относятся также эпитеты *arслан*, *elig*, *bars*, *boγra*, *böri*, *bars*, *toγa*. Из сведений китайских хроник становится известным, что эпитеты *ху-лу* (胡祿; **uluγ*), *тун* (統; **tun*), *кюе* (闕; **kül*), *мо-хэ* (莫賀; **baγa*), *а-бо* (阿波; **apa*), *да-ту*

³⁶² Некоторые исследователи считают, что данный эпитет является заимствованием из согдийского слова *βγ* “бог, господин” (ДТС. – С. 77). Т. Текин слово *baγa*, интерпретируемое им как «малый титул», связывает с монгольским словом *ba'a*, имеющим значение «малый» (Tekin Т. *Orhon yazıtları...* – S. 239; Donuk А. *Eski türk devletlerinde...* – S. 4). Но тот факт, что эпитет *baγa* занял место в титуле *baγa-qayγan*, который являлся тронным титулом многих правителей каганата, а также в титуле влиятельного главного министра Туньюкука-*boyla baγa-tarqan*, свидетельствуют о его высоком положении. Это позволяет предполагать, что данный эпитет был заимствован из согдийского в значении “божественный, господин”, а затем дополнительно приобрел значения “главный, первый”.

(達頭; **tardu*), служили для различения рангов (степеней) в пределах одного титула. Однако, подобные сведения относительно эпитетов, связанных с качествами человека, как хэ (合; **alp*), бу-гя (毗伽; **bilgä*), со-фу (娑匐; **sevig*), гу-ду-лу (骨咄绿; **qutluγ*) или названиями животных, как а-си-лань (阿悉爛; **arslan*), ба-сай (拔塞; **bars*), фу-линь/бу-ли (附鄰/步利; **böri*), ну-ло (僕羅; **boγra*), тон-га (同俄; **toγa*), практически не встречаются. Исходя из этого, их следует включить в ряд почетных эпитетов. По-видимому, почетные эпитеты присваивались за определенные услуги и в определенной степени служили повышению авторитета или положения их обладателя в обществе или системе управления. Однако, их функция ранжирования титулов не была такой категоричной как у других. Напротив, имеются данные, позволяющие считать, что эпитеты *apa*, *tun*, *uluγ*, *qara*, имевшие значение “главный, большой, первый”, присоединяясь к определенному титулу, образовывали новый титул, который занимал в иерархии более высокое положение, чем подобный титул как сам по себе, так и с другими эпитетами. Положение обладателя титула *apa-tarqan* в иерархии было более высоким, чем обладателей титулов *tarqan*, *tun-tarqan*, *bayatur-tarqan*, *arslan-tarqan*, *inäl-tarqan*. Это подтверждается сведениями древнетюркских стел и китайских хроник о присвоении титула *apa-tarqan* чиновникам, занимавшим высокое положение. Так, в китайских хрониках заняло место сведение о том, Гу-ду-лу (骨咄绿; тюрк. *Qutluγ El-teriš*) каган присвоил своему соратнику А-ши-дэ Юань-чженю (阿史德元珍; тюрк. *Tun-yuquq*) титул а-бо да-гань (阿波達干; **apa-tarqan*) и поручил ему самолично управлять всеми военными делами³⁶³.

Рассматривая титулы, имеющие в своем составе эпитет *kül*, как *kül-tegin*, *kül-čor*, *kül-erkin*, становится ясным, что они занимали более высокое положение, чем *tegin*, *čor*, *erkin* или те же титулы, но с другими эпитетами, как *el-tegin*, *toγa-tegin*, *tun-čor*, *čupan-čor*, **nizuk-erkin*, *čupan-erkin*. Скорее всего, это было связано с тем, что данный эпитет имел значение “известный, знаменитый”. Если эпитеты *apa*, *tun*, *uluγ*, *qara*, *kül* имели

³⁶³ Liu Mau-Tsai. Çin kaynaklarına göre Doğu Türkleri. – S. 215.

близкое друг к другу значение, то какова была разница между ними, и какой из них был самым высоким? Но отсутствие в письменных источниках достаточных сведений по этому поводу, позволяет лишь ограничиться следующими предварительными выводами: 1) *apa* и *kül*, являясь главными эпитетами, занимали более высокое положение, чем эпитеты *tun* и *uluу*. Так, в китайских хрониках отмечается, что *kül-čor* и *apa-tarqan* являлись самыми высшими титулами чиновников тюрков. Кроме того в них в качестве титулов глав влиятельных племен в состав крыльев Западно-Тюркского каганата упоминаются титулы *kül-čor*, *kül-erkin*. В древнетюркских стелах главы крыльев Восточно-Тюркского каганата упоминаются под титулами *kül-čor* (*Tarduš*), *apa-tarqan* (*Töles*), а глава *ič buуruqov* (придворных министров) под титулом *kül-erkin*. Наличие у эпитета *apa* основного значения “предок”, наряду с вторичным “главный, первый”, возможно, обеспечивало его более высокое положение, чем эпитетов *tun* и *uluу*; 2) Эпитет *apa* занимал несколько более высокое положение, чем *kül*. Основанием для такого заключения является то, что левое крыло - *Töles* занимало более высокое положение, чем правое - *Tarduš*; 3) Эпитеты *apa*, *kül*, *tun*, *uluу*, *qara*, являлись «сходными» или параллельными эпитетами, разница между которыми была незначительна.

Анализ эпитетов, занявших место в иерархии каганата, показывает, что среди них имеются как активно употребляемые, так и малоиспользуемые. Если эпитеты *kül*, *bilgä*, *tun*, *el* и *qutluу* активно использовались в образовании новых титулов, то подобное не было характерным для таких малоупотребительных эпитетов, как *sevig*, *уиquq*, *yollуу*, *bars*.

В китайских источниках среди имен и титулов древних тюрков, наряду с термином *гу-ду-лу* (骨咄绿; **qutluу*), занял место также термин *гу* (骨; ср. кит. *kut*, *kwät*), например, *гу-чжо* (骨嚼; **qut-čor*). Этот факт позволяет говорить о наличии в системе титулов Тюркского каганата эпитетов *qutluу* и *qut*. В китайских хрониках тюркешский каган, убитый в 740 году чиновником по имени *Мо-хэ да-гань* (莫賀達干; **Baya-tarqan*), упоминается под именем *Ту-хо-сянь Гу-чжо* (咄火仙骨嚼; **Tuxsan(?) qut-čor*), а сын уйгурского кагана Эль Этмиш Бильге, посланного им в 758 году на помощь армии Танского Китая, под именем *Гу-чжо те-*

ле (骨啜特勒; **Qut čor-tegin*)³⁶⁴. В одной из тюркских рунических надписей из Семиречья (Куру-Бакайир/Талас), относящейся к VII-VIII векам, также встречается титул *qut-čor*³⁶⁵. Эпитет *qut* встречается также в согдийских надписях Терек-сая в составе таких имен, как *xwt pwk' (qut-bögä)*, *xwt rwyl' x'twn (qut boyla-qatun)*, а также в “Махрнамаг”, в котором упоминается одна из знатных женщин Уйгурского каганата по имени *xwt x'twn (qut-qatun)*³⁶⁶. Вышеупомянутые сведения позволяют считать термины *qut* и *qutlu* в качестве отдельных эпитетов, имевшихся в иерархии каганата. Наличие на монетах одного из тюркских чиновников, служившего Саманидам, имени *кут/хут-тегин* (на некоторых монетах *фа тегин*)³⁶⁷ свидетельствует об употреблении эпитета *qut* и в последующем.

Обращает на себя внимание, что некоторые эпитеты используются среди имперских титулов только перед титулом *qayan*, а среди титулов чиновников – только перед титулом *tarqan*. Например, эпитеты *ара*: **ара-qayan - ара-tarqan*; *бая*³⁶⁸: **бая-qayan - бая-tarqan*, что требует своего комментария. Некоторые исследователи, исходя из значения слова *бая* (*ba'a*) “малый, маленький”, которое оно имеет в монгольском языке,

³⁶⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 299-300; Камалов А. Тюрки и иранцы в Танской империи (618-907 гг.). Дис... док. ист. наук – Алматы, 2008 – С. 140. А. Камалов восстанавливает имя этого уйгурского царевича как *Qutlu čor-tegin*. Но учитывая то, что в китайских хрониках древнетюркское слово “*qutlu*”, в основном, передается как *гу-ду-лу*, более приемлемо восстанавливать данное имя в форме *Qut-čor*.

³⁶⁵ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история... – С. 350.

³⁶⁶ Лившиц В.А. Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана. 2-изд. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 146; Его же. Согдийская эпиграфика Семиречья. – С. 385; *Mahnāmag*. – S. 15.

³⁶⁷ Кочнев Б.Д. Нумизматическая история саманидского сановника Кут-тегина / Хут-тегина (X в.) Окончание) // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 2004. – № VII. – С. 62-69.

³⁶⁸ Эпитет *бая* упоминается в китайских хрониках в форме *мо-хэ* (莫賀), и кроме титулов *кэ-хань* (可汗; **qayan*) и *да-гань* (達干; **tarqan*), упомянут также в титуле одного из западно-тюркских царевичей *мо-хэ шэ* (莫賀設 **бая-šad*). Кроме того в них правитель Кучи *Су-фа-дйе* (630-гг.) упомянут под тронным титулом *ши-гянь мо-хэ сы-ли-фа* (時健莫賀俟利發; возможно, **erkin baya-eltäbär*) (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 285; Его же. Собрание сведений... том II. – С. 294, 297).

считают его антонимом древнетюркского слова *uluγ* “большой, великий” и на основании этого предполагают, что титул *baγa-tarqan* занимал в иерархии положение ниже, чем титул *ara-tarqan* в значении “главный *тархан*”³⁶⁹. В свою очередь С. Тезджан связывает эпитет *baγa* с древнетюркским словом *baγa* - “черепаха”. По его мнению, черепаха в качестве животного долгожителя превратилась в древнем Китае в символ вечности, который использовался и древними тюрками, что подтверждается установлением некоторых стел (Бугут, Тарйат) на камни в форме черепахи³⁷⁰. В отличие от этого, П. Голден связывает происхождение слово *baγa* с иранскими словами *baγa*, *baγī* - “бог, божественный”, подтверждая свое мнение тем, что данное слово использовалось у *сяньби* в значении “великий, высокий”³⁷¹. Данное мнение кажется самым верным, что также подтверждается сведением китайских хроник о вступлении восточно-тюркского кагана *Чу-ло-хэу* на трон под титулом *baγa-qayān* (кит. 莫賀可汗). Вряд ли верховный правитель империи, взойдя на трон, объявил бы себя “малым каганом”. Упоминание эпитета *baγa* в составе титула одного из высших чиновников каганата, как *boyla baγa-tarqan*, также подтверждает высокое положение данного эпитета в иерархии. Данный титул имел Туңьюкук, занимавший в Тюркском каганате должность главного *buγruqa* – министра. В стелах Уйгурского каганата его главный министр упомянут под титулом *īnančū baγa-tarqan*³⁷². Данные сведения позволяют говорить о том, что *baγa-tarqan* являлся титулом влиятельных чиновников каганата – министров. Упоминание титулов *boyla baγa-tarqan* в стелах Бильге кагана и Туңьюкука, *boyla-tarxan* в манихейском произведении “Махрнамаг”, а также *βουλίας ταρανός* (*boyla-tarqan*) в связи с дунайскими болгарами в византийских источниках³⁷³,

³⁶⁹ Mori M. A-shih-te Yüan-chen ve Tonyuquq // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. – Ankara, 1973. – №5. – S 83-93; Eski T’ang tarihi. – S. 260.

³⁷⁰ Tezcan S. Eski türkçe *buyla* ve *baγa* sanları üzerine. – S. 69.

³⁷¹ Golden P.V. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. – P. 139, n. 127; Eski T’ang tarihi. – S. 260.

³⁷² Каржаубай С. Объединенный каганат тюрков в 745-760 годах. – Астана: Фолиант, 2002. – С. 133.

³⁷³ Mahrnāmag. – S. 210, 212; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica II... – S. 107; Tezcan S. Eski türkçe *buyla* ve *baγa* sanları üzerine. – S. 54.

свидетельствует о том, что уже с эпохи Тюркского каганата этот парный титул принял застывшую форму. Возможно, в иерархии каганата обладатели титула *tarqan* различались между собой по своим рангам, нашедшим отражение в таких титулах, как *apa-tarqan*, *baγa-tarqan*, *tamyān-tarqan* и *boyla-tarqan*. На наш взгляд, титулы *apa-tarqan* и *baγa-tarqan* также следует включить в ряд параллельных титулов подобно титулам *čor - erkin*, *kül-čor - kül-erkin*. Т.е., разница в положении, которое занимали данные титулы в иерархии была незначительной, подобно разнице между титулами *čor* и *erkin*.

Следует отметить наличие у эпитета *baγa* фонетического варианта *maγa*. Данный эпитет упоминается в китайских хрониках в форме *мо-хэ* (莫賀)³⁷⁴. В сочинении “Махрнамаг” эпитета *baγa* в основном употреблен в форме *maγa*, что можно видеть на примере титулов *t’u my’ trx’n wg’* (*taγ maγa tarxan-ögä*), *s’bčy my’ trk’n ’wg’* (*sabčï maγa terken-ögä*). Эти данные, а также упоминание в тибетских источниках одного из тюркских правителей, правившего в 625-643 гг., под титулом *Maga To-gan Khagan*, позволяют сделать заключение о верности тождества *maγa ~ baγa*. К тому же, титул *baγa tarqan*, упоминаемый в древнетюркских стелах, в китайских хрониках постоянно передается, как *мо-хэ да-гань* (莫賀達干)³⁷⁵. Не следует забывать, что звуки «*b*» и «*m*» в древнетюркском языке являлись аллофонами, одно и то же слово в зависимости от диалекта могло иметь звук «*m*» на месте звука «*b*» и наоборот.

Эпитет *xumar* в большинстве случаев употреблялся только с титулами *tegin* и *čor*. Данный эпитет упомянут в китайских хрониках в связи с событиями 626 года в составе титула *wi-to ch’o* (烏沒啜; **xumar-čor*), принадлежащего одному из чиновников Тюркского каганата из племени А-ши-дэ³⁷⁶. Подобный титул зафиксирован в одной из древнетюркских стел Таласа (Семиречье, VII-VIII вв.) в форме *qumar-čor*, а также в сочинении “Махрнамаг”, созданном в Уйгурском каганате, как

³⁷⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 285; 2:294; Его же. Собрание сведений... том II. – С. 297.

³⁷⁵ Mahrnāmag. – S. 39.

³⁷⁶ Eski T’ang tarihi. – S. 131.

*xumar-çor*³⁷⁷. Эти факты позволяют говорить, что упомянутые титул и эпитет в течение длительного времени использовались совместно. Употребление эпитета *xumar* с титулом *tegin* было больше характерным для системы управления Караханидов, Саманидов и Газневидов, где имелся титул *xumar-tegin*³⁷⁸.

Уместно отметить, что для системы титулов Тюркского каганата было характерным употребление во многих случаях перед титулами какого-либо правителя или чиновника двух и более эпитетов или титулов вместе. Например, *Tun bayatur-qayan*, *El-teriş qayan*, *El-bilgä qatun*, *Yençü el-tegin* и т.п. Заслуживает внимания такой факт, что чиновники, не принадлежащие к правящей династии, упоминаются под двумя или более эпитетами. Так, главный министр Туңьюкук имел титул *boyla bayatarqan*, а другой чиновник каганата упомянут в стеле Кюль Тегина под титулом *inançü ara yaryan-tarqan*³⁷⁹. При этом это не является характерным для официальных стел каганата (Кюль Тегин, Бильге каган). В них если и упоминаются многосоставные титулы, то только в связи с главными чиновниками. В отличие от них, в Енисейских памятниках (Южная Сибирь), относящихся к более мелким политическим объединениям таких племен, как Кыргызы, Азы, Чики, трех-четыре составные титулы встречаются сравнительно часто³⁸⁰. Но не исключено, что это было больше связано с возвеличиванием усопшего, чем с реалиями. Примером из многосоставных титулов, употреблявшихся в управлении каганата, может являться упомянутый в Онгинской стеле титул *Bilgä işbara tamyan-tarqan*, принадлежавший одному из его высокопоставленных чиновников и состоящий из двух эпитетов и одного парного титула³⁸¹. Почему же почти каждый из титулов, имевшихся в иерархии Тюркского каганата, употреблялся с несколькими эпитетами, а также с другими титулами в качестве парного? Хотя в письменных источниках данной эпохи сведений по этому поводу не имеется, но ответ на это можно получить,

³⁷⁷ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 133; Mahrnāmag. – S. 11.

³⁷⁸ Sümer F. Türk Devletleri Tarihinde... – S. 546.

³⁷⁹ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 140.

³⁸⁰ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde... – S. 130-142.

³⁸¹ Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Б. 142; User H.Ş. Köktürk ve Ötüken... – S. 134.

если обратиться к традициям, имевшимся в системе управления Караханидов, которые, как известно, продолжали традиции государственности Тюркского каганата. Так, во главе государства Караханидов и на вершине его иерархической лестницы стоял *каган*, имевший титул *Arslan-xan* (иногда *Toyan-xan*, *Qadīr-xan* или *Tamyāç-xan*). Остальные представители династии в качестве личностей “подчиненных” или “находящихся на одну ступень ниже”, имели титулы *boγra*, *elig*, *arslan-elig*, *arslan-tegin*, *toyan-tegin*, *boγra-tegin*, *toγa-tegin*, *yinal-tegin*, *yaγan-tegin* и др., указывающие на их положение, в соответствии со стратегическим значением территории, доставшейся им в качестве удела³⁸². Иногда были случаи, когда одновременно в государстве имелось несколько представителей династии, имеющих титул “*xan*”. В таком случае, обладатели эпитетов “*qara*” и “*uluγ*” занимали самое высокое положение или, по крайней мере, являлись претендентами на трон.

Как видно из рассмотренного выше материала не все эпитеты, употреблявшиеся в системе управления Тюркского каганата, служили для ранжирования в пределах определенного титула. По-видимому, большинство эпитетов являлись почетными и присваивались обладателям титулов за качества, проявленные в бою или других делах. К таковым можно относить эпитеты *alp*, *kūlüg*, *sevig*, **qarī*, *bilgä*, *yeñçü*, *yuquq* и др. Эпитеты, служившие для ранжирования титулов, во всяком случае, в системе титулов каганата не составляли большинства. Среди эпитетов, общее число которых достигало около 50, только приблизительно 10 эпитетов, как *apa*, *kül*, *tun*, *uluγ*, *qara*, *bayatur*, *işbara* и др., служили для ранжирования титулов в иерархии каганата.

Одной из характерных особенностей системы титулов Тюркского каганата является наличие в ней парных титулов, образованных путем сложения двух титулов. Например, *yabyu-qayan*, **eltäbär-şad*, **čabiş-tegin*, **čabiş-čor*, *uruγu-tutuq*, *tudun-tarqan*, *inanču-tarqan*, *tamyān-tarqan* и др. С какими факторами связано появление парных титулов в иерархии каганата, каково было их значение? Такие и подобные им вопросы практически

³⁸² Hunkan S. Türk Hakanlığı (Karahanlılar). 2. Baskı. – İstanbul: IQ Kültür Yayıncılık, 2007. – S. 411.

не нашли своего отражения в работах исследователей. Особого внимания заслуживает мнение турецкого исследователя А. Донука, высказанного им относительно парных титулов. Так, исследователь отмечает, что *yabıu-qayan* и схожие с ним парные титулы, согласно правилу образовывались при помощи более высокого титула и стоящего после него более низкого титула, обладатель которых, наряду с наличием более высокого титула (т.е., *qayan*), сохранял и более низкий титул (т.е., *yabıu*)³⁸³. Анализ парных титулы показывает, что в большинстве случаев они имеют следующий состав: первое место занимает относительно более низкий титул, а за ним следует более высокий титул. Например, в титуле *yabıu-qayan* первое место занимает титул *yabıu*, стоявший в иерархической лестнице после самого высшего титула каганата – *qayana*, который соответственно занимает второе место. Подобное расположение титулов можно наблюдать на примере титула *eltäbär-šad*. Т.е., титул *eltäbär*, который занимал в иерархии место после титула *šad*, соответственно стоит на первом месте.

Здесь вполне уместен следующий вопрос: учитывая тот факт, что каждый титул, имеющийся в иерархии Тюркского каганата, ранжировался посредством эпитетов, то какие именно функции выполняли в ней парные титулы? Хотя в письменных источниках мы не имеем прямых указаний относительно этого, но некоторые их сведения позволяют получить определенное представление по этому поводу. Следует отметить, что исследователи не уделяли достаточного внимания этому вопросу, и если не учитывать некоторые мнения, то в принципе что-либо стоящего относительно этого высказано не было. По мнению большинства исследователей, титул, занимающий первое место в парном титуле, это прежний титул чиновника, а второй, это титул, обладателем которого он является на данный момент³⁸⁴. Таким образом можно интерпретировать, к примеру, парный титул *сы-ли-фа шэ* (俟利發設; **eltäbär-šad*), упомянутый в китайских хрониках в качестве дотронного титула *Чу-ло* (處羅;

³⁸³ Donuk A. Eski türk devletlerinde... – S. 56.

³⁸⁴ Bombaci A. On the ancient Turkic title *Eltäbär* // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Ravello 26-30 september 1966. – Napoli, 1970. – P. 30, 33; Eski T'ang tarihi. – S. 96.

**Šura*) кагана. Однако, упоминание в письменных источниках, в особенности в древнетюркских памятниках, составных титулов, состоящих из двух и более титулов, свидетельствует о неприемлемости такого простого комментария, данного парным титулам.

Как показывает анализ сведений письменных источников, большинство парных титулов образованы при помощи двух титулов, разница между которыми в иерархической лестнице составляет всего лишь одну ступень. Это позволяет говорить о том, что парный титул занимал в иерархии место между двумя титулами, от которых он был образован. Например, титул *yabyu-qayan* стоял в иерархии ниже титула *qayan*, но выше *yabyu*. Яркий пример этому титулы верховных правителей Западно-Тюркского каганата, нашедшие свое отражение в легендах собственных монет каганата, чеканенных в Чаче. На первом этапе, когда данное политическое объединение в качестве Западного крыла подчинялось Восточно-Тюркскому каганату, его монеты чеканились с титулом *žrɣw* (*žabyu*), затем после его усиления, когда Западно-Тюркский каганат подчинялся Восточному лишь номинально, с титулом *srɣw x'γ'n* (*yabyu-qayan*), а после его ликвидации Танским Китаем, когда Западное крыло стало самостоятельным государством, на монетах занял титул *x'γ'n* (*qayan*)³⁸⁵.

Относительно эпитетов и титулов следует отметить следующее. Если такие эпитеты, как *bayatur*, *bilgä*, *alp*, *bögü*, *sevig*, в основном, образованы от слов, связанных с личными качествами человека, то титулы, как *yabyu*, *eltäbär*, *erkin*, *čor*, *tarqan*, *tutuq*, *tudun* в своей основе содержат термины, связанные с управлением какой-либо группой или установлением порядка в обществе. Подобно этому, некоторые эпитеты образованы при помощи словообразовательных суффиксов, образующих существительные и прилагательные от таких глаголов как *seb/sev*- “любить”, *bil*- “знать, ведать”, *oz*- “обгонять, опережать”, *ter*- “собирать, объединять”, *qap*- “хватать, захватывать”, *tar*- “рассеивать”, что находит свое отражение на примере эпитетов *sevig*, *bilgä*, *ozmiš*, *(el-)teriš*, *qapyan*, *tardu*.

³⁸⁵ Бабаяров Г. К истории формирования Западно-Тюркского каганата. – С. 491-498.

Схожее положение характерно и для некоторых титулов. Так, ярким примером этого являются титулы *erkin*, *inançı*, *buuриq*, *ögä*, образованные от глаголов *erk-* “собирать”, *inan-* “верить, доверять”, *buur-* “приказывать”, *ög-* “давать совет, наставление”. В этот ряд следует также включать такие титулы, как *yabu*, образованный от глагола *уар-* “делать, исполнять”, а также *tutuq* и *tudun*, образованные от глагола *tut-* “держатъ”. Как отмечалось выше, считать большинство титулов образованными от определенных глаголов позволяет и их семантика. Так, не подлежит сомнению связь титула *buuриq* в значении «министр» с глаголом *buur-* “приказывать”, потому что его обладатель в соответствии со своей должностью выполнял сам и заставлял других выполнять работы по приказу. В свою очередь титул *ögä*, имевший значение “государственный советник” или «старейшина», связан со словом *ög-* “давать совет, наставление”, так как его основной функцией было давать советы/наставления. С семантической точки зрения подтверждается также связь титула *tudun*, обладатель которого управлял какой-либо областью и держал ее в повиновении с глаголом *tut-* “держатъ”, а также титула доверенного чиновника *inançı* с глаголом *inan-* “верить, доверять”.

Наличие такого большого количества разнообразных титулов и эпитетов в Тюркском каганате является свидетельством того, что в нем для управления такой огромной территорией государства была выработана сложная система управления, учитывающая все сферы и частные особенности власти, которая была внедрена на практике.

3.3. Идентификация некоторых древнетюркских титулов и эпитетов

Как известно, основные данные относительно системы титулов Тюркского каганата, мы получаем из письменных источников, но при этом различные формы письменности, использованные при их фиксации, а также их языковые особенности, составляют определенную трудность в идентификации и восстановлении древнетюркского фонетического облика некоторых титулов и эпитетов. Так, несмотря на то, что они зафиксированы в письменных

источниках, их древнетюркский фонетический облик либо неизвестен, либо его восстановление составляет определенную трудность, а в некоторых случаях также неизвестно какие функции они выполняли. Большинство среди таковых, составляют титулы и эпитеты, зафиксированные в китайских хрониках, что объясняется особенностью китайской иероглифической письменности и фонетическими изменениями, которые претерпел китайский язык. Т.е., при реконструкции этих терминов следует учитывать фонетику китайского языка периода их фиксации, которая отличается от произносительных норм современного китайского языка. В данном случае пользоваться фонетической реконструкцией китайского языка для эпохи Тан.

Так, в хронике «Цзю Тан шу» зафиксировано употребление совместно с титулом *tegin* (кит. *тэ-цинъ*, 特勤; ср.-кит. *dək-gin*) терминов *кан-шао-ли* (康稍利), *бо-дэ-чжи* (勃德支) и *йан-во-чжи* (楊我支)³⁸⁶, идентификация которых представляет определенную проблему. Так как, до сегодняшнего дня, если не считать термин *кан-шао-ли*, их древнетюркский фонетический облик не был восстановлен и, кроме того, не было высказано мнений о том, являлись ли эти три термина титулами или эпитетами.

Так, термин *кан-шао-ли* на основании чтения иероглифов для эпохи Тан, как *k^haŋ ʂaiw^h/ʂε:w^h li^h*, переводчики главы 194а «Тюрки» хроники «Цзю Тан шу», связывают со словом *qaŋʂarli*, употребляемым в уйгурском языке в значении «горбоносый; имеющий нос с высокой переносицей»³⁸⁷ (подобное слово в том же значении в форме *qansharli* имеется и в узбекском языке – А.К.). Приведенная выше фонетическая реконструкция данного термина для эпохи Тан в принципе позволяет реконструировать его подобным образом. Тем более, если учитывать сведение сочинения известного китайского историка Ду Ю (735-812) «Тун дэнь» («Свод общих установлений государственного управления») о том, что чины и звания у тюрков давались исходя

³⁸⁶ Eski T'ang tarihi. – S. 88, 278, 319.

³⁸⁷ Eski T'ang tarihi. – S. 88, 351.

из внешнего облика человека, или по названиям животных³⁸⁸, то подобная реконструкция, как видно, является вполне логично обоснованной. Таким образом, наличие титула с эпитетом **qañšarlı-tegin* у одного из царевичей, должно восприниматься как вполне естественное, и в данном случае мы здесь имеем дело с эпитетом, который, по-видимому, был дан по особенности внешнего облика царевича, который отличался носом с горбинкой.

Остановившись на термине *бо-дэ-чжи*, следует отметить, что иероглифы, используемые для его написания термина в эпоху Тан читались, как *bət-tək-tciä/tci*³⁸⁹. На основании данного чтения мы предлагаем восстанавливать данный термин как древнетюркский титул **bitikči* – ‘писарь, глава канцелярии’. Если исходить из этого, то в данном случае мы имеем дело не с эпитетом, а с титулом чиновника дворца. Следовательно, выражение *бо-дэ-чжи те-цинъ* следует восстанавливать как парный титул **bitikči-tegin*, и можно предположить, что его обладатель был царевичем, исполнявшим обязанности, связанные с канцелярией.

Иероглифы, использованные для написания термина *йан-во-чжи*, который также занял место перед титулом *tegin*, в эпоху Тан читались как *jiāñ^h-ña'-tci*³⁹⁰. На основании этого данный термин мы предварительно предлагаем связывать со словом *yaña*, который упомянут в источниках в качестве древнетюркского титула или эпитета. Например, его можно видеть в составе титула *ynk' ryttyr* (*yanga/yaña-eltäbär*), занявшем место в легенде на одном из типов древнетюркских монет Чачского оазиса VII-VIII вв.³⁹¹ Данный термин можно отождествить с древнетюркским словом *yaña* (вар. *yañan*, *yağan*)

³⁸⁸ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки... – С. 281-287; Taşağıl A. Gök-Türkler I. – S. 96-97, 113-114.

³⁸⁹ Eski T'ang tarihi. – S. 407.

³⁹⁰ Eski T'ang tarihi. – S. 393.

³⁹¹ Бабаяров Г. Древнетюркские монеты... – С. 42. Первое слово в данном выражении, занявшем место на монетах, было прочтено Г. Бабаяровым в форме *tk'*, которое он совместно с нумизматом А.В. Кузнецовым считал сокращенной формой титула *тегин* (Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. – С.129-130). Однако Н. Симс-Вильямс в своем электронном письме Г. Бабаярову отметил, что его следует читать как *ynk'*, которое возможно связано с древнетюркским титулом *yanga*.

“слон”. Таким образом, его можно включить в ряд эпитетов, связанных с названиями почитаемых древними тюрками животных, как *arслан* “лев”, *boγra* “двугорбый верблюд”, *böri* “волк”, *toγa* “леопард; тигр”, *bars* “барс”, занявших место в системе титулов Тюркского каганата. Термин *yaγan* в качестве эпитета использовался также в системе управления Караханидов, что можно увидеть на примере титулов *yaγan-xan*, *yaγan/yanga/yangan-tegin*³⁹². Первую часть вышеупомянутого титула *ynk' ryttpyr*, занявшего место на монетной легенде, можно также сопоставить с древнетюркским термином *iñi/ingi*. Так, по мнению С.Г. Кляшторного слово *iñi*, занявшее место в Сэврэйской стеле (Гоби) Уйгурского каганата в выражении *iñi jylay(r) (iñi yaγlaqar)*, является адекватной передачей китайского термина *ин-и* (英義, кит. тан. *iəŋŋe), дважды встречаемого в хрониках среди имен и титулов уйгурских каганов³⁹³. Кроме того, термин *yaña* зафиксирован также в документах из Турфана. Так, в манихейских документах в качестве составной части личных имен и титулов тюрков встречается слово *y'nk'*, а в уйгурских юридических документах эпохи Чингизидов (II *Čiqtim* 4-5) упоминаются имена *Tavγač Yanga*, *Ađay Yanga*³⁹⁴.

Термины, подобные вышеупомянутым, употребляются также с титулом *šad* (кит. *шэ*, 設). Так, в хронике «Цзю Тан шу» зафиксированы такие титулы представителей правящего дома Тюркского каганата – Ашина, как *ao-шэ шэ* (奧射設) и *юй-шэ шэ* (郁射設)³⁹⁵. Фонетический облик иероглифов, которыми записаны термины *ao-шэ* и *юй-шэ*, для эпохи Тан, когда они были зафиксированы, реконструируются соответственно, как *ʔaw^h-zia^h* и *ʔuwk-zia^h*³⁹⁶. На основании этих чтений мы предлагаем восстанавливать первый титул в форме **avči-šad*, а второй, как **oqči-šad*, и таким образом, вышеупомянутые термины *ao-шэ* и *юй-шэ*, которые заняли место перед титулом *šad*, считать эпитетами. Восстанавливать первый термин в форме **avči*

³⁹² Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата... – С. 28, 30.

³⁹³ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история... – С. 172.

³⁹⁴ Moriyasu T. On the Uighur Buddhist Society at Čiqtim in Turfan... – P. 160.

³⁹⁵ Eski T'ang tarihi. – S. 105, 157.

³⁹⁶ Eski T'ang tarihi. – S. 355, 364.

позволяет и тот факт, что подобный эпитет занял место в имени *avči-tarxan*, под которым в «Истории Албан» упоминается один из чиновников Хазарского каганата³⁹⁷. Как известно, происхождение правящей династии Хазарского каганата было связано с домом Ашина и его система титулов была такой же, как в Тюркском каганате. Второй термин можно восстановить, как **oqčī* “стрелок, искусный стрелок”. Хотя подобный эпитет не зафиксирован в источниках на других языках, но он имеет исторические параллели в империи Чингисхана. Как известно, умение искусно стрелять очень высоко ценилось у монголов, и по этой причине в письменных источниках к именам и титулам ряда представителей монгольской знати добавлялся термин *mergen*³⁹⁸, также имеющий значение “искусный стрелок”. Несомненно, искусные стрелки также высоко ценились и в Тюркском каганате, и должно быть по отношению к ним использовался специальный термин, которым, скорее всего, являлся термин *oqčī*.

В ряд не идентифицированных титулов и эпитетов следует включить также термины *ни-бу* (泥步), *ше-гуй* (射匱) и *куркапын* (согд. *γwry'p'yn*). Термин *ни-бу* упоминается в китайских хрониках в связи с некоторыми царевичами из правящего дома Ашина. Так, в хронике «Цзю Тан шу» имеется следующее сведение: “после смерти Ши-би кагана (в 619 году), сын его Ши-бо-би, [впоследствии Ту-ли каган] по малолетству не мог быть возведен на престол и в достоинстве *ни-бу шэ/šad* (泥步設) был послан управлять восточной стороной, расположенной на севере области Ю”³⁹⁹. Данный термин О. Прицак восстанавливает в форме **n'er-bäg (*el-bäg)*⁴⁰⁰. Термин *ни-бу*, на основании чтения иероглифов для эпохи Тан, как *nej bɔ*⁴⁰¹, мы предварительно предлагаем восстанавливать, как др.-тюрк. **(i)näl beg*, а весь титул *ни-бу шэ*, как титул с эпитетом **(i)näl beg šad*. Восстанавливать этот титул подобным образом позволяет тот

³⁹⁷ Гукасян В.Л. Тюркизмы в албанских источниках. – С. 32.

³⁹⁸ Рашид-ад-дин .Сборник летописей. Т. I., Кн. 2 / Пер. с персидского О.И. Смирновой. – М.-Л. Изд-во АН СССР, 1952. – С. 153.

³⁹⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 246; Eski T'ang tarihi. – S. 94, 170.

⁴⁰⁰ Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen... – S. 85.

⁴⁰¹ Eski T'ang tarihi. – S. 353.

факт, что эпитет *inäl* активно употреблялся в системе титулов Тюркского каганата, в частности, с титулом *qayan*. Так, Г. Дёрфер приводит у термина *inäl* значение “представитель, заместитель”, а титул *inäl-qayan* интерпретирует как «заместитель кагана»⁴⁰². В свою очередь, И. Тоган интерпретирует титул *inäl-qayan* как “наместник правителя, наместник кагана”, т.е. “каган-наместник”⁴⁰³. Таким образом, восстанавливаемый нами **(i)näl beg šad* следует интерпретировать как “шад-наместник”, в пользу чего свидетельствует и приведенное выше сведение хроники «Цзю Тан шу».

Термин *ше-гуй* (射匱) упомянут в китайских хрониках в качестве составной части имен таких западно-тюркских каганов, как *Ше-гуй* (射匱; 611-618), *И-би Ше-гуй* (乙毗射匱; **Yelbi Šeguy*, 642-650)⁴⁰⁴. Сведение китайских хроник, в котором западно-тюркский каган Ашина Хэ-лу (651-657) упоминается под именем *И Бу-ли Шэ Ше-гуй Дэ-лэ Цзе-юй*⁴⁰⁵ (曳步利設射匱特勒劫越; **El Böri Šad She-gui Tegin Jie-yue*)”, позволяет считать данный термин эпитетом. Как видно из вышеупомянутых сведений, термин *ше-гуй* употреблялся с титулами *qayan* и *tegin*. Некоторые исследователи пытаются восстановить имя *Ше-гуй* в форме Жиг. По мнению Я. Харматты имя Шегуй кагана в форме *zyk* заняло свое место на найденных в результате археологических раскопок в Иране артефактах (печать и медаль), относящихся к первой четверти VII века⁴⁰⁶. Однако, употребление данного слова в качестве личного имени в эпиграфических памятниках на среднеиранском языке, в том числе, на ряде сасанидских гемм и среди граффити на стенах буддийского храма Каратепе (Старый Термез) в форме *Zyk dpyr* – “писарь Зик”⁴⁰⁷, ставит под сомнение его отождествление с

⁴⁰² Doerfer G. Türkische und mongolische... Bd. IV. – S. 193; Eski T’ang tarihi. – S. 256.

⁴⁰³ Eski T’ang tarihi. – S. 256.

⁴⁰⁴ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... – P. 17; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 281, 288.

⁴⁰⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 288.

⁴⁰⁶ Harmatta J., Litvinsky V.A. Toharistan and Gandhara... – P. 369.

⁴⁰⁷ Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана (в III – IV вв.). – М.: Вост. лит., 1969. – С. 41.

именем Шегуй. Восстановление термина *ше-гуй* в форме *Жиг* мы считаем невозможным. Во-первых, это не позволяет сделать, среднекитайское чтение иероглифов, как *zia^h gwi^h*⁴⁰⁸, которыми передан данный эпитет. Во-вторых, как для древнетюркского языка, так и для других тюркских языков подобное имя или имя, имеющее близкий к нему фонетический облик, не зафиксировано. Таким образом, сказать что-либо окончательного относительно того, какое слово скрывается под китайской транскрипцией *ше-гуй*, пока не представляется возможным.

Термин *γwry'p'ynt* (мн.ч. *γwry'p'ynt*) упоминается только в согдоязычной Бугутской стеле. С.Г. Кляшторный и В.А. Лившиц, основываясь на том, что в стеле термин *qurqapin* занимает место в одном ряду с титулами *šadapit*, *tarqan*, *tudun* и *sañun*, считают его одним из названий титула - должности и отождествляют его с титулом *beg*, который употреблялся в тюркоязычных стелах Тюркского каганата в качестве обобщающего названия должностных лиц⁴⁰⁹. В свою очередь О. Прицак, сопоставляя данные Бугутской стелы и стел на древнетюркском языке, считает, что слово *γwry'p'ynt* соответствует выражению *buuruq beglär*⁴¹⁰. Однако, как справедливо отметил Х.И. Эркоч, в отличие от титула *beg*, который в стелах охватывал чиновников всех степеней в государстве, *qurqapin* упоминается в качестве отдельного титула наряду с другими⁴¹¹. С.Г. Кляшторный и В.А. Лившиц, раскладывая слово *γwry'p'ynt* на две части и связывая его первую часть с древнетюркским *qur* “пояс”, а вторую *γ'p'ynt* с глаголом *qap-* “хватать, держать”, интерпретируют его как “обладатель пояса, носящий пояс”⁴¹². Исследователи в поддержку своего мнения приводят тот факт, что в средневековых тюркских и

⁴⁰⁸ Pulleyblank E.G. *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. – Vancouver : UBC Press, 1991. – P. 279, 178.

⁴⁰⁹ Kljaštornyj S.G., Livšic V.A. *The Sogdian Inscription of Bugut Revised* // *Acta Orientalia Hungarica*. – Budapest, 1972. – No. 26:1. – P. 87, 89-90.

⁴¹⁰ Pritsak O. *The Old Turkic Title “γwry'p'ynt”* // *Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dicata*. – Napoli, 1982. – P. 404.

⁴¹¹ Erkoç H.İ. *Eski Türklerde Devlet Teşkilatı...* – S. 192.

⁴¹² Kljaštornyj S.G., Livšic V.A. *The Sogdian Inscription of Bugut Revised*. – P. 89-90.

монгольских государственных объединениях имелись титулы *qōrcī*, *qōrbāšī*, *qōrcībāši*, *qōrbeki*. Отсутствие титула *qurqarīn* в источниках на других языках, по мнению Х.И. Эроча, связано с его постепенной утратой своего значения⁴¹³.

Из китайских источников известно, что правитель Тюркского каганата *Ко-ло* (科羅/珂羅, **Qara*) после смерти своего отца Бумыня в 553 году вошел на трон под титулом *и-си-гу* *кэ-хань/қауап* (乙思記可汗)⁴¹⁴. В этом титуле заслуживает внимания термин *и-си-гу*. Какова была древнетюркская фонетическая форма данного термина, являлся ли он титулом или эпитетом? Сказать что-либо определенное по этому поводу на сегодня трудно. Хотя некоторые исследователи и связывают его с древнетюркским словом “*isig, isiq*” в значении «горячий; теплый, приветливый»⁴¹⁵, что позволяет восстанавливать его подобным образом и среднекитайское чтение иероглифов, которыми передан этот термин, в форме *ʔit si/si ki^h/ki^h*⁴¹⁶. Однако, при этом следует отметить, что титулы или эпитеты, образованные от слов в значении «теплый» или «холодный», не были присущи системе титулов, как Тюркского каганата, так и государственных объединений других тюркских этносов. Как исключение, термин *isig, isiq* употреблялся на территории Восточного Туркестана в течение нескольких веков. Данный термин упоминается в произведении “Махрнамаг” в качестве составной части титулов чиновников Уйгурского каганата, как *isiq inī icreki vanōmāx tūn tarخان, isig tarخان, bayā isiy inanču*⁴¹⁷, свидетельствующих о том, что он являлся эпитетом. Подтверждением этого является ряд титулов, зафиксированных в письменных памятниках из Восточного Туркестана, как *isig-saḡun* в “Ырк битиг”, *isig edgü tutuq-öge, el ögäsi isig ädgü tutuq-ögä el qaya* в согдоязычных и древнетюркских документах из Безаклика, а также *isig ädgü tutuq er toḡa*, отмеченный в одном из Турфанских документов XII-XIV

⁴¹³ Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı... – S. 193.

⁴¹⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... том I. – С. 228; Liu Mau-Tsai. Çin kaynaklarına göre Doğu Türkleri. – S.18.

⁴¹⁵ ДТС. – С. 213.

⁴¹⁶ Pulleyblank E.G. Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese... – P. 141, 291, 367.

⁴¹⁷ Mahrnāmag. – S. 10,12.

веков⁴¹⁸. Эти данные, а также тот факт, что в древнетюркском языке слово *isig* имел значение не только “горячий, теплый”, но и “приветливый”⁴¹⁹, позволяет считать его эпитетом, имеющим данное значение.

В тибетских источниках в качестве титула одного из тюркских правителей, правившего в 625-643 гг., упоминается *Ma-ga To-gan Kha-gan*, древнетюркский фонетический облик которого восстанавливается в форме **baγa toγan-qayān*⁴²⁰. Этот факт позволяет говорить о наличии в системе титулов Тюркского каганата эпитета *toγan*, имевшего значение “сокол”. Данный эпитет активно употреблялся также в Караханидском государстве, что видно на примере таких титулов, как *qadīr toγan-xan*, *toγan-xan*, *toγan-tegin* и др. Кроме того, в Уюг-Тарлыкской стеле (Енисей) упоминается чиновник по имени *el toγan-tutuq*⁴²¹. Упомянутые сведения позволяют говорить о наличии у древних тюрков эпитета *toγan* и его употреблении с титулами *tutuq* и *qayān*.

Следует отметить наличие в системе титулов Тюркского каганата титулов, функции которых до сих пор не определены. К таковым можно отнести термин *oγ*. В частности, до сих пор является спорным вопрос о том, являлся ли он эпитетом или титулом. Так, в стелах Тюркского каганата упомянуто выражение *Tabγač oγ-tutuq*, на основании которого исследователи считают слово *oγ* личным именем, связанным с китайским словом *ван* (王, *wang*) “правитель”⁴²². Но исходя из выражения *oγī: bešyüzbašī külüg oγī oz ĩnančı* (досл. “Правое крыло: глава пятисотни прославленный онги оз ынанчу”), занявшего место в Терхинской стеле, можно предполагать, что

⁴¹⁸ Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde yer alan unvanlar // Türk kültürü. Ankara, 2000. № 443. S. 139; Müller F.W.K.. Zwei Pfahlinschriften aus den Turfanfunden // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1915. Br. 3. S. 10-11, 15; Древнетюркский словарь. С. 213.

⁴¹⁹ Древнетюркский словарь. С. 213.

⁴²⁰ Togan Z.V. Das Özbekische epos Chan-name // Central Asiatic Journal. – Wiesbaden, 1955. – Vol. I. – S. 154.

⁴²¹ ДТС. – С. 169.

⁴²² Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. – S. 250.

термин *оу* являлся титулом или словом, связанным с военным подразделением в значении “правое крыло”⁴²³.

Подобное характерно и для упомянутого в стеле Кюль Тегина термина *maqarač*. Так, в стеле при перечислении представителей различных племен и государств, прибывших на похоронную церемонию, в связи с Тюргешским каганатом приводится следующее выражение: “*On Oq oylum Türgäš qayanta Maqarač tamyači, Oğuz Bilgä tamyači kälti* – От [народа] «Он Ок» («Десяти Стрел») и моего сына (вассала) Тюргешского кагана прибыли *Макарач тамгачы* [и] *Огуз Бильге тамгачы*”⁴²⁴. В нем занял место термин *maqarač*, связываемый исследователями с санскритским словом *mahārāja* “великий властитель, магараджа, правитель”⁴²⁵. Данный термин употреблялся и в Уйгурском каганате, что видно на примере упоминания в “Махрнамаг” чиновника по имени *mašiyān māharāč ’ärqlig zāryūd türk*⁴²⁶. Этот факт позволяет считать его титулом или эпитетом, а время его появления в системе титулов связывать с эпохой Тюркского каганата. Делать подобный вывод позволяет наличие в имени термина *türk*, обозначающего принадлежность чиновника к определенному этносу, который, как известно, употреблялся в Уйгурском каганате, Турфанском и Ганьсуйском Уйгурских государствах по отношению к племенам «исторических тюрков», основавших Тюркский каганат⁴²⁷.

К данной группе также следует относить, несмотря на высказанные мнения, термины *муган*, *таспар*, *нивар*, *нири*, *чура*, зафиксированные в согдоязычных Бугутской и Илийской стелах в качестве имен каганов, так как нельзя сказать что-либо определенное относительно того являются ли они титулами или эпитетами.

Таким образом, как видно из рассмотренного выше материала, несмотря на то, что в письменных источниках на различных языках зафиксировано ряд терминов, связанных с

⁴²³ Каржаубай С. Объединенный каганат тюрков в 745-760 годах. – С. 129,134; Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. – S. 227, 250.

⁴²⁴ Айдаров Г. Язык орхонских памятников... – С. 303; Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 53.

⁴²⁵ ДТС. – С. 337, 338; Tekin T. Orhon yazıtları... – S. 107.

⁴²⁶ Mahrnāmag. – S. 10.

⁴²⁷ Çandarlıoğlu G. Sarı Uyurlar ve Kansu... – S. 33-42.

системой титулов Тюркского каганата, до сих пор не представляется возможным реконструировать их древнетюркский фонетический облик. Это во многих случаях связано с тем, что большинство таких терминов заняли место в китайских хрониках. Особенности иероглифической письменности и фонетические изменения, которые претерпел китайский язык, составляют определенную трудность в реконструкции их древнетюркской формы. В других же случаях, хотя их фонетический облик титулов и эпитетов известен, но не совсем ясно какие именно функции выполняли их обладатели.

Среднекитайская фонетическая реконструкция позволила восстановить древнетюркскую форму некоторых эпитетов и титулов, занявших место в китайских источниках. Это такие древнетюркские термины, как **qaŋšarlī*, **bitikči*, **yaŋa(či)*, **avči*, **oqči*, **(i)näl beg*, **isig/išiq*. При этом, хотя не представляется возможным выявить, какое древнетюркское слово скрывается под китайской транскрипцией *шегуй*, но как становится ясным из китайских хроник он играл роль определенного эпитета при титулах. Вместе с тем, сведения тибетских источников позволили сделать вывод о том, что эпитет *toŋan*, уже существовал в системе управления Тюркского каганата. Кроме того, сведения письменных источников позволили внести ясность относительно титула *куркапын*, зафиксированного в согдоязычной Бугутской стеле, а также терминов *оң* и *таqараç*, занявших место в древнетюркских стелах.

Краткие выводы. Сведения письменных источников и нумизматический материал позволяют говорить о наличии в Тюркском каганате около 40 титулов и свыше 50 эпитетов, которые можно подразделить на следующие группы: 1) *официальные*: а) административные, б) военные; 2) *социальные*: а) религиозные, б) символические/почетные. Среди них большинство составляли военные и военно-административные титулы. Это было связано с тем, что Тюркский каганат являлся государством, имеющим военный характер.

Титулы, употреблявшиеся в Тюркском каганате, были односоставными и многосоставными, состоящими из нескольких титулов и эпитетов. Односоставные титулы, в том числе, титулы парные и с эпитетом, в основном служили для обозначения

определенной должности, а многосоставные употреблялись в качестве обращения к высокопоставленным лицам. В системе титулов Тюркского каганата особое место занимали эпитеты, которые до сего дня в большинстве исследований, не выделялись в качестве особой категории. Эпитеты, образованные от слов, обозначающих определенное качество и имеющие значение “качество, прозвище, кунья”, составляют в системе титулов каганата относительное большинство, что отличает его от других предшествовавших ему государственных объединений, основанных кочевыми этносами. Эпитеты, употреблявшиеся в Тюркском каганате можно разделить на две большие группы: эпитеты, «определяющие» ранг (или степень) в пределах одного титула и «почетные» эпитеты-прозвища. Большая часть эпитетов являлись почетными и присваивались обладателям титулов за качества, проявленные в бою или других делах. Приблизительно только около десяти эпитетов, как *apa*, *kül*, *tun*, *uluу*, *qara*, *bayatur*, *işbara* и др., служили для ранжирования в пределах одного определенного титула.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование древнетюркской системы титулов являлось многовековым процессом, который происходил на основе как чисто тюркских, так и заимствованных от других этносов титулов. Данный процесс начался в государстве Хунов (Сюнну) и продолжался вплоть до образования Тюркского каганата. Тюркский каганат, продолжая имевшие до него традиции государственности, развил их, исходя из своих внутренних потребностей, и внес большой вклад в их дальнейшее совершенствование. Это нашло свое яркое выражение на примере системы титулов, которая полностью оформилась и приобрела четкую иерархию именно в Тюркском каганате. Традиции государственности и система титулов каганата послужили образцом для ряда тюркских и нетюркских государств той и последующих эпох. Сведения письменных источников и лингвистический материал позволяют говорить, что древнетюркская система титулов возникла в государстве Хунов и в результате преемственности его традиций государственности вместе с системой титулов в последующих государственных объединениях, существовавших на его территории вплоть до Тюркского каганата, была непосредственно заимствована древними тюрками от жуань-жуаней, в состав государства, которых они определенное время входили.

Древнетюркские титулы получили широкое распространение именно в эпоху Тюркского каганата на громадном пространстве, включавшем в себя территории от Монголии до Северного Причерноморья и Северного Кавказа, от предгорьев Урала до Северной Индии, вместе с оазисами Восточного Туркестана, Трансоксианы и Хорасана, в том числе в ряде случаев в нетюркоязычной среде. Сведения письменных источников, касающиеся древнетюркских титулов, встречающихся в связи с вассальными от Тюркского каганата оазисными владениями Средней Азии, показывают, что в них при их присвоении и употреблении также придерживались определенного порядка, который существовал в центральных территориях каганата.

Большое количество разнообразных титулов, употреблявшихся в Тюркском каганате, свидетельствует о том, что в нем для управления такой широко расширившейся территорией государства была выработана сложная система управления, учитывающая все сферы и частные особенности власти, которая была внедрена на практике. Сведения письменных источников позволяют классифицировать титулы, имевшиеся в системе управления Тюркского каганата на следующие три группы: 1) Центральное (имперское) правительство и титулы составляющих его чиновников двора, а также глав крыльев (*qayan, qatun, qunčiu, yabyu, šad, tegin, ayučı, buyruq, inanču, boyla, ögä, toyun, içreki, bitikči, tamyan/tamyacı, yaryučı/yaryan, čigši, sabči/elči/yalabač, beg, kül-čor, kül-erkin, šadapit, eltäbär, tudun, čor, erkin, tarqan, tutuq, sübaši, čabiš, sajun, apa-tarqan, uruŋu, yelme eri, biŋabaši, bešyüzbaši, yüzbaši*); 2) Титулы чиновников каганата, управляющих вассальными племенами и владениями, входивших в составе Тюркского каганата (*yabyu, šad, tegin, eltäbär, tudun, čor, erkin, tarqan, tutuq, tudun*); 3). Наследственные титулы глав вассальных племен и владений, ответственных за местное самоуправление (традиционные местные титулы: *ихшид, афшин, хунав, хув/хуву, ахурнат, хар* и др., *erkin*);

Анализ системы титулов каждой из двух составных частей Тюркского каганата – Восточного и Западного каганатов, а также имеющиеся на сегодня сведения источников позволяют говорить о наличии в каганате около 40 титулов и свыше 50 эпитетов, которые можно подразделить на следующие группы: 1) *официальные*: а) административные, б) военные; 2) *социальные*: а) религиозные, б) символические/почетные. Среди них большинство составляли военные и военно-административные титулы. Это было связано с тем, что Тюркский каганат являлся государством, имеющим военный характер. По своему составу титулы, употреблявшиеся в Тюркском каганате, следует разделить на две группы: односоставные и многосоставные, состоящие из нескольких титулов и эпитетов. Если односоставные титулы, в том числе, титулы парные и с эпитетом, в основном служили для обозначения определенной должности, то многосоставные, как

правило, употреблялись в качестве обращения к высокопоставленным лицам. Такие формы титулов можно назвать также “пышными титулами”, которые использовались в переписке с соседними государствами, в том числе с Китаем, а также в делопроизводстве.

В системе титулов Тюркского каганата особое место занимали эпитеты, которые до сего дня в большинстве исследований, не выделялись в качестве особой категории. Эпитеты, образованные от слов, обозначающих определенное качество и имеющие значение “качество, прозвище, кунья”, составляют в системе титулов каганата относительное большинство, что отличает его от других предшествовавших ему государственных объединений, основанных кочевыми этносами. Эпитеты, употреблявшиеся в Тюркском каганате можно разделить на две большие группы: эпитеты, «определяющие» ранг (или степень) в пределах одного титула и «почетные» эпитеты-прозвища. По-видимому, не все эпитеты, существовавшие в каганате, употреблялись в системе управления, и большая их часть являлись почетными и присваивались обладателям титулов за качества, проявленные в бою или других делах. Почетными можно считать такие эпитеты, как *alp*, *külüg*, *sebig*, **qari*, *bilgä*, *yençü*, *yuquq* и др. Приблизительно только около десяти эпитетов, как *apa*, *kül*, *tun*, *ulu*, *qara*, *bayatur*, *işbara* и др., служили для ранжирования в пределах одного определенного титула. В системе титулов каганата присущее себе место занимали также и парные титулы. Обращает на себя внимание и тот факт, что все парные титулы, существовавшие в каганате, образованы по единому правилу. Так, разница между титулами, входящими в его состав составляет одну ступень иерархии, при этом более низкий титул стоит на первом месте. Это позволяет говорить, что парный титул занимал в иерархии положение ниже, чем титул, стоящий в его составе вторым, но выше, чем титул, стоящий в его составе первым.

Таким образом, Тюркский каганат, как в системе управления, так и в системе титулов, придерживался традиций существовавших до него государственных объединений Центральной Азии. Каганат не просто заимствовал традиции, а внес значительный вклад в их совершенствование и развитие,

исходя из своих внутренних потребностей. Это можно видеть на примере того, что Тюркский каганат, внедряя новые порядки, для управления народами, имеющими различный хозяйственный уклад жизни и проживающих на его очень расширившейся территории, учреждал и присваивал чиновникам специальные титулы. Кроме того, в формировании системы титулов каганата в определенной степени оказали влияние традиции, присущие некоторым нетюркским этносам и каганат смог плодотворно использовать их. Система титулов, присущая Тюркскому каганату, послужила эталоном для вышедших после него на историческую арену ряда тюркских и нетюркских государственных объединений.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

І. Источники

1. Беруний, Абу Райхон. Ҳиндистон // Танланган асарлар. II жилд. – Тошкент: Фан, 1965. – 538 б.
2. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. – М.- Л.: Изд. АН СССР. – том I. – 1950. – 383 с.; том II. – 1950. – 335 с.; том III. – 1953. – 327 с.
3. Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
4. Е Лун-ли. История Государства Киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введение, коммент. и прил. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1979. – 608 с.
5. История ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с арабского В.И. Беляева. Доп. к пер. О.Г. Большакова и А.Б. Халидова). – Т.: Фан, 1987. – 444 с.
6. Кашгари, Махмуд. Диван лугат ат-Турк / Пер. А.М. Ауэзовой, индексы Р.Эрмерса. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1281 с.
7. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази хана Хивинского. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 192 + (84) с.
8. Кюннер Н.В. Китайские сведения о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. – 392 с.
9. Малов С.Э. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
10. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. – М.: Наука, 1984. – 488 с.
11. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.1 / Пер. и примеч. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1968. – 176 с.
12. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.2 / Пер. и примеч. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1973. – 172 с.

13. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 170 с.
14. Наршахий, Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи / Форс тилидан А. Расулев таржимаси. – Т.: Фан, 1966. – 108 б.
15. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. – М.: Восточная литература, 2000. – 327 с.
16. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I., Кн. 1 / Пер. с персидского Л.А. Хетагурова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 222 с.
17. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I., Кн. 2 / Пер. с персидского О.И. Смирновой. – М.-Л. Изд-во АН СССР, 1952. – 316 с.
18. Севортян Э. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.
19. Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. 2. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. – 222 с.
20. Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. 3. Хозяйственные документы / Чтение, перевод и комментарии М.Н.Боголюбова и О.И.Смирновой. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. – 132 с.
21. Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии V-VII вв. – М. Наука:, 1979. – 157 с.
22. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). – М.: Наука, 1991. – 591 с.
23. Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. – СПб., 1903. – 378 p.
24. Chavannes E. Çin yıllıklarına göre Batı Türkleri / Çevri M. Koç. – İstanbul: Selenge, 2007. – 495 s.
25. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – xlviii + 989 p.

26. Durkin-Meisterernst D. Dictionary of Manichaeic Middle Persian and Parthian (= Corpus Fontium Manichaeorum, Dictionary of Manichean Texts, Vol.III: Texts from Central Asia and China, Pt.1). – Turnhout, Belgium, Brepols, 2004. –1078 p.

27. Eski T'ang tarihi (*Chiu T'ang-shu*) 194 a: “Türkler” bölümü: Çin kaynaklarında Türkler: açıklamalı metin neşri / İsenbike Toğan, Gülnar Kara, Cahide Baysal. – Ankara: TTK Basımevi, 2006. – xxix + 519[8] s.

28. Han Hanedanlığı tarihi. Hsing-nu (Hun) monografisi. Çev. A. Onat, S. Ersoy, K. Ercilasun. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2004. – xviii + 152 + yak. 75 s.

29. Liu Mau-Tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost Türken (T'u-küe), Buch 1, Texte (“Göttinger Asiatische Firschungen”, Bd, 10). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – 484 s.

30. Liu Mau-Tsai. Çin kaynaklarına göre Doğu Türkleri / Çeviri E. Kayaoğlu, D. Banoğlu. – İstanbul: Selenge, 2006. – 640 s.

31. Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. – Leiden, 1938. – 202 s.

32. Marquart J. Eranshahr nach der Geographic des Ps. Moses Xorenaci. – Berlin, 1901. – 378 s.

33. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica II. Sprachreste der Türkvölker in den Bizantischen Quellen. – Berlin: Akademie-Verlag, 1958. – 376 s.

34. Müller F.W.K. Ein Doppelblatt aus einem Manichäischen Hymnenbuch. (Mahnāmag) // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. – Berlin, 1912. –№.5. – P. 3-40.

35. Müller F.W.K.. Zwei Pfahlinschriften aus den Turfanfunden // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. – Berlin, 1915. – Br. 3. – P. 3-38.

36. Pahlavi Texts. The Bundahisn-Bahman Yast, and Shayast La-Shayast / Translated by E. W. West // Sacred Books of The East, Vol. 5, Part I. – Delhi, 1987. – 438 p.

37. Raesaenen M. Versuch eines etymologischen Woerterbuchs der Tuerksprachen. – Helsinki, 1969. – 548 s.

38. Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan, I: Legal and Economic Documents. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 254 p.

39. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. – Leiden - Boston: Brill, 2003. – 2096 p.

40. Tekin T. Orhon yazıtları. Kül tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. – İstanbul: Sanat Kitabevi, 2003. – 152 s.

II. Исследования

1. Абдурахмонов Ғ., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Тошкент: Ўқитувчи, 1982. – 168 б.

2. Абдуҳолик Абдурасул ўғли. Туркий халқлар тарихига оид тибетча хужжат // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. – Тошкент, 1997. – №6. – Б. 72-77.

3. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата: Ғылым, 1971. – 380 с.

4. Амбарцумянц А.А. Этноним «хйаона» в Авесте // Записки Восточного отделения Российского Археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. I (XXVI). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – С. 35-71.

5. Артамонов М.И. История Хазар. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 524 с.

6. Аскарлов А. Некоторые вопросы истории становления узбекской государственности // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1997. – № 3-4. – С. 65-76.

7. Бабаяров Г. Чач в эпоху Тюркского каганата (по нумизматическим данным) // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. – Тошкент: Фан, 2005. – С. 203-205.

8. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса VI–VIII вв. – Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои, 2007. – 120 с.

9. Бабаяров Г. К истории формирования Западно-Тюркского каганата // III. Международный тюркологический конгресс. Актуальные проблемы и перспективы современной тюркологии (Общий язык, история и алфавит), 18-20 май 2009 г. – Туркестан, 2009. – С. 491-498.

10. Бабаяр Г., Кубатин А. К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология. – Туркестан, 2005. – № 6. – С. 97-105.

11. Бабаяров Г., Кубатин А. К новой интерпретации имени правящего рода Самарканда из надписей в росписях Афрасиаба // Самарқанд шахрининг умумбашарий мадания таракқиёт тарихида тутган ўрни. Самарқанд шахрининг 2750 йиллик юбилейига бағишланган халқаро илмий семпозиум материаллари. – Тошкент–Самарқанд: Фан, 2007. – С. 216-220.

12. Бабаяров Г., Кубатин А. К орфографии титула «джабгу» на согдоязычных монетах Чача эпохи Западно-Тюркского каганата // Акад. У. Каримов номидаги ёш шарқшунослар илмий конференцияси тезислари. – Тошкент, 2007. – Б. 129-131.

13. Бабаяров Г., Кубатин А. Древнетюркские титулы в эпоху до Тюркского каганата // Век науки и образования. – Астана, 2012. – № 7-9. – С. 52-64.

14. Бабаяров Г., Кубатин А. К новой интерпретации доисламских монет Отрара // Ўзбекистон ва шарқ мамлакатларининг ҳамкорлиги: тарих ва ҳозирги замон. Республика илмий конференцияси тезислари. – Тошкент, 2014. – С. 98-100.

15. Баратова Л.С. К исторической интерпретации титула «каган» на древнетюркских монетах Средней Азии конца VII-первой половины VIII вв. // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 1998. – вып. III. – С. 41-43.

16. Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. - 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова. Науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. – СПб, 2009. – 248 с.

17. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1985. – 208 с.

18. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI-VIII вв. – Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 207 с.

19. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. – 256 с.

20. Бернштам А.Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // Вестник древней истории. – М., 1952. – №1. – С. 187-195.

21. Бобоёров Ф. Тохаристон ябғулари тарихига доир // Ўзбекистон тарихи. – Тошкент, 2003. – №. 3. – Б. 3-10.

22. Бобоёров Ф. Чоч тарихидан лавҳалар (Илк ўрта асрлар). – Тошкент: Yangi nashr, 2010. – 168 б.

23. Бобоёров Ф. Ғарбий Турк хоқонлигининг давлат тизими. Тарих фанлари доктори ... дис. – Тошкент, 2012. – 380 б.

24. Боровкова Л.А. Царства “Западного края” во II – I веках до н. э. – М.: ИВ РАН - Крафт+, 2001. –368. с.

25. Гукасян В.Л. Тюркизмы в албанских источниках // Тюркология. – Баку, 1977. – №2. – С. 30-41.

26. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с.

27. Дадабаев Х. Военная лексика в староузбекском языке // Проблемы лексики староузбекского языка. – Ташкент: Фан, 1990. – С.7-94.

28. Добродомов И.Г. Тюркская топонимика в «Повести временных лет» // Тюркская ономастика. – Алма-Ата: Ғылым, 1984. – С. 131-141.

29. Дутураева Д.Ш. Центральная Азия в период правления Каракитаев (вторая четверть XII – начало XIII вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ташкент, 2010. – 31с.

30. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. – М.: Издательская фирма Восточная литература, 2007. – 223 с.

31. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. –338 с.

32. Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г. Титулатура доисламских правителей Чача. – Ташкент: Таш ГИВ, 2009. – 88 с.

33. Исҳоқов М. Унутилган подшоликдан хатлар. – Ташкент: Фан, 1992. – 58 с.

34. Каржаубай С. Объединенный каганат тюрков в 745-760 годах. – Астана: Фолиант, 2002. – 220 с.

35. Камалов А. Тюрки и иранцы в Танской империи (618-907 гг.). Дис... док. ист. наук – Алматы, 2008. – 282 с.

36. Камолиддин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии. – Ташкент: Шарк, 2006 – 192 с.
37. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.
38. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. – 591 с.
39. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – М., 1971. – Вып. 10. – С. 121-146.
40. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 342 с.
41. Кочнев Б.Д. Нумизматическая история саманидского сановника Кут-тегина / Хут-тегина (X в.) Окончание) // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 2004. – № VII. – С. 62-69.
42. Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991-1209 гг.). Часть I. Источниковедческое исследование. – М.: София, 2006. – 344с.
43. Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под. ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. – М.: Наука, 1988. – С. 223-296.
44. Кубатин А. К этимологии древнетюркского титула *erkin* // Ёш шарқшуносларниг акад. У. Каримов номидаги илмий конференцияси тезислари. – Тошкент, 2009. – 186-188 б.
45. Кубатин А. К вопросу о генезисе древнетюркских титулов // *O'zbekiston tarixi*, №4. – Ташкент, 2010. – С. 61-73.
46. Кубатин А. Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг // Урало-алтайские исследования, № 3 (14). – Москва, 2014. – С. 12-23.
47. Лившиц В.А. Правители Панча (Согдийцы и тюрки) // Народы Азии и Африки. – М., 1979. – №4. – С. 56-69.
48. Лившиц В.А. Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана. 2-изд. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 117-148.

49. Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Семиречья // Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С. 350-388.

50. Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // Вестник древней истории. – М., 1964. – № 3. – С. 155-176.

51. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана (в III – IV вв.). – М.: Изд-во Восточной литературы, 1969. – 242 с. с илл.

52. Малявкин А.Г. История Восточного Туркестана в VII-X вв. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под. ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. – М.: Наука, 1988. – С. 297-351.

53. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. – Новосибирск: Наука Сиб. Отд-е, 1989. – 432 с.

54. Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М.-Л.: Наука, 1960. – С. 112-118.

55. Немет Ю. К вопросу об аvaraх // Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л.: Наука, 1976. – С. 298-303.

56. Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды САГУ. – Ташкент, 1951. – вып. 23. – С. 91-104.

57. Отахўжаев А. Суғд шаҳрининг турк ҳокими // Шарқшунослик, ТДШИ. – Тошкент, 2001. – №2. – Б. 40-42.

58. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 289 с.

59. Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию (Из истории торговли Византия с Востоком в IV-VI вв.) – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 410 с.

60. Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Том 1. – Ташкент: Media Land, 2002. – 304 с.

61. Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача (вторая половина III-середины VIII в. н.э.). – Ташкент: Media Land, 2006. – 132 с.
62. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. – М.: Наука, 1970. – 288 с.
63. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М.: Наука, 1981. – 548 с.
64. Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // Вестник древней истории. – М., 1997. – № 3. – С. 3-11.
65. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 2-е изд., доп. / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
66. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
67. Таскин В.С. Опыт дешифровки киданьской письменности // Народы Азии и Африки. – М., 1963. – №1. – С. 127-147.
68. Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884-1931). – М.: Наука, 1986. – С. 213-218.
69. Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. – М.: Издание МГУ, 1948. – 352 с.
70. Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV-VII вв. (К истории народов Средней Азии) // Советская археология. – М., 1954. – Т. XXI. – С.131-147.
71. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольский империи XIII в. – М.: Восточная литература, 1993. – 168 с.
72. Турсун Н. Уйгурское Турфанское идикутство: культура и религия // Уйгуроведение в Казахстане: традиция и новация. Материалы международной конференции, Алматы, 30 сентября 2005. – Алматы: Наш мир, 2006. – С. 68-75.
73. Ходжаев А. Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников). – Ташкент: Тафаккур, 2010. – 220 с.

74. Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. – Ташкент: Фан, 2006. – 327 с.
75. Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // Вопросы языкознания. – М., 1989. – № 2. – С. 54-93.
76. Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // Вопросы языкознания. – М., 1990. – № 3. – С. 81- 91.
77. Alemany A. Batı Avrasya Steplerinde Türk ve Alan Halkları Arasındaki Tarihi Bağlantılar // Türkler, 2. cilt. – Ankara: Yeni Türkiye yayınları, 2002. – S. 530-535.
78. Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu - The Catalogue of the Coins of Turkic Qaghanate. – Ankara: TİKA, 2007. – 244 p.
79. Bacot J. Reconnaissance en haute asie septentrionale par cinq envoyes ouigours au VIIIe siècle // Journal Asiatique. – Paris, 1956. – Tome CCXLIV. – P. 137-153.
80. Bailey H.W. Śri Viśa Śūra and the Ta-uang // Asia Major. – London, 1964-1965. – Vol. XI. – P. 1–26.
81. Bailey H.W. A Khotanese text concerning the Turks in Kantşou // Asia Major. – London, 1949-1950. – Vol. I. – P. 28-52.
82. Beckwith C.I. Aspects of the Early History of the Central Asian Guard corpus of Islam // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – Wiesbaden, 1984. – Tom IV. – P. 29-45.
83. Beckwith I.C. The Tibetan Empire in Central Asia: A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – xxii + 281 p.
84. Bombaci A. On the ancient Turkic title *Eltäbär* // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Ravello 26-30 september 1966. – Napoli, 1970. – P. 1-67.
85. Bombaci A. The Husband of Princess Hsien Li *Bilgä* // Studia Turcica. – Budapest, 1971. – P. 103-123.
86. Bombaci A. On the Ancient Turkish title *šad* // Gururajamenjarika Studi Onare di G. Tucci. – Napoli, 1974. – P. 168-193.

87. Boodberg P. The Language of the T'o-Pa Wei // Harvard Journal of Asiatic Studies. – Cambridge, 1936. – Vol. 1, No. 2. – P. 167-185.
88. Bregel Y. An historical atlas of Central Asia. – Brill-Leiden-Boston, 2003.–109 p.
89. Clauson G. Turk, Mongol, Tungus// Asia Major. – London, 1960/1961. – Vol. VIII. – P. 105-123.
90. Çandarlıoğlu G. Sarı Uygurlar ve Kansu bölgesi (9.-11.Asırlar). – İstanbul, 2004. – 124 s.
91. Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. II. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1965. – 671 s.
92. Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. III. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1967. – 670 s.
93. Doerfer G. Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. IV. –Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1975. – 640 s.
94. Donuk A. Eski türk devletlerinde idari-askeri unvan ve terimler. – İstanbul, 1988. – 134 s.
95. Drompp M.R. Chinese “Qaghans” appointed by the Türks // T'ang studies. – Taipei, 2007. – №25. – P. 183-202.
96. Ecsedy H. Old turkic titles of Chinese origin // Acta Orientalia Hungarica. – Budapest, 1965. –T.XVIII. – P. 83-91.
97. Ekrem E. Hsüan-Tsang Seyahetnamesi'ne göre Türkistan. Basılmamış doktora tezi. Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Ankara, 2003. – 318 s.
98. Erkoç H.İ. Eski Türklerde Devlet Teşkilatı. Basılmamış Yüksek Lisans Tezi. Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Ankara, 2008. – 270 s.
99. Frye R. Note on the Early Sassanian State and Church // Studi Orientalistici in Onore di Giorgio Levi Della Vida. Vol.I. – Roma, 1956. – S. 314 -335.
100. Frye R. Some Early Iranian Titles // Oriens. – London, 1962. – Vol.15. – S. 352-359.
101. Gabain A. von. Eski Türkçenin Grameri / Türkçe çev. M. Akalın. – Ankara: TDK Yayınevi, 1988. – 313 s.

102. Gedikli Y. Hun türkçesi üzerine araştırma ve incelemeler - 3.Yabgu unvanının manası ve menşeyi // Türk dünyası araştırmaları. – Ankara, Nisan 2007. – Sayı 167. – S. 49-68.
103. Genç R. Karahanlı devlet teşkilatı. – Ankara: TTK Basımevi, 2002. – xxx + 265 s.
104. Gibb H. The Arab Conquests in Central Asia. – New York, 1923. – 102 p.
105. Golden P.B. Khazar studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins oft he Khazaes. Vol.1 – Budapest: Akademiai kiado, 1980. – 287 p.
106. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. –Wiesbaden: Otto Harrasovitz, 1992. – 484 p.
107. Golden P.B. Türk Halkları tarihine Giriş / Çev. O. Karatay, KaraM. – Ankara, 2002. – 389 s.
108. Golden P.B. Hazar çalışmaları. Çev.Çağrı Mızrak. – İstanbul: Selenge, 2006. – 384 s.
109. Göhçe S. İlkçağda Hindistan’da Türk varlığı // The Journal of İndo-Turcica. – İstanbul, 2008. – S. 9-29.
110. Gömeç S. Kök türkçe yazılı belgelerde yer alan unvanlar // Türk kültürü. – Ankara, 2000. – № 443. – S. 129-142.
111. Grenet F., de la Vaissiere E. The last days of Panjikent // Silk Road Art and Archaeology. – Kamakura, 2002. – № 8. – P. 155-196.
112. Harmatta J., Litvinsky B.A. Toharistan and Gandhara under Western Turk rule // History of Civilizations of Central Asia. Vol. 3. – Paris 1996. – P. 367-402.
113. Heršak E. Avarlar: Etnik Yaradılış Tarihlerine Bir Bakış // Türkler, 2. cilt. – Ankara: Yeni Türkiye yayınları, 2002. – S. 641-657.
114. Huncan S. Türk Hakanlığı (Karahanlılar). 2. Baskı. – İstanbul: IQ Kültür Yayıncılık, 2007. – 528 s.
115. Inaba M. The Identity of the Turkish Rulers to the South of Hindukush from the 7th to the 9th Centuries A.D. // Zinbun. Annals of the Institute for Research in Humanities, Kioto University. – Kioto, 2005. – No. 38. – P. 1-19.
116. Klyashtorny S. G. Ancient Turk Rock inscriptions in the Talass Ala-Too. A Sogdian Word in an Old Turk Inscription // Ērān ud Anērān. Studies Presented to B.I. Maršak on the Occasion of His 70th Birthday. – Venezia, 2006. – P. 367-370.

117. Kljaštornyj S.G., Livšic V.A. The Sogdian Inscription of Bugut Revised // *Acta Orientalia Hungarica*. – Budapest, 1972. – No. 26:1. – P. 69-102.

118. Kuwayama Sh. Historical Notes on Kapisi and Kabul in the Sixth-Eighth Centuries // *Zinbun. Annals of the Institute for Research in Humanities, Kyoto University*. – Kyoto, 1999. – No. 34(1). – P. 25-77.

119. Maenchen-Helfen Otto J. The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1973. – 602 p.

120. Mori M. A-shih-te Yüan-chen ve Tonyuquq // *İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi*. – Ankara, 1973. – №5. – S 83-93.

121. Moriyasu T. On the Uighur Buddhist Society at Čiqtim in Turfan during the Mongol Period // *Splitter aus der Gegend von Turfan. Festschrift für Peter Zieme anlässlich seines 60. Geburtstags / Herausgegeben von M. Ölmez, S.-C. Raschmann*. – İstanbul – Berlin, 2002.– S. 153-177.

122. Ögel B. Über die alttürkische Schad (Sü-Baschi)-Wurde // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1963. – Vol. VIII, No. 1. – S. 27-42.

123. Osawa T. Batı Göktürk Kağanlığın'daki Aşinaslı Bir Kağan'ın Şeceresine ait Bir Kaynak // *Türkler*, 2. cilt. – Ankara: Yeni Türkiye yayınları, 2002. – S. 79-88.

124. Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker // *Ural-Altäische Jahrbuch*. – Wiesbaden, 1952. – Band XXIV, Heft 1-2. – S. 49-104.

125. Pritsak O. The Old Turkic Title “*γwry'p'ynt*” // *Studia turcologica memoriae Alexii Bombac dicata*. – Napoli, 1982. – P. 402-406.

126. Pulleyblank E.G. Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. – Vancouver: UBC Press, 1991. – 488 p.

127. Ramstedt G.J. Alttürkische und mongolische Titel // *Journal de la société finno-ougrienne*. – Helsinki, 1951. – № 55. – S. 59-82.

128. Rybatzki V. Titles of Turk and Uigur Rulers in Old Turkic Inscriptions // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 2000. –Vol. 44. – P. 205-292.

129. Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente: Eine Lexikalische Untersuchung. – Helsinki, 2006. – 841 s.

130. Sims-Williams N. From the Kushan-shahs to the Arabs. New Bactrian documents dated in the era of the Tochi inscriptions // Coins, Art and Chronology Essays on the pre-islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. – Wien 1999. – P. 245-258.

131. Skaff K.J. Western Turk Rule of Turkestan's Oases in the Sixth through Eighth Centuries // The Turks. Vol. 2. – Ankara, Yeni Türkiye yayınları, 2002. – P. 364-372.

132. Stark S. Nomaden und Sesshafte in Mittel- und Zentralasien: Nomadische Adaptionsstrategien am Fallbeispiel der Alttürken // Grenzüberschreitungen. Formen des Kontakts und Wege des Kulturtransfers zwischen Orient und Okzident im Altertum, ed. Schuol, M., Hartmann, U., Luther, A., – Stuttgart, 2002. – S. 363-404.

133. Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. – 591 s.

134. Sümer F. Türk Devletleri Tarihinde Şahis Adları. – İstanbul, 1999. – 287 s.

135. Şeşen R. İslam Coğrafyacılara göre Türkler ve Türk ülkeleri. – Ankara 1985. – 300 s.

136. Taşağıl A. Gök-Türkler I. 1. Baskı. – Ankara: TTK Basımevi, 1995. – ix + 193 + [23] s.

137. Taşağıl A. Gök-Türkler II. – Ankara: TTK Basımevi, 1999. – viii + 128 + [12] s.

138. Taşağıl A. Gök-Türkler III. – Ankara: TTK Basımevi, 2004. – ix + 109 + [20] s.

139. Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. – İstanbul: Sanat kitabevi, 2003. – 272 s.

140. Tezcan S. Tonyukuk yazıtında bir kaç düzeltme // Türk dili araştırmaları yillığı. – Ankara, 1975-1976. – S.173-181.

141. Tezcan S. Eski türkçe *buyla* ve *baya* sanları üzerine // Türk dili araştırmaları yillığı. – Ankara, 1977. – S. 53-69

142. Tuğuşeva L. Yu. Göktürkler ve Toharlar Arasındaki Münasebetler // Türkler, 2. cilt. – Ankara: Yeni Türkiye yayınları, 2002. – S. 152-156.

143. Togan Z.V. Das Özbekische epos Chan-name // Central Asiatic Journal. – Wiesbaden, 1955. – Vol. I. – S. 144-156.
144. Uray G. The old Tibetan sources of the History of Central Asia up to 751 A.D.: Survey // Prolegomena. The sources of history of Pre-Islamic Central Asia / Edited by J. Harmatta. – Budapest, 1979. – P. 275-304.
145. User H.Ş. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı yazıtları. Söz varlığı incelemesi. – Konya: Kömen Yayınları, 2009. – 648 s.
146. Vaissière E. de la. Is There a “Nationality of the Hephtalites”? // Bulletin of the Asia Institute. New Series. – 2003. – Volume 17. – P. 119-132.
147. Yoshida Y. Some Reflektions about the Origin of *čamuk* // Papers on the Pre-Islamic Documents and Others Materials Unearthed from Central Asia. – Kyoto, 2004. – P. 126 -135.
148. Zuckerman C. Hazarlarda İkilli Yönetiminin Kökeni ve Yahudiliğe Geçiş Şartları // Türkler, 2. cilt. – Ankara: YeniTürkiye Yayınları, 2002. – S. 481-490.

SUMMARY

Andrey Kubatin

The System of Titles in the Turkic Khaganate

In the first chapter “*The main sources and researches on the system of titles Turkic Khaganate*” there is analysis presented of the main sources and studies which reflect ancient Turkic titles and information related to the system of titles of Turkic Khaganate. The analyses of the sources showed that at present there is more information related to the system titles of Turkic Khaganate which took place in the written sources in the different languages and in the numismatic materials. The formation of the system of titles in the Turkic Khaganate allows us to follow the Chinese chronicles, including the whole period of its existence and consistently clear events. However, it is impossible to get a full image of the khaganate titles system and its requires to involve all sources of information related to the problem including the numismatic materials relying only on the information of the Chinese chronicles.

In addition, despite the considerable researches that only can explain some information about titles Turkic Khaganate, there is still no study that can fully reveal the genesis, the process of formation titles in the Turkic Khaganate, and could discover its characteristic features.

The second chapter “*Old Turkic titles in the era before Turkic Khaganate*” is devoted to the researches of the genesis and succession of titles in political associations of nomadic ethnic groups in Central Asia, and also the analyses and opinions on the origin of Turkic Khaganate.

The Chapter discloses that the titles of ancient Turkic had been developed over the centuries, and the source of its formation was as usually the Turkish, and borrowed from neighboring people titles. The beginning of this process had to create the state of Xiong-nu (Huns), and had continued until the formation of Turkic Khaganate, which continued its traditions of statehood and developed them basing on its

internal requirements, and made a great contribution to their further improvement.

In addition, most of the views which were expressed there about the titles and epithets adoption can be described as tentative at least. The reason lies in the fact that it is very difficult to say anything definitely about under what condition, when and in what environment they were borrowed by the ruling elite of Turkic Khaganate. It is unknown whether these adoptions were with the formation of khaganate, or on the contrary, they were the result of ethno-political relationships after having included above-mentioned ethnic groups in its structure.

In the third chapter "*Titles in the Turkic Khaganate*" there are considered titles and epithets which were used in the Turkic Khaganate, their hierarchy and functions, as well as the basic features inherent in its system of titles is revealed.

The available information of the present time allows us to reveal in the system of khaganate management about 40 titles and more than 50 adjectives that can be divided into: 1) official: a) *administrative*, b) *military*; 2) social: a) *religious*, b) *symbolic / honored*.

The system of titles political associations of Central Asia sharply differed from the titles specific to states of medieval Europe, which can be seen in the Turkic Khaganate, where the majority of the titles at the same time could designate the name of the posts. The analyses of titles that existed in the management of khaganate, shows that although they were honorable, for the most part they were designated to a certain position. In the control system, each of the officials, depending on its position in the hierarchy, had its own specific title. In the time, to refer all the important officials used the term *beg (bek)*. Details of ancient Turkic steles allow to understand the use of the term in the official meaning, and the meaning of generalized person who were in a high position in society, or a set of important officials.

A special place in the Turkic Khaganate titles held epithets that made up its relative majority and their number count more than fifty. With this features Turk Empire is very different from its previous state associations based on nomadic

ethnic groups. Epithets that existed in the khaganate, in essence, were very different from each other, but they can be divided into two major groups: the epithets “define” rank (or degree) within the one title, and “honored” epithet-nicknames.

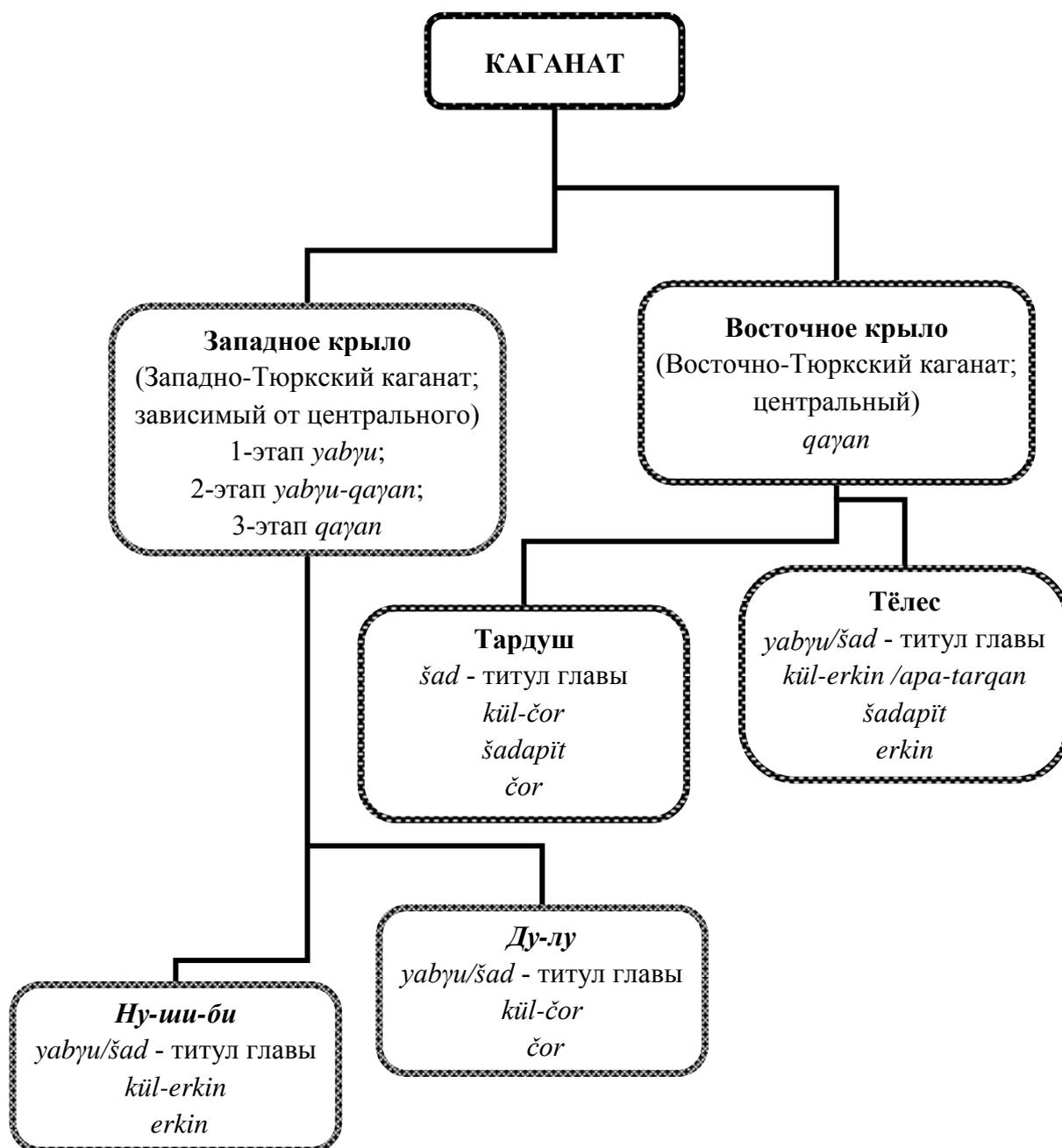
The presence of such a large variety of titles and epithets in the Turkic Khaganate is an evidence that to control such a vast territory of the state developed a complex system of management that takes into account all areas of private and particular government, which had been implemented in practice.

ПРИЛОЖЕНИЯ

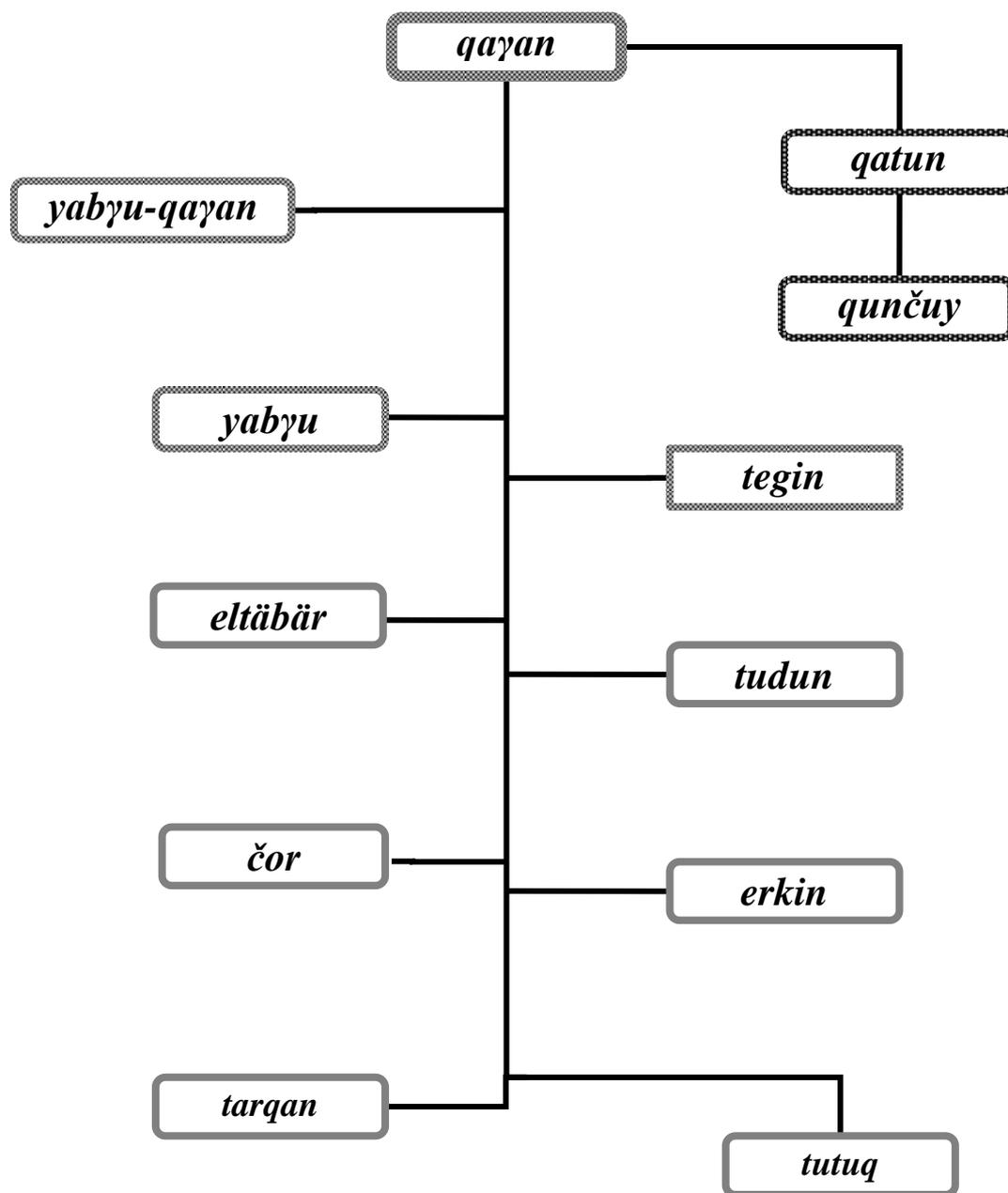
Прил. №1. Титулы и эпитеты, употреблявшиеся в
Тюркском каганате

№	Титулы	Эпитеты	№	Титулы	Эпитеты
1	(a)taman	<i>alp</i>	29	tarqan	<i>qarqan</i>
2	ayyučī	<i>apa</i>	30	tärkän	<i>qara</i>
3	beg	<i>arslan</i>	31	tayanyu	<i>*qari</i>
4	bitikči	<i>avči</i>	32	tegin	<i>qasar</i>
5	biŋbaši	<i>baya</i>	33	toyğun	<i>qumar</i>
6	beşyüzbaši	<i>bayatur</i>	34	tudun	<i>qut, qutluy</i>
7	boyla	<i>bars</i>	35	tutuq	<i>*saqal</i>
8	buyruq	<i>bengü/mengü</i>	36	uruŋu	<i>sebig</i>
9	čabiš	<i>bilgä</i>	37	yabyu	<i>sim</i>
10	čigši	<i>bögü</i>	38	yalabač	<i>sir</i>
11	čor	<i>böke</i>	39	yaryan	<i>(she-gui)</i>
12	čupan	<i>böri</i>	40	yüzbaši	<i>tardu</i>
13	elči	<i>boyra</i>	41		<i>tay</i>
14	eltäbär	<i>çıqan</i>	42		<i>tiräk/*tirgäk</i>
15	erkin	<i>el</i>	43		<i>toŋa</i>
16	ičräki	<i>*elik/ilik</i>	44		<i>toyan</i>
17	idiquť	<i>er</i>	45		<i>tulu (?)</i>
18	inanču	<i>inäl</i>	46		<i>tun</i>
19	ögä	<i>išbara</i>	47		<i>*turum</i>
20	qayan	<i>[kičig]</i>	48		<i>uluy</i>
21	qan	<i>küč</i>	49		<i>yelbi</i>
22	qatun	<i>kül, külüg</i>	50		<i>yenčü</i>
23	sänün	<i>(a)nuš</i>	51		<i>yigän</i>
24	sübaši	<i>*nizuk</i>	52		<i>yolluy</i>
25	šad	<i>ozmiš</i>	53		<i>*yuquq</i>
26	šadapit	<i>oŋ</i>	54		
27	tamyān	<i>oqči</i>	55		
28	tamyāči	<i>qadir</i>	56		

**Прил. № 2. Структура Тюркского каганата и титулы,
употреблявшиеся в системе управления крыльев**

Прил. № 3. Иерархическая лестница Тюркского каганата

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СИСТЕМЕ ТИТУЛОВ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА	
1.1. Письменные источники	8
1.2. Археологические источники.....	30
1.3. Исследования по системе титулов Тюркского каганата.....	35
ГЛАВА 2. ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ТИТУЛЫ В ЭПОХУ ДО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА	
2.1. Генезис титулов и их преемственность в политических объединениях кочевых этносов Центральной Азии	45
2.2. Анализ существующих в научной литературе мнений о происхождении титулов.....	69
ГЛАВА 3. ТИТУЛЫ В ТЮРКСКОМ КАГАНАТЕ	
3.1. Система титулов.....	90
3.2. Эпитеты и парные титулы	131
3.3. Идентификация некоторых древнетюркских титулов и эпитетов...	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	170
SUMMARY	185
ПРИЛОЖЕНИЯ	188

КУБАТИН А.В.

**СИСТЕМА ТИТУЛОВ В ТЮРКСКОМ КАГАНАТЕ:
ГЕНЕЗИС И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ**

Монография

Редактор *И.Шаймарданов*
Художественный редактор *Д.Акромов*
Технический редактор *Б.Ирисбоев*
Верстальщик *Д.Акромов*

Лицензия издательства АИ № 111. Подписано в печать 11.03.2016
Формат 60x84 ¹/₁₆. Объем 12,0 п. л. Тираж 200 экз.
Счет-договор № 3. Заказ № 49/7.

Издательство «YANGI NASHR».
100115 Ташкент, улица Чиланзарская, 1.
Тел.: +(99895) 197-79-04

Оригинал макет подготовлен в ООО «Bilik-Print».
100115 Ташкент, улица Чиланзарская, 1.

Отпечатано в типографии «ADAD PLYUS».
г. Ташкент, Чиланзарский р-н, улица Бунёдкор, 28.